

Любовница
МОЕГО МУЖА

ОКСАНА БАРСКИХ

— Как давно ты спишь с моей племянницей, Леш? — Это была ошибка, малыш. Всегда раз. Я был не в себе. — Не называй меня так. И не оправдывайся. Выглядишь жалко. Дочь ее старшей сестры стояла в стороне, наблюдая за нашей с мужем перепалкой, и с гордостью гладила свой беременный живот. Заметив мой взгляд, даже не постеснялась нагло обратиться ко мне. — Так у нас всё в силе? Вы усыновите ребенка, тетя Надя? Мы договаривались.

Надя и Алексей Гдальские пять лет пытались завести ребенка. Безуспешно. Надя была настолько одержима попытками забеременеть, что не замечала, как отдалился ее муж — стал задерживаться на работе, часто уезжать в командировки. А затем изменил. С последствиями.

Любовница моего мужа
Оксана Барских

Надя с самого утра нервничала. Тест не показал желанные две полоски, и очередное разочарование горьким комом осело в груди. Всё буквально валилось из рук — тарелки разбивались, вещи падали на пол, а техника не желала подчиняться — одну только стирку пришлось перезапускать три раза.

— Ты бы с таким рвением лучше бы мужу время уделяла, Надя, — врезались в память слова подруги Таи. — Думаешь, он задерживается из-за работы? Как давно это продолжается? Нельзя же быть настолько наивной.

Глупости. Надя не сомневалась, что Леша хотел ребеночка так же сильно, как и она. На лечение и обследование уходила прорва денег, и, конечно же, он стал брать на себя больше обязанностей, оставаться в офисе допоздна. Всё логично. А Тая по себе судит. От нее ведь муж год назад ушел к своей секретарше, вот и дует на воду.

— Надя, — раздался голос Леша.

Она подорвалась, вставая с корточек. Не заметила, что всё это время смотрела на круглое окошко стиральной машины. Стало стыдно перед мужем. Он впервые за несколько недель пришел с работы вовремя, а она даже встретить его, как полагается, не может.

Леша стоял у порога хмурый.

— Почему не раздеваешься? — мягко улыбнулась, но близко не подходила. Хотелось полюбоваться любимым со стороны.

Серый брендовый костюм сидел на нем, как влитой, а черные кожаные туфли блестели, словно их только натерли лаком. Золотые запонки она подарила ему на прошлую годовщину свадьбы, и ей было лестно, что он так ценил ее подарки, что не снимал их.

— Ты собрала мои вещи? — голос у него звучал глухо, словно кто-то умер.

— Да, конечно, — кивнула, начиная чувствовать, что что-то не так. — У тебя снова командировка? Может, мне самой позвонить Архипову, чтобы не нагружал тебя?

В свое время Надя работала в той же компании, что и Леша. Трудилась там в отделе бухгалтерии, в то время как будущий муж служил под началом главного юриста холдинга и по совместительству Надиного одноклассника — Архипова Михаила Львовича. Затем она вышла замуж и по просьбе мужа осела дома — заниматься их семейным гнездышком и уютом, жаль, с детьми пока не получалось.

— Принеси мой чемодан, Надь, — как-то устало выдохнул муж и нервно взъерошил волосы. — Меня машина внизу ждет, срочно выезжать нужно.

Она никогда не видела у него такой взгляд. Потерянный и какой-то сломленный. Хотелось утешить его, но она сама была так взбудоражена и хотела предложить ему кое-что, но не знала, как Леша отреагирует. Боялась этого момента, словно самый ужасный кошмар.

Засуетилась и дрожащими руками выкатила из спальни подготовленный чемодан. Сердце вдруг задрезжалось и зашумело, разгоняя кровь по венам, словно забарахливший моторчик. Ладони вспотели, а по виску потек пот.

— Леш, я сказать хотела, — сглотнула, переводя взгляд с его обуви вверх и глазами лаская любимое лицо.

— Это что-то важное? Не терпит до завтра? — спросил у нее с раздражением, поднес к глазам кисть, глядя на циферблат наручных часов.

Надя проглотила готовые вырваться слова и замолчала. Она понимала, что у него

работа, и вся финансовая забота о семье лежала на муже, но зачем срывать на ней? Она ведь старалась быть ему хорошей женой, во всем поддерживала, пыталась родить желанного сына, из кожи вон лезла, чтобы в их доме царили взаимопонимание и поддержка. На глаза навернулись слезы, и она опустила голову, боясь расплакаться.

— Прости, малыш, иди ко мне. Я не хотел тебя обидеть, просто... На работе завал, Архипов в отпуск ушел, и вся компания на мне, — произнес извиняющимся тоном и раскрыл руки.

Всхлипнув, кинулась в объятия к Леше, и задрожала, вдыхая родной запах.

— Так о чем ты поговорить хотела? — спросил муж уже совершенно другим тоном, ласковым, словно извинялся за недавнюю грубость.

— Мне Алена звонила.

Моментально ощутила, как тело мужа окаменело. Подняла голову, не понимая его такой странной реакции.

— Ты уже з-знаешь? — последовал не менее странный вопрос.

Леша вдруг побледнел и коснулся пальцами галстука, дергая его из стороны в сторону.

— О чем? — нахмурилась, не понимая его такой необычной реакции.

Два взгляда встретились, пару секунду он словно удав гипнотизировал жену своими глазами, а затем вдруг расслабился, словно с его плеч свалился неподъемный груз.

— Снова хочет Миру к нам послать? — вдруг съязвил он, а вот Надя чуть не рассмеялась.

Так вот в чем было дело. Побоялся, что ее старшая двоюродная сестра снова пришлет жить к ним свою девятнадцатилетнюю дочь. Не понимала, почему у него такое предвзятое отношение к Мире. Обычная молодая девчонка. Звезд с неба не хватала, но и по клубам, как вся молодежь, не шаталась.

— Нет, — качнула головой и опустила глаза. Им предстоит тяжелый разговор.

— И слава богу. Из нее путного всё равно ничего не выйдет. Если в голове пусто, такому человеку только бог в помощь.

— Она милая и скромная девушка. Не вундеркинд, конечно, но ты мог бы в прошлый раз не артачиться и договориться в университете о ее поступлении.

— Ага, помог уже, — хмыкнул сверху Леша, но голос его звенел от напряжения. — Устроил к себе помощницей на свою голову.

— Не могло же быть всё так плохо? — закатила глаза и поправила мужнин пиджак. Надо бы уже в химчистку отдать его.

— Промолчу, — вместо пояснений, что не так, муж, как обычно, хмыкнул, но настаивать, как прежде, Надя не стала.

Сейчас ее волновало не это.

— Леш, — сглотнула, решив зайти с другого бока. — Помнишь, мы говорили с тобой, что если с беременностью снова не выйдет, мы рассмотрим вариант с усыновлением?

— Мхм, — неопределенно пожал плечами и пока не понимал, к чему она клонит.

— Репродуктолог сказала, что вероятность ЭКО в моем случае низкая.

— И? При чем тут твоя Алена? — Леша нахмурился, начиная раздражаться от этих вокруг да около.

Надя и сама тряслась, ненавидя себя за эту слабость.

— Мира беременна, — выдохнула, наконец.

— Известно, кто отец?

Не обратила внимания на странное поведение и состояние мужа и качнула лишь головой, а затем затараторила, видя, как он снова набычился.

— Мы ведь уже обсуждали с тобой усыновление и...

— Нет.

Не сразу поняла его категоричный отказ, так сильно была увлечена своими фантазиями.

— Нет?

— Мы не будем усыновлять ребенка Миры, которого она нагуляла не пойми от кого, — процедил он сквозь зубы, и глаза его отчего-то полыхнули неподдельной ненавистью.

Надя застыла на пару секунд, ведь не думала, что муж сразу поймет причины, по которым она вообще этот разговор затеяла.

— Но, Леш, ты хотя бы подумай, — сделала очередную попытку, но наткнулась на глухую стену.

Несмотря на ее уговоры и жалобный вид, муж был отчего-то непреклонен.

— Пусть делает аборт. Я пришлю деньги, и это всё, чем мы можем ей помочь.

Голос его звучал непримиримо. Надя знала его, как облупленного, и если он принимал жесткую позицию, сдвинуть с места его практически невозможно.

— Будь уверена, твоя Мира и сама захочет сделать аборт. Она та еще вертихвостка, так что не забивай этими глупостями себе голову. Лучше давай попытаемся сделать ЭКО, в крайнем случае, найдем сур. маму.

Надя стояла, как вкопанная, и лишь молча наблюдала, как муж наклонился, поцеловал ее бережно в лоб, подхватил чемодан и вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь. И унося с собой мечту, с которой она уже успела сродниться.

В этот момент зазвонил телефон. Ответила на автомате.

— Ну что, тетя Надь, ты поговорила с дядь Лешей? — голос племянницы звучал, словно на периферии. — Я на втором месяце беременности, мне ждать больше нельзя. Так я делаю аборт, или вы заберете ребенка?

Надя сделала тяжелый вдох и присела за стол. Ее всё еще колотило, но вопрос, действительно, был важный. Она чувствовала себя ответственной за Миру, ведь она забеременела два месяца назад, когда приезжала к ним с Лешей в город — выбирать университет для поступления. С учебой из-за беременности не задалось, а мать Миры винила Надю за недосмотр. Вот только и сама Надя не понимала, как такое могло произойти. Мира ведь из дома выходила только на подготовительные и на работу с Лешей.

— Я... Я еще не поговорила с мужем, Мир. Потерпи до завтра, хорошо?

Глава 1

Надя всю ночь не могла уснуть. Как только она закрывала глаза, то слышала детский плач и причитания Алены. Накрывала подушкой голову, но от собственных мыслей было не убежать.

Ближе к утру прозвучал звонок. Спросонья и с головной болью Надя не сразу поняла, откуда он — с двери или с телефона. Поднесла последний к лицу и прищурилась. Мира.

На часах всего семь утра. Племянница была нетерпеливой, но Надя сдержала раздражение, списывая ее метания на раннюю беременность. Провела по экрану вверх, принимая вызов, и прочистила горло. Нужно как-то успокоить ее. Но не успела ничего сказать, как по ту сторону прозвучал надрывный плач.

— Тетя На-а-адя.

Всхлипы перемежались соплями и тяжелыми надрывными вздохами, от которых у Нади кровь стыла в жилах.

— Что-то произошло, Мира? С тобой всё в порядке?

Подорвалась, надевая на себя халат и ежась от поддувающего сквозняка. Надо будет заняться утеплением пластиковых окон, пока не настали холода. Леша был слишком занят на работе и не обращал на такие вещи внимания, и Надя считала, что и отвлекать мужа на такие пустяки не стоило.

— Мама она... Она в больни-и-ице.

Девичий плач усилился, а вот Надю заколотило. Сердце загрохотало, и к горлу подкатила неприятная тошнота.

— Как это случилось, Мир? Я возьму такси и приеду скоро. В какой больнице она?

— У нее инфаркт случился час назад. Ее увезли в пятую городскую, она просто узнала...

Послышался шум, Мира снова заплакала, а затем отключилась. В динамике зазвучали гудки, и сколько бы Надя не набирала заветный номер, ей никто не отвечал — только неприятный женский голос, говорящий, что абонент вне зоны доступа.

Так быстро Надя никогда не собиралась. Алена и Мира были ее единственными живыми родственниками, и ими она дорожила.

Алена приходилась ей двоюродной сестрой и была старше Нади на десять лет, но разница в возрасте практически не ощущалась.

Родная мать Нади и отец Алены приходились родными братом с сестрой, но погибли пять лет назад в случайной автомобильной аварии, так что с тех пор они были друг другу опорой.

— Можно побыстрее, пожалуйста, у меня сестра в больнице в тяжелом состоянии, — вручила таксисту красные купюры и откинулась на спинку сиденья, нервно сжимая переносицу. О деньгах она совершенно не думала, все ее мысли занимала сестра.

Не верилось, что в тридцать восемь лет женщина могла слечь с инфарктом. Алена всегда была бойкой и полной сил, а тут больница и такой недуг.

Родной городок встретил Надю пасмурной погодой, стусившимися тучами над головой и моросящим дождем. Пятая больница находилась недалеко от дома сестры, и когда она ступила на порог, отчего-то обратила внимание на обшарпанные стены и убогий вид государственного учреждения. Будучи замужем за небедным человеком, совсем забыла о том, как жесток мир к тем, у кого денег не было.

— Мира, — кинулась к племяннице, как только ее провели в нужное отделение.

Та сидела на скамейке, понуро опустив голову. А когда подняла ее, Надя увидела опухшее от слез лицо и красные глаза.

— Тихо, родненькая, тихо, не плачь, — прижала ее к себе и погладила по голове.

Плечи племянницы тряслись, а кофточка Нади, которую она накинула на себя наспех, стала промокать от влаги.

— Мама... умрет? Это всё из-за меня... — слабый и надорванный голосок племянницы резал ее без анестезии, заставлял женское сердце неровно стучать и кровоточить.

Она будто перенеслась на пять лет назад, когда они с Аленой так же плакали, сидя в отделении областной больницы, и уповали лишь на чудо. Которого так и не произошло. Так что утешить Надя Миру хоть и могла, но не знала, стоило ли обнадеживать ее. Но и позволять племяннице винить себя было выше ее сил.

— Мы сделаем всё возможное, родненькая, — провела по нежным щечкам пальцами, стирая остатки слез, и поцеловала ее в лоб. — Но всё зависит от твоей мамы и от врачей. Ты ни в чем не виновата. Инфаркт может случиться абсолютно у каждого.

Мира как-то странно посмотрела на нее, но опустила глаза, словно что-то скрывала. Надя не обратила на это внимания. Племянница, видимо, думала, что ее беременность подкосила мать, но это было неправдой, Надя была уверена.

— Мне сказали, что можно установить стент, но это дорого, — всхлипнула через какое-то время девчушка, а вот Надя нахмурилась, раздраженная от того, что врачи вываливали все эти подробности на такую молодую Миру.

— Я позвоню Леше, и он всё решит. Тебе нужно думать не только о себе, — Надя бережно накрыла ладонью ее еще даже не округлившийся животик, и ее сразу же затопило нежностью.

Внутри тлела толика зависти к более успешной и плодородной женщине, но она задвинула это нехорошее чувство глубоко внутрь себя.

— В столовой не было чая, Мира, и... — вдруг раздался голос ее мужа.

Обернулась и увидела его обескураженное лицо.

— Ты разве не в командировке? — просипела, чувствуя, как неприятно сжимается грудная клетка. Казалось, ребра готовы были проткнуть все ее внутренние органы.

— Дочка нашего холдинга находится в этом городе, забыла? — усмехнулся одними губами муж и протянул Мире стаканчик теплого молока. — Пока ты ехала, я успел первым, так что не беспокойся о сестре, малыш.

Выдохнула, чувствуя невероятное облегчение. Глупая Надя, надумала себе черте что, в то время как муж старался и даже помогал ее родственникам, хотя терпеть их не мог.

— Хорошо, что ты здесь.

Пока Мира пила молоко, Надя встала и кинулась в объятия к мужу. Сейчас она ощущала себя маленькой потерянной девочкой, и поддержка защитника ей была нужна, как никогда.

— Мы оплатим лечение Алены, правда, Леш? — подняла голову, надеясь на его согласие, ведь у сестры и племянницы денег особых не водилось, и Надя помогала им по мере сил.

Муж смотрел в это время на Миру, и выражение его лица ей не понравилось. Какое-то злое, даже губы были поджаты в тонкую линию, а скулы стиснуты до четко выделенных мышц.

— Леш? — осторожно тронула его за плечо.

Когда он перевел взгляд на Надю, лицо смягчилось, а глаза засияли теплом, да и сам он весь расслабился.

— Конечно, оплатим, малыш, ни о чем не беспокойся. Ты выглядишь бледной, опять не ела с утра, да? — хмуро повел бровями.

— Не успела, — качнула головой и встревоженно посмотрела на племянницу, которая делала вид, что ее здесь не было.

Стаканчик в руках трясся, словно она не могла его удержать. Хотела было подойти и помочь Мире, но Леша развернул ее к себе.

— Иди в столовую и поешь, я всё сам проконтролирую.

— А Мира...

— Она уже ела, — сказал как-то резко, а затем, увидев мои суженные глаза, горящие неодобрением, муж смягчился. — Я с ней посижу, не переживай. Еще не хватало, чтобы и ты тут от переживаний слегла. Поняла мое ЦУ?

— Есть, капитан, — сделала слабую попытку улыбнуться, и у нее это получилось.

В столовую Надя не шла, а летела будто на крыльях. Впервые за несколько прошедших недель она увидела прежнего Лешу. Бойкого, юморного и задиристого. Того, в кого она когда-то влюбилась.

И всё же она была права. У него просто завалы по работе, поэтому он и был таким нервным. А Тая глупости говорила. Такие истории не про них с мужем. Ее Леша другой.

Глава 2

Надя готовила ужин, но мыслями была в своем родном городке, в палате сестры, которую благородно оплатил муж. Мира осталась в квартире одна, и сколько бы она ее не уговаривала, ехать с ними отказывалась.

— Леш, идем кушать, — крикнула, накрывая на стол.

Расправила лепестки роз, стоявшие в центре стола в хрустальной вазе, которая простаивала уже несколько месяцев. И что это на мужа нашло, интересно. Сказал сегодня столько комплиментов, подарил цветы, словно перед ней предстал прежний Лешик, а не начальник юридического отдела Гдальский Алексей Жданович.

— Зачем ты так напрягалась? Я же сказал, отдыхай, — муж появился в дверях кухни и нахмурился, окидывая недовольным взглядом стол.

Надя разочарованно вздохнула, ведь так надеялась его порадовать, а ему снова всё не так. Иногда ей казалось, что уют в доме нужен только ей.

Молча запорхала по кухне, высказывая мужу протест. Отвернулась и помешала борщ в кастрюле. Плечи напряглись, словно каменные, а дыхание перехватило от грудных спазмов.

В душе царилла какая-то пустота, и ей казалось, что, несмотря на то, что у нее был Леша, она как никогда была одинока.

— Ну всё, не обижайся, малыш, я просто весь на нервах. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

Ее затылка коснулись губы мужа, руки его легли на ее талию, и одна ладонь коснулась женского живота. И всё внутри нее запело, потянулось к ласковым объятиям самого желанного.

— И я тебя люблю.

Боже, как давно они не произносили этих слов. Не признавались друг другу. В их семье будто открылось новое дыхание.

— Я просто забочусь о тебе, малыш, зачем ты так гробишь себя?

— Гроблю, Леш? Ты что, мне всё это в радость. Я ведь не работаю и ничего в семью не привношу, так что это малое, что я могу сделать для тебя, для нашей семьи, — всхлипнула.

В последнее время гормоны бушевали, заставляя реветь почему зря, но сегодня причин было несколько, и плач был оправдан.

— Может, и не надо было тебе увольняться, — поджав губы, ее муж отстранился и подошел к окну.

Отодвинул занавеску и посмотрел на центр двора, где подросток качался на скрипящих качелях. Мерзкий звук разносился по всей округе, и настроение Алексея окончательно испортилось.

— Вот если бы я родила... — в очередной раз сокрушалась жена.

Гдальский стиснул пальцами переносицу и сильно зажмурился, чтобы не закричать на Надю. В последние годы она помешалась на беременности, решив за него, что ему нужен ребенок, обязательно сын, наследник.

И если поначалу она прислушивалась к его словам, что им хорошо и вдвоем, и так сильно не расстраивалась после неудачных попыток и пустых тестов на беременность, то со временем превратила роды в идею фикс, забыв обо всем, кроме своего цикла, овуляции и анализов.

— Давай спокойно поужинаем, Надя, я чертовски устал и не хочу ругаться, — развернулся и с шумом отодвинул себе стул во главе стола.

Жена засуетилась, наливая ему суп и накладывая самые сочные кусочки мяса, а Алексей еле сдерживался, чтобы не закричать на нее. Хотелось увидеть перед собой прежнюю Надю. Ту, на которой он когда-то женился, влюбившись с первой жизнерадостной улыбки. Но вместо нее на него смотрела преданная жена, желавшая угодить ему по первому требованию.

Тошно. И стыдно. Неимоверно стыдно. Гдальский дураком не был и не оправдывал свой низкий поступок, который совершил по отношению к жене, но в душе ненавидел и себя, и ее. Не мог совладать со своими эмоциями.

Ее доброта и ласка — всё это бесило, хотелось встряхнуть ее, чтобы пришла в себя и, наконец, очнулась, но он был слишком труслив, чтобы признаться в гнусной измене, и не просто со случайной прохожей. Гдальский нагадил дома, и исправить этот поступок было невозможно.

— Леш, ты же видел, как Алене с Мирой тяжело, ты подумал о моем предложении усы...

— Я сыт! — рыкнул и со злостью кинул ложку на стол.

Раздался звон, затем скрип ножек стула о пол, когда Гдальский вышел из-за стола.

Говорить еще и о ребенке, плоде его измены, которого добрая женушка хотела привести в семью, он был не в силах. Его разрывало от всепоглощающей ярости и боли, и он трусливо сбежал от жены, надеясь, что она не догадалась, что его беспокоило и пугало на самом деле.

— Вот и поговорили, — глухо прошептала в пустоту Надя.

Она осталась на кухне одна — перед ней лежала тарелка с недоеденным борщом, а на скатерти некрасиво выделялись красные пятна.

Сдерживать слезы ей приходилось много раз, но сегодня на это не было ни сил, ни желания, так что, закрыв ладонью рот, она заревела, надеясь, что Леша не услышит ее истерики.

Не стоило лезть к нему с этим разговором снова. Он ведь устал возиться с проблемами ее семьи, а она только новых ему добавляла. Не стала опорой для мужа, как обещала когда-то в ЗАГСе. Сама виновата во всем. Плохо старалась.

Когда дыхание пришло в норму, Надя вытерла ладошками остатки слез с щек и встала за тряпкой. Красные пятна раздражали, и пока она не вытерла их и не убрала хлебные крошки, обратно за стол не села.

После слез не на шутку разыгрался аппетит, и ела она, вслушиваясь при этом в звуки квартиры. Надеялась, что Леша проголодается снова и выйдет из своего кабинета, где скрывался всякий раз, когда она его чем-то выбешивала. Но вокруг царил полная тишина.

Надя расставляла тарелки строго по своему порядку — слева большие, а справа по убыванию маленькие. Никак иначе.

Она считала чистоту и порядок признаками хорошей хозяйки, и каждый раз, когда муж оставлял на столике в гостиной грязные кружки, ее брала лихорадочная дрожь. О другом она и вспоминать не хотела.

Даже не понимала, как раньше не обращала на это внимания. Словно тогда и сейчас она — два совершенно разных человека.

Тая советовала ей обратиться к психологу, считая такие перемены ненормальными, но Надя лишь усмехалась.

Тая была неряхой, каких поискать, готовить не умела и не любила, предпочитая кушать

в ресторанах или заказывать доставку, и, положив руку на сердце, Надя считала это главной причиной того, что ее муж пошел налево. Конечно же, подруге она этого не сказала, не желая терять давнюю дружбу, но мнение своего так ни разу с момента их развода пять месяцев назад не поменяла.

Алексей появился на пороге как раз в тот момент, когда его жена опустила кран, прерывая струйный поток воды. Дождался, пока она вытрет руки о кристально белое полотенце, и лишь затем заговорил.

Его раздражало, когда во время беседы она продолжала заниматься бытовыми делами, поэтому он заводил разговор только тогда, когда Надя освобождалась.

— Ты остыла? — холодный голос мужа, несмотря на металлический оттенок, вызвал у женщины небывалое облегчение.

Леша редко шел на примирение первым, но если делал это, то удавка на ее шее, казалось, ослабевала, и все ее сомнения в себе улетучивались прочь.

— Постирай мои вещи с командировки, они в чемодане, и не забудь приготовить мне костюм на завтра. У нас будет совещание акционеров, и я должен там присутствовать с докладом.

Надя радостно закивала и воспряла духом. Она не бесполезная и нужная.

— И, Надь, — голос мужа смягчился. — Ты прости, что я вспылел, тяжелая неделя выдалась.

— Всё хорошо, Леш, — женщина скользнула к мужчине, ладонью касаясь его щеки. — Я понимаю.

Ей были приятны его извинения, и она их ценила, но советы Таи пообижаться, чтобы мужик полностью оценил, как он не прав, считала неверными. В настоящих гармоничных отношениях не место подобным токсичным манипуляциям.

— Не нужно было мне на тебя наседавать, я совсем не подумала, как ты устаешь на работе с такими нагрузками, — покачала головой и прислонилась лбом к груди Алексея.

Естественный аромат его тела всегда успокаивал ее, был приятен, и именно так она когда-то поняла, что они созданы друг для друга. Мама всегда уверяла ее, что внешность — наносное, а вот запах с годами не изменится. И была права.

— А насчет усыновления, Надь, давай пока сами попробуем. Вон жена моего коллеги, ты должна его помнить, Костя Недельский, — дождавшись ее кивка, продолжил. — Так вот, они с ним семь лет пытались и ничего, а как руки опустили и с детдома малыша взяли, так и забеременела она. Пацану уже полтора года, крепыш.

Застыла, слыша в голосе Лешки надежду, и это ранило ее искромсанное за годы попыток сердце. Надя не верила, что очередная попытка не приведет к краху, но отказать мужу в его просьбе не могла.

Он давно не говорил с ней о беременности, лишь угукал и молчаливо кивал, когда она рассказывала ему о сложностях лечения, таблетках, простаивании в очередях и беременным знакомых, которых всё чаще встречала в консультации.

Иногда у нее складывалось ощущение, что ребенка хотят они оба, а старается она одна. Но в такие моменты ее сомнения уходили, вытесняемые верой в чудо. Снова.

— А со старшим что? Ему сейчас сколько? — подняла на мужа глаза.

Алексей нахмурился, не поняв ее вопроса.

— Ну, которого Недельские усыновили.

— А. Они его обратно отдали. Сама же понимаешь, одного ребенка тяжело поднимать,

а свой, он всяко роднее.

Слова его прозвучали так буднично и цинично, что у Нади на глаза навернулись слезы. Но больше всего ее поразила та легкость, с которой ее бывший коллега с женой принимали судьбоносные решения. Ребенок — это ведь не игрушка. Захотели — взяли, надоела — отдали. Это живой маленький человечек, который всё чувствует и понимает.

— Леш, ты чего, это ведь бесчеловечно, — тихо забормотала, не в силах высказаться громче, боялась, что расплачется. Нервы в последнее время ни к черту.

— Надь, ты, как всегда, излишне сердобольна, — раздраженно осадил жену Алексей и отстранил ее от себя, хватая за плечи. — Какое нам дело до их решений? Нам с ними детей не крестить.

Распространенная в быту фраза была произнесена без тени издевательства, но на Надю это подействовало, как ушат ледяной воды. Ее тело задрожало, а по щекам потекли горячие слезы.

— Прости-прости-прости, я же не со зла, Надь, я...

Его стоны донеслись ей уже вслед. Она неслась в сторону ванной, но, вопреки опасениям Гдальского, не из-за накатывающей истерики, а из-за тошноты и неприятного кислого привкуса во рту, который был вытолкнут пищеводом к горлу.

Ее снова стошнило. Второй раз за вечер. В первый, когда они только приехали из больницы, и вот сейчас.

— Надь, у тебя всё в порядке? Ты отравилась? Так и знал, что не надо было в больничной столовке ничего есть. Сходи завтра к врачу, запускать нельзя, ты же знаешь.

Голос мужа доносился до Нади приглушенно, ведь их разделяла плотно закрытая дверь. Она поднялась на дрожащих ногах и еле как коснулась руками раковины. Отражение показывало всколоченную светловолосую девушку с темными впалыми кругами под глазами и бледным лицом.

Промыла лицо и рот под краном и только затем вышла, но вот Лешу под дверью уже не обнаружила. Хотела попросить его отвезти ее в больницу прямо сейчас, но услышала его гневный голос из кабинета. Он отчитывал нерадивого, криворукого подчиненного.

— Леш, я полежу в гостиной, хорошо? — крикнула и еле как поплелась на негнущихся ногах к дивану.

Голова продолжала кружиться, но Надя, рассудив здраво, решила мужа от работы не отвлекать. Лучше возьмет с утра пораньше такси и съездит в ближайшее отделение. Наверняка, это просто незначительное отравление, так что попьет назначенные врачом таблетки, отлежится, поест супчика с бульоном, и всё быстро пройдет.

Когда наступила ночь, к мужу под бочок решила не возвращаться, вдруг у нее вирусное ОРВИ. А заражать Лешу нельзя, он плохо переносил даже малейшие простуды.

Утро ее встретило лихорадочным ознобом и температурой под тридцать восемь. Леша дома уже не было, и в доме царил полная тишина. Казалось, он не заметил, что она не ночевала с ним в спальне, от него даже ни одного пропущенного не было.

Вот только Надя затолкала обиду глубоко внутрь, как это делала всегда, встала и поплелась в ослабленном состоянии в ванную. Ей срочно нужно в больницу.

Надя вернулась домой в обед. Уставшая после поликлиники, заварила себе чай и измерила температуру. Ей не хотелось признаваться даже себе, но на приеме у терапевта на секундочку она понадеялась, что рвота — признак беременности. Даже несмотря на отрицательный тест, они ведь тоже врут. Сколько у нее было ложноположительных за прошедшие пять лет — не счесть.

— У вас ротавирусная инфекция, Надежда Гордеевна. Рвота, понос? Пейте больше жидкости. Я пропишу вам препараты, которые восполнят водно-солевой баланс. И никакой молочки, надеюсь, вы в курсе? — врач деловито расписала рецепт, говорила что-то еще, но у Нади так кружилась голова, что помнила она многое смутно.

Купив по дороге домой лекарства, первым делом прилегла на диван. Ей было холодно и срочно нужно было тепло пледа. После обеда приготовила себе рис, другое желудок категорически не принимал, а вечером позвонила мужу, испытывая тревогу, что он так долго не выходил на связь. Да и надо сказать ему, что она болеет.

— Алло, Леш, как ты?

— Привет, Надь, только с совещания вышел, — на фоне бодрого голоса мужа раздался чужой хохот, будто он был не один.

— Ты не на работе? — тут же напряглась и привстала.

— Мы с командой вырвались в ресторан. Тяжелый месяц выдался. Заодно и премию решили отпраздновать.

— Алексей Жданович, ну вы скоро? — прозвучал вдруг незнакомый женский голосок.

— Кто это?

Наде было неприятно, что он там отдыхал, даже не предупредив ее, в то время как ее весь день лихорадило и рвало.

— Сотрудница, я же сказал, что с коллегами, ты что, решила устроить мне сцену ревности на ровном месте?

Раздраженный голос Лешки уже не удивлял. Он всегда обижался, когда Надя необоснованно подозревала его. Сглотнув горький ком, она прижала коленки к груди и перехватила телефон левой рукой, подставляя под другое ухо.

— А... Прости, ты скоро домой?

Ей хотелось сгладить острые углы, и она сделала голос на порядок ласковее.

— Опять начинается, Надь. Я же не в баре с мужиками. У нас, считай, корпоратив.

— Мог бы и меня с собой позвать, — вырвалось у нее раздраженно.

Болезнь будто смывала с нее наносное, но следующие слова заставили ее сжаться и снова согласиться с мужем.

— У нас куча новеньких, ты всё равно не знакома с ними. Да и я тебя звал последние раза три, ты же сама не захотела. Подумал, и сегодня откажешься.

Надя вспомнила те вечера, когда готовилась к анализам и поездкам к врачам. Конечно же, распитие и бессонная ночь не входили в ее планы. Но зацепилась она за другие слова.

— Та девушка тоже новенькая? — голос ее звучал хрипло и слабо.

— Да, она тоже, — с нажимом произнес Гдальский. Затем тяжело и громко вздохнул. Надя будто наяву представила, как взъершил свои короткие волосы и стиснул переносицу. — Мне никто, кроме тебя не нужен, Надь. Да и тут топ-менеджеры с нами, я же не ради забавы

и алкоголя приехал. Ну хочешь, сейчас же домой вернусь?

На фоне были слышны и другие голоса — преимущественно мужские, и женщине стало стыдно. Она словно курица-наседка, которой когда-то боялась стать.

Напомнила себе, как важны корпоративы и такие вот сходки с начальством. Многие после получали должности и шли вверх по карьерной лестнице.

— Хорошо, Леш, прости, ты прав, я погорячилась, — согласилась, а затем перешла к делу, пока снова не устроила ему допрос по поводу новенькой в их отделе девицы. — Слушай, можешь по дороге домой купить...

— Всё, Надь, давай, сейчас генеральный тост говорить будет. Я перезвоню.

Прошла целая минута, но Надя продолжала смотреть на черный немигающий экран телефона. Стало горько на душе, но она проглотила обиду и снова прилегла, чувствуя, как ее штормит.

Ждала звонка мужа полчаса, час, но он так и не перезвонил.

Леш, купи, пожалуйста, регидрон, я забыла. Мне диагностировали ротавирус, так что не забудь.

Было странно, что мужу сообщила о своей болезни так, словно мимоходом, но, наверное, все пары рано или поздно приходят к такой модели отношений. Без бурных всплесков, ярких проявлений любви. Полный штиль, где требуется лишь доверие.

Может, я у матери тогда заночую? Завтра мы представим холдинг в суде, и заразиться мне категорически нельзя. Попроси соседку, тетя Машу, сходить в аптеку, она же в соседнем доме как раз находится.

Хорошо, — напечатав, отправила и положила смартфон экраном вниз.

Не стала повторять ему, что тетя Маша еще неделю назад уехала на дачу и раньше сентября не вернется. Прикрыла глаза ненадолго, собираясь с силами и настраиваясь на поход в аптеку, но энергия покинула ее, и она уснула.

А спустя несколько часов подорвалась из-за звонка в дверь. Неужели Леша всё-таки пришел?

Радостно поплелась к двери, но не подумала о том, что у мужа есть свои ключи. Он бы не стал звонить.

— Ты? — вырвалось невольно при виде нежданного гостя.

— И тебе добрый вечер, Надя,пустишь, или на пороге держать будешь?

Отступила вглубь коридора, впуская мужчину внутрь.

Мишка Архипов. Последний человек, которого она ожидала увидеть.

Мужчина прикрыл за собой дверь и поставил на тумбочку пакет.

— А Леша нет, — почувствовав озноб, Надя обхватила себя руками и глянула растерянным взглядом на бывшего одноклассника.

— Я его начальник, Надь, конечно, я знаю, что его нет, — насмешливо произнес Миша и коснулся тыльной стороной ладони горящего лба. — Какая температура?

— Тридцать семь и два. Так зачем ты...

— Ты кушала?

— Да, совсем недавно.

Архипов, не спрашивая разрешения, прошел на кухню, прихватив принесенный с собой пакет. Надя двинулась следом, не понимая, для чего он пришел.

— Я привез лекарства и регидрон.

— Откуда ты... — встала на пороге кухни и в растерянности вскинула голову.

— Гдальский сказал.

— Так это Леша тебя послал?

Настроение Нади улучшилось. Муж всё же заботился о ней, даже через свою ревность переступил. Но радость женщины гость не разделял.

— С чего ты взяла, что меня можно посылать, Надя? — тон Архипова стал на порядок холоднее.

— П-прости, я не то имела в виду, — даже заикаться стала. Никогда не видела Мишу таким, с ней он был весел и в хорошем настроении. Так повелось с самого детства.

— Ничего, Надь, я же друг семьи, забыла? Если твой муж не способен о тебе позаботиться, мой священный долг — взять его обязанность на себя.

Стало неловко. Она обхватила себя руками и переступила с ноги на ногу.

— Если бы мог, он бы вырвался. Я всегда поддерживаю его стремление к карьерному росту, — ей хотелось защитить мужа инстинктивно.

Так обычно бывало у людей, которые пытались убедить других в том, что их выбор был верным, и они не совершили ошибки.

— Уверена? — последовал насмешливый мужской тон.

— О чем ты? — нахмурилась.

Стало как-то неприятно от присутствия Архипова.

— Ладно, забудь, я просто пошутил. Настроение ни к черту.

Архипов коротко хохотнул, но взгляд его Наде не понравился. Слишком интимный, как для друга семьи, к которым он себя причислил.

— Миш, ты снова за свое?

Поджала губы. Она знала, что нравилась ему еще со школы, но не думала, что свою влюбленность он не перерос. Вот только сама она никогда не воспринимала его как мужчину. Не после того, как они однажды делили один горшок на двоих еще в подготовительном классе.

— У меня невеста есть, Шаповалова, так что расслабься. Просто не хочу, чтобы ты слегла, и Лешка застрял у твоей постели. У нас крупный контракт намечается, и его мозги и всё внимание нужны мне на рабочем месте.

Прострелившее тело облегчение не принесло ей почему-то радости. Остался какой-то осадок, но Надя списала это на физическую слабость и душевную истощенность.

— Я Гдальская, — поправила.

— Закрой за мной дверь, Надя, я пойду, — не прокомментировал никак ее слова и двинулся к выходу.

Как только мужчина ушел, Надя закрыла ключом дверь и прислонилась лбом к металлу. Миша был одной из главных причин, почему Надя уволилась. Леша ревновал, и сколько бы она его не убеждала, что между ними ничего быть не могло, напряжение в офисе нарастало, и в итоге Надя приняла решение сохранить брак и посвятить всё свое время семье.

Это было со всех сторон правильное решение. И она ни о чем не жалела.

Кого она пыталась в этом убедить? Себя? Мужа? А, может, Архипова?

Надю лихорадило, и поспать она нормально ночью не смогла. Одолевал беспокойный сон — она тонула в открытом море и не видела горизонта, лишь захлебывалась соленой водой.

А с утра ее снова разбудил звонок телефона. Пошарилась рукой по постели и со стоном провела по экрану, принимая вызов. Даже не глянула, кто звонил в такую рань.

— Тетя Надя? — потерянный голос племянницы.

— Мира? Что случилось? С Аленой что-то?

Надя сразу же подорвалась, чувствуя, как заполошно билось сердце. Несмотря на собственную разбитость, она была готова ехать в больницу по первому зову.

— Нет-нет, мама... ничего не произошло. Я по другому поводу, — успокоила ее Мира и замаялась, словно ей было неудобно.

Надя протерла одной ладонью лицо и терпеливо ждала, когда племянница, наконец, озвучит свою просьбу. Она знала ее, как облупленную, той что-то было нужно.

— Ох, Мир, я тебе перезвоню, меня сейчас вырвет.

На этих словах Надя отключилась и побежала к туалету. Опорожнив желудок, выпила воды и вернулась к дивану, перезванивая племяннице.

— Ты болеешь, тетя Надь? — заботливо поинтересовалась Мира, и женщине будто полегчало. Хоть кого-то волновало ее здоровье.

— Ротавирус.

— Ох. Жаль. Ты знаешь, я ведь хотела попросить привезти мне лекарства. Гинеколог сказал, что у меня велик риск выкидыша и...

Голос племянницы звучал неуверенно и к концу затих.

— Ты хочешь оставить ребенка? — первое, что спросила Надя, как только смогла взять себя в руки.

— Н-нет, но я подумала, вы возьмете.

— Леша против, — нехотя призналась Надя, хотя у нее щемило сердце. — Я попытаюсь убедить его в ближайшее время, но, Мир, я не знаю, получится ли.

В последнее время Гдальская уже ни в чем не была уверена.

— Так может мне с ним поговорить? Это из-за меня, наверное, тетя Надь, я ведь ему не нравлюсь, — говорила девчонка, чуть ли не плача. — Но я не потяну ребенка одна, лучше, если он будет расти у родного... у родных в полной семье.

Сердце болело, когда я слушала ее. Всё мое нутро желало усыновить или удочерить этого младенца. Это ведь моя родная кровь.

— Я бы сделала аборт, но боюсь, вдруг всё пройдет с осложнениями. Моя одноклассница предлагает мне одну бездетную семейную пару, говорит, они хорошо заплатят, — Мира замолчала. — Но мне кажется, ребенку с вами будет лучше.

Ее слова заставили Надю подорваться с постели и нервно заходить по комнате. Ужас тягучими длинными щупальцами пролез в душу и стал тисками сжимать сердце. Конечности похолодели, а от страха обдало испариной тело.

Надя так запаниковала, что ни на секунду не усомнилась в словах племянницы. Наверное, гормоны шалют из-за беременности, поэтому, видимо, ее и шатало из стороны в сторону — от аборта до приемной семьи для малыша.

Несмотря на резкий выброс адреналина, настроение ее потухло следом. Леша сказал свое категоричное нет, и теперь Наде уже не казалось, что она сможет его уговорить.

За эти прошедшие секунды она воспряла, а следом окончательно потеряла надежду, но ее порадовала мысль, что малыш появится на свет и будет любим в семье, в которой он будет таким же желанным, каким был бы и для нее.

— Не принимай поспешных решений, Мир, хорошо подумай. Ты знаешь, как сильно я бы хотела взять малыша к себе, но Леша, — сглотнула, не могла же она подтвердить опасения племянницы, что мужу не нравилась именно она. — Он хочет попробовать своего завести.

— Ясно, — девичий голос потух, а затем она жалобным тоном попросила ее об одолжении. — У меня болит низ живота, тетя Надь, я хотела попросить тебя купить мне лекарства, мне дико стыдно, но даже денег нет, все закончились. Но раз ты болеешь... Может, дядя Леша смог бы... Мне и, правда, неудобно просить.

Надя не раздумывала ни секунды над ответом.

— Леша к тебе приедет и привезет нужные лекарства и продукты заодно. Диктуй список.

Впервые за много лет Надя ощутила решимость. Завершив разговор с Мирой, набрала номер мужа. Он поднял сразу же, будто только и ждал ее звонка.

— Ну, наконец-то, Надь. Ты там что, обиделась на меня? — ласковый голос Леша порадовал женщину, но она всё еще хранила обиду в душе.

— Да, Леш, ты не пришел домой ночевать. Лекарства мне привез Архипов, не ты, конечно, я обижена.

— Миша? — мужской голос похолодел. — С какой стати он приходит к нам в дом, когда меня там не было?

— Это к тебе вопрос, Леш, не ко мне.

Наде не верилось, что она говорила с мужем в таком тоне, но она была вся на нервах, ее продолжало лихорадить, а температура всё не опускалась, так что в данный момент у нее складывалось ощущение, что ей под кожу загнали занозу, которую она всё никак не могла вытащить.

— Надя, — даже предостерегающий голос мужа, который не любил, когда она говорила с ним в таком тоне, не подействовал.

Ею руководил страх.

— Съезди пожалуйста к Мире.

— Мы уже говорили об этом, Надя, — сразу же принял агрессивную позицию. — Пусть делает аборт.

Его слова звучали чересчур жестоко.

— Как ты можешь так говорить? — всхлипнула и сделала то, к чему никогда не прибегала за годы брака. Боялась его обидеть. — Я не хочу, чтобы Миру постигла моя судьба.

Договорить не смогла. Это была ошибка, о которой она жалела и будет жалеть всю свою жизнь. Тогда они с Лешей были молоды, только начали встречаться. После бурной половой жизни она естественно забеременела, но Леша решил, что они не потянут по финансам, да и квартиры своей на тот момент у них не было. Это уже потом они в браке взяли ипотеку, его повысили, и жизнь устаканилась, но если бы Надя знала, к каким проблемам приведет аборт — никогда бы не послушала Лешу.

— Надь, не надо, — голос его захрипел.

В трубке воцарилась тишина. За все пять лет они никогда не говорили об этом. Эта тема была табу. Гдальской не нужно было слышать слов, чтобы понять, что Леша считал себя виноватым, она это и без того знала.

— Просто привези ей сегодня лекарства и продукты, пожалуйста, ради меня, Леш, — зная, что он захочет отказаться, решила его успокоить. — Не переживай, она уже нашла семью, которая усыновит ребенка. Так что я больше не буду мучить тебя своими просьбами.

Снова возникла странная тишина. Муж закашлялся.

— К-как это нашла? И что это за люди? Она в своем уме? А если какие-то мошенники, не дай бог, на органы ребенка заберут?

Надя напряглась, такие мысли не приходили ей в голову.

— Ох, Леш, тем более, съезди, пожалуйста, узнай всё.

Она ожидала, что он откажется, но на удивление он сразу же согласился. Даже с каким-то рвением.

— Хорошо, отпрошусь с работы и прямо сейчас рвану. Заодно и тебе лекарства привезу. Прости меня, малыш, я вчера сам не свой был. Обещаю, такого больше не повторится.

Сердце Нади немного растаяло, и она снова потекла лужицей.

За Миру она теперь была спокойна. Леша поможет, а вот ей срочно нужно было взяться за себя. Раз муж придет ночевать домой, то нужно привести в порядок дом и себя, наготовить ему вкусностей. Он ведь раскаялся, а теперь тратит время на беременную Миру, которую терпеть не может. Ради Нади помогал, это дорогого стоило.

Когда она почти закончила с уборкой, неожиданно позвонила свекровь. Женщина стиснула челюсти и сделала пару глубоких вдохов.

— Добрый день, Надежда, — прозвучал надменный голос свекрови. — Я звоню узнать, как у вас дела.

— Здравствуйте, Галина Никадимовна, — вежливо произнесла и, не давая матери Леша напасть первой, пошла на передовую. — У нас всё хорошо, вы не обращайте внимания, что Леша у вас ночевал, это просто я его попросила, я болею и не хотела, чтобы он заразился.

— Леша у меня ночевал? — спросила будто полувопросительно, затем закашлялась. — А да, да, но я не по этому поводу звоню.

— А по какому?

Надя растерялась, ведь тогда совсем не понимала, чем на этот раз была недовольна ее свекровь. Галина Никадимовна невзлюбила ее сразу же, как только сын привел девушку на знакомство. Вслух претензий не выказала, но одного взгляда и недовольно поджатых губ хватало, чтобы Надя поняла, что она не пришлась ко двору.

— Леша сказал, что ты хочешь усыновить ребенка.

— А. Да.

— Ты хотя бы понимаешь, как это опасно? Неизвестно, кто там отец ребенка, и какие гены будут у него. А вдруг наркоман или потомственный алкоголик? Шизофреник, не дай бог? Неизвестно от кого нагулянный.

— Галина Никадимовна, — попыталась возразить, но ей не хватало силы характера, чтобы противостоять такой властной женщине. Надя и не решалась, боясь, что Леша узнает и обидится, что она не уважает его мать.

— И не спорь. Так и знай, я категорически против.

— Не переживайте. Мы не планируем усыновлять ребенка Миры. Мы...

— Вот и правильно. Нечего благотворительностью страдать. Попробуйте сами. А если не можешь родить, так лечись. Не пудри мозги моему Леше, он мужчина в полном расцвете сил, а я не молодею, внуков хочу.

Слова свекрови резали ее без ножа. От них рубцевалось сердце и хотелось плакать от обиды. Надя прикусила губу, чтобы не разрыдаться и не впасть в истерику. Если она расскажет Галине Никадимовне о причине сложностей с беременностью, Леша никогда ее не простит.

— Я поняла вас, — глухо прошептала в трубку и молча выслушала кучу наставлений, чем лучше кормить мужа, чтобы он уделял ей больше внимания.

— В общем, завтра ждите меня в гости. Накрой на стол, как полагается, ты знаешь, что я люблю. Совсем без меня глупостями страдаете.

Не слушая возражений Нади и не обращая внимания на то, что она болеет, свекровь просто поставила ее перед фактом и бросила трубку.

Весь оставшийся день Надя ходила сама не своя. А вечером, когда в квартире прозвучал скрежет ключа, ее ждал сюрприз. На пороге топталась счастливая Мира, а рядом мрачной глыбой стоял Леша, держа в руке огромную сумку.

После ужина Мира легла спать, утомленная переездом, а Гдальские лежали в постели и обсуждали произошедшее.

— Ты ведь не хотел усыновлять его, что изменилось?

Надя даже дышать боялась, чтобы не спугнуть свое счастье. Мира будет жить у них под боком, и она сможет наблюдать, как малыш зреет у нее в животике. Да и присмотр за ней не помешает, ведь Алена в больнице, и неизвестно, когда придет в себя. А лишние нервы мамочке ни к чему.

Надя мысленно прикусила язык. Мамочкой станет она, не Мира, нужно свыкаться с этой мыслью.

— Ты ведь хотела этого, Надь, — протянул Алексей и прижал голову жены к груди.

Ему не хотелось, чтобы она сейчас видела его лицо. В крошечной темноте этого и так не произошло бы, но лишний раз рисковать он не хотел. Как и усыновлять ребенка.

Вот только что-то внутри него свербело, и он помчался в родной городок жены к ее племяннице отнюдь не из-за ее просьбы. Не услышь он слова про другую семью, в которую Мира собиралась продать его ребенка, не сорвался бы и не отпрашивался ради этого с работы.

— Леш, ты приехал к нам, я так и знала, вкусностей наготовила, — встретила его на пороге совершенно здоровая Мира, засияв и улыбнувшись при виде него.

Он и не сомневался, что это был разыгранный по нотам спектакль, чтобы заманить его на свою территорию. Опустил глаза к невыдающемуся животу и сморщился. Вся эта ситуация была ему неприятна, и если бы можно было повернуть время вспять, он бы не пошел на поводу у жены и не связался бы с этой вертихвосткой.

— Сколько ты хочешь? Назови сумму, — шагнул в квартиру, закрывая за собой дверь.

Со всех сторон жили любопытные соседи, которые знали и его, и Надю, и он не желал, чтобы до нее дошли гнусные слухи.

— О чем ты, Леш? Я хочу только одного, чтобы наш малыш рос со своим папой, в полной семье, — выпятила живот и погладила его, словно перевешивающий ее тело арбуз.

— Не носи чушь, я тебе сразу сказал, чтобы ты сделала аборт, курица, — зарычал, хватая суку за горло и пришпандоривая к стене. Держал ее на расстоянии, не желая соприкоснуться с ней ничем, кроме пальцев. — Если Надя узнает обо всем, твоя жизнь превратится в ад. Ты меня знаешь, Мира, ты же хочешь, чтобы мамочка твоя вернулась с того света? От меня зависит, какое лечение она получит. Или не получит.

Лицо девчонки побледнело, и она вцепилась ногтями в его кисть, царапая кожу и пытаясь освободиться. В ее глазах мелькнул страх, впрочем, быстро сменившийся восхищением.

— Ты такой грубый и мужественный, настоящий мужик, Леш, это меня и привлекло с самого начала. Разве ты не хочешь ребенка, сына, милый? Надя ведь пустышка и не способна родить тебе. Ущербная она, так зачем ты...

Гдальский не дал ей закончить свои гнусные фразы. Отпустил горло и залепил пощечину, не жалея ее даже из-за беременности.

— Если твой поганый рот снова откроется в сторону Нади... Ты и мизинца на ее ноге не стоишь, мерзавка. Знала бы она, какую змею на груди пригрела, — зловеще произнес, и этот

голос Мира слишком хорошо знала.

Девчонка сглотнула и опустила глаза в пол. Они наполнились слезами, и она расплакалась, не пытаясь сдержать рыдания. Ну почему всё лучшее достается не ей? Ну вот чем Надя лучше ее? Она ведь старая и жирная, а у нее, у Миры, и грудь упругая, и задница без стрий и целлюлита.

Она даже забеременела с первого раза, как и хотела, удачно проколов презерватив, лежавший в портмоне Леша. Кто бы знал, чего ей стоило долго сдерживаться, чтобы поймать его на крючок.

Верный до зубовного скрежета и совершенно не велся ни на ее откровенные вырезы на блузке, ни на сексуальные чулочки, якобы случайно засвеченные из-под юбки, ни на откровенные позы. Ничего.

А потом случился корпоратив, на который Надя отпустила его с ней, якобы племянница присмотрит за мужем. Это был ее шанс, который Мира не упустила, и вопреки наказу ненавистной удачливой тетки, не препятствовала ему в распитии алкоголя, а даже, наоборот, подливала, когда он отворачивался.

Ее старания дали плоды, и когда все стали расходиться, она повела Лешу в кабинет, а он, идиот, перепутал ее с женой, но в тот момент было плевать.

— Хочу тебя, Надя, любимая, — шептал он всё время, пока вбивал ее в стол.

Не зря она заморочилась с презервативом, он ничего не заподозрил даже трезвым, и это дало ей время сохранить и скрыть беременность.

Мира думала, что он обрадуется малышу, ведь так долго этого хотел, а его дура-жена не могла осуществить его мечту и зазря пользовалась его деньгами, которые тратить он должен был на нее и на их ребенка, который рос в ее животике.

— Знала бы она, какого кобеля пригрела, — парировала, скалясь мужчине в лицо. — Тронешь меня хоть пальцем и больше меня не заткнешь, любимый.

— Какая же ты тва-а-арь, — ощерился Гдальский, не понимая, как не заметил ее змеиное нутро раньше.

Рассказывать Наде она ничего не планировала, лишь угрожала. Мира понимала, что нужно действовать хитрее, если она хочет получить всё — Лешу и статус его законной жены, матери его единственного сына, наследника. Главное — снова оказаться в доме Гдальского, а там она вырастет в его жизнь так, что он не избавится от нее больше. Никогда.

— Хочешь скрыть всё, пойдешь на мои условия, Леш. Становиться матерью-одиночкой я не планирую. Вы с Надей усыновите моего ребенка и будете воспитывать, как своего, если желаешь, чтобы я закрыла свой рот. Обещаю, буду могилой.

Мужчина тяжело дышал, пыша гневом, его глаза от злости налились кровью, он занес кулак над лицом ненавистной твари и ударил. Стук костяшек о стену, последовавшая за этим боль лишь временно заглушила душевные муки и терзания.

Он долго молчал, раздумывая над словами Миры, но выхода из этой патовой ситуации не находил. Она была молодой и безголовой и вполне могла назло разболтать их грязный секрет Наде, а этого допустить он не мог. Слишком сильно любил жену.

— Хорошо. Я заплачу тебе сверху еще миллион, и ты напишешь отказную от ребенка и исчезнешь из нашей жизни. Навсегда, Мира, поняла? — наклонился, агрессивно глядя в лицо племянницы жены, которая из бойкой девчушки выросла в прошаренную девку без принципов.

— Другой разговор, Леша, — рука ее скользнула к его пиджаку, но Гдальский брезгливо

оттолкнул ее и сам отошел на несколько шагов.

— Договорились, — выдохнул и пошел к выходу. Его шатало, словно пьяного, и даже будто тошнило.

— Куда ты, Леш, возьми мою сумку, мне нельзя таскать тяжести.

— О чем ты?

— Надя так распереживалась, что я плохо себя чувствую и могу потерять малыша, что позвала жить к себе. Вдруг у меня случится выкидыш, а теперь, когда вы берете ребенка себе, то представляешь, как она будет переживать за меня? Мне, конечно, хотелось бы жить здесь и видеть тебя каждый день, ведь возить мне вкусности она попросит тебя, но мы же не хотим, чтобы тетя Надя что-то заподозрила, верно?

У Алексея заболели зубы, как только он представил, что придется оставаться с Мирой наедине. На это и был расчет ее слов, но она тщательно сдержала торжествующую улыбку, как только ее ложь упала на благодатную почву.

Мужчина послушно взял сумку и вышел на улицу, и, пока девчонка собиралась, он прошел к клумбе, где его вырвало желчью. Поделом ему.

Уже после, когда они оказались в его с Надей квартире, он понял, что Мира, воспользовавшись его нестабильным состоянием, обвела его вокруг пальца, но идти на попятную уже не имело смысла. Не мог же он сказать жене, что Мира его обманула, ведь это неизбежно повлекло бы за собой вопросы, на которые он не хотел отвечать.

И сейчас, лежа в постели с женой, он отчаянно боялся, что правда так или иначе всплывет наружу. Даже надеялся, что Мира не доносит до конца срока, и у той случится выкидыш, но от этих мыслей ему становилось стыдно. Набожным Гдальский не был, но даже его ума хватало, чтобы понять, насколько греховны и кощунственны его мысли.

— И всё-таки хорошо ты придумал, Леш. Зато теперь я буду спокойна. Мира под присмотром, и я смогу о ней с малышом заботиться, следить, чтобы вовремя ела, и буду ходить с ней на УЗИ. Уже не терпится узнать, кто родится. Ты бы кого хотел, мальчика или девочку?

Вопрос жены застал Алексея врасплох. Стиснул челюсти. Не мог же сказать, что вообще не хотел рождения этого ребенка.

— Мне без разницы, — самое цензурное, что он мог ответить.

— Правильно. Главное, чтобы малыш здоровеньким родился.

Мечтательный голос Нади резал его без ножа, и он зажмурился, желая, чтобы она поскорее заснула и больше не терзала его измученный виной разум.

— Леш, твоя мама звонила.

Мужчина напрягся. О черт, неужели Надя знает, что он у нее не ночевал?

— И? — постарался спросить максимально равнодушно, пытаюсь понять, сдала его мать, или нет.

— Она против усыновления, — тяжело вздохнула жена, и у него отлегло.

Только теперь с матерью придется объясняться, где он был, и почему врет жене.

— С каких пор ты следуешь ее приказам?

Не смог сдержать раздражения, не представляя, как еще и перед матерью оправдаться. Он и без Надиных слов знал, что мать против неродных детей. В свое время пресекла связь отца с его детьми от первого брака, но, к ее оправданию, тот особо и не сопротивлялся, видимо, не так уж сильно их любил.

— Леш, ты же знаешь, как я к твоей маме отношусь. Просто я переживаю. Она верные

вещи сказала. Мы ведь не знаем, кто отец ребенка Миры. А вдруг он псих какой-нибудь?

— Нормальный он, — вырвалось у него прежде, чем он подумал.

— Ты его знаешь? Может, он возьмет на себя ответственность?

Мысленно застонал. Своим резким ответом дал жене нехорошую пищу для размышлений.

— Зачем тебе это? Ты же хотела, чтобы ребенок с нами остался.

— Так-то да, но я думаю, как было бы лучше для малыша.

— Не думай об этом, Надь, и про отца ребенка забудь. Он глубоко женат и любит свою жену. И про беременность Миры он знает, так что не тешь себя иллюзией, что бросит свою семью и женится на Мире. Ты же не хочешь разрушить чужую семью?

Алексей шел по тонкому льду и понимал это, но не мог остановиться.

— А делать ребенка молоденькой девочке и изменять жене, значит, можно? Какая же это любовь.

От слов жены у него всё опустилось. Не простит.

— Не сравнивай, ты ведь не знаешь всей ситуации, Надь.

— А ты знаешь? — с подозрением спросила она у мужа.

— Не знаю и не хочу знать. Это не наше дело, — отрубил ее интерес на корню, но кинул затравку. — Просто Мира дала понять, что с той стороны не вариант. Боится, что мужик заставит ее сделать аборт. Говорит, что его жена психичка и дочь криминального авторитета, прошлую его любовницу якобы в лесу нашли. Мертвую, как ты понимаешь. Так что если Мира боится, и нам не стоит в это лезть.

Сказав откровенную ложь, попытался Надю напугать жизнью племянницы, понадеявшись, что в страхе она не полезет выяснять подробности.

Гдальская и правда испугалась. А вдруг бывший любовник Миры передумает и найдет ее, лишит их возможности иметь ребенка? От этих мыслей у нее разболелась голова, но на утро она об этом на некоторое время забыла. Как и обещала, приехала Лешина свекровь.

— Галина Никадимовна, может, вам еще чаю? — вертелась вокруг Надиной свекрови Мира.

Мать Алексея глянула на эту сикильдявку с раздражением, но былой агрессии во взгляде не было. Она любила, когда вокруг нее плясали с танцами и бубном, и добрела, если видела к себе правильное отношение. Таким она считала только поклонение ее важной персоне.

Надя к ней относилась вежливо, но ровно, не лебезила, и оттого слыла нелюбимой невесткой. Будто у нее их было несколько.

Иногда Надя жалела, что у Леша не было братьев. Может, будь в семье несколько жен, к ней было бы не настолько пристальное внимание.

— Нарезь-ка мне еще тортику, дорогуша, — ткнула пальцем в лакомство свекровь, и Мира поспешила выполнить ее поручение.

Гдальская на племянницу посматривала с удивлением, никогда не наблюдая за ней такого рвения в выполнении домашних дел. Откровенно говоря, та и готовила из рук вон плохо, а тут прям расстаралась, даже сбегала за любимым тортиком Галины Никадимовны сама, хотя когда Надя просила ее спуститься за молоком на первый этаж, где у них находился продуктовый, она чуть ли не умирала, лежа на кровати со страдальческим видом.

— Приляг, Мир, тебе надо больше отдыхать.

Она беспокоилась за здоровье племянницы, ведь та была беременной. Видимо, гормоны шалят, и та, как и многие женщины, стремится к гнездованию. За свое раздражение Наде даже стало на секунду стыдно. Пока свекровь не села на своего конька.

— Глупости. Мы в наше время с пузом наперевес ходили и на огороде пахали, а сейчас женщины только и знают, что свешивают ножки на мужнину шею, типа занимаются хозяйством. Тьфу это, а не хозяйство. Сейчас всё за женщин делает техника.

Это был камень в сторону своей нерадивой невестки. И хотя имена не назывались, все всё прекрасно понимали.

Надя хотела съязвить, о каком таком батрачестве та говорит, ведь, насколько она знала, физическим трудом свекровь себя никогда не утруждала. Учительница младших классов считала это зазорным и уделом пролетариата.

— Согласна с вами, Галина Никадимовна, — залепетала, подпевая старой женщине, Мира.

Надя кинула на нее недовольный взгляд, но сдержалась, не высказывая свои мысли вслух. Знала, если пойдет наперекор, скандала не избежать, а ей так хотелось лечь на кровать и прикрыть хотя бы ненадолго глаза, и вступать в спор у нее не было сил.

Никого, казалось, не волновало, что она еще не выздоровела, и все эти три дня, прошедшие с момента приезда Мира и свекрови, она была вынуждена вставать пораньше, чтобы приготовить на работу Лешу. Раньше он делал это сам, ведь по утрам Наде было тяжело просыпаться, но под неусыпным оком свекрови ей нельзя было проявлять слабости даже во время болезни.

После ухода мужа приходилось обслуживать Галину Никадимовну, ведь что попало, как она любила выражаться, она не ела, только свежее и не жирное.

С каждым днем терпение Нади натягивалось, словно струна, и она уже не могла

сдерживать гнева, но держалась из последних сил.

Леша, как назло, стал приходиться позже обычного, но она его понимала. Даже будучи любимым и единственным чадом, мать не видела в нем взрослого человека и спустя сутки уже начала читать нравоучения, от которых он и скрывался на работе. Ей хотелось того же, и она впервые пожалела, что уволилась.

— А ты, дорогуша, девка правильная, смотрю, нравишься ты мне, поэтому мой тебе совет, походи к жене своего мужика, который тебе ребенка заделал, и всё ей расскажи. А то ишь, удумал, тебе жизнь испортил, а сам к жене под бочок, — скривилась свекровь, впервые затрагивая тему беременности Миры не в негативном ключе.

Наде уже несколько раз пришлось выслушать, что она заставляет Лешу приютить чужой приплод, но Гдальская устала повторять, что инициатива в последний раз исходила как раз от ее сына. Та не верила, а переубедить ее больше она не хотела.

Благо сама Мира Галине понравилась, и ей мозги на этот счет она не сносила, считала ее жертвой обстоятельств и укоряла при этом Надю, дескать, они девчонке жизнь портят, заставляя ее рожать для них. Про аборт, правда, она не заикалась, и это единственное, что заставляло Надю молчать.

— Он меня еще больше возненавидит, Галина Никадимовна, да и всё уже решено, дядя Леша станет отцом ребенку, — качнула головой Мира.

Свекровь поджала губы, но комментировать эти слова не стала. Впрочем, Надя знала, как только Мира уйдет, она всю плешь проест ей, своей невестке.

— А сейчас что, любит, что ли? Хотя бы о ребенке знает?

— Да. Я ему сразу сказала, а он на аборт меня отправил, — всхлипнула племянница, прикрывая рукой рот, а вот Надя стиснула кулаки, желая убить этого мужика, который считал, что имел право портить жизнь молодой девушке.

— Тогда тем более тебе нечего терять. Раскрой его жене глаза на этого кобеля. Пусть знает, какую змею на груди пригрела.

— Я его люблю.

Застыла, не веря в то, что услышала. Мира никогда не говорила мне этого.

— Вот уйдет от жены, родишь мальчонку, он к тебе и прикипит. Слюбится-стерпится, как говорится.

— Думаете?

В глазах племянницы зажглась надежда, а вот Надя вспомнила предупреждения Леша.

— Не нужно совершать опрометчивых поступков. Вдруг жена его в состоянии аффекта навредит тебе, и что-то случится с ребенком?

Это был Надин самый большой страх, и она не смогла его скрыть.

— А ты в кои-то веки дельные вещи говоришь, Надежда, — кивнула свекровь, впервые соглашаясь с невесткой. — Ну-ка Мира, давай, рассказывай, какая у него жена. Отомстить сможет?

— Она ущербная, Галина Никадимовна, но вдруг психичка, я этого больше всего и боюсь. Мой мужчина давно хотел бы от нее уйти, но живет только из жалости. Уверена, если бы он меня полюбил, то бросил бы ее, но я не та самая. Мне всего восемнадцать, аборт я делать боюсь, а ребенка не потяну, так что вы не ругайте дядю Лешу, что они с тетей Надей хотят усыновить моего ребенка. У меня нет выхода.

Надя сделала глоток чая. Ее руки тряслись, а глаза слезились от бушующих эмоций. Вот только что-то смущало ее в рассказе Миры — возможно, интонация, но ее не покидала

мысль, что будь всё иначе, ребенка она бы им с мужем не оставила.

Надя лишний раз убедилась, как он был прав, считая, что с тем мужчиной им самим связываться не стоило, как бы это ни было эгоистично по отношению к племяннице.

Их взгляды с Мирой в этот момент встретились, но младшая свой тут же отвела, смотря на мать Леши.

Мире доставляло особое удовольствие унижать мифическую жену отца своего ребенка и выставлять ее в невыгодном свете. И пусть только она одна знала, что речь шла про Надю, но ее веселило, что эти две старые клуши кивали с таким видом, словно уверяли ее, что она права, и они за нее.

Леша вернулся поздно, почти в полночь, когда свекровь и Мира уже уснули.

— Устала?

От него последовал обычный вопрос, ничем не примечательный, но Надя застыла, чувствуя, как лицо покраснело от злости.

— Да, — ответила резко, в несвойственной ей манере.

В последнее время она стала раздражительной и никак не могла совладать со своими эмоциями.

— Ты какая-то красная, может, тебе отдохнуть? Ты иди, я сам поем и уберу за собой.

Надя поджала губы и поставила на стол ложку. Ужин был полностью накрыт, и она, вздохнув, кивнула, испытывая к мужу благодарность. Она практически валилась с ног и уснула сразу же, как только голова коснулась подушки.

Утром будильник прозвенел в семь утра, как обычно в эти дни, и она спросонья не сразу поняла, почему муж лежал рядом и не шевелился. Обычно подрывался, боясь опоздать на работу, и в это время спешил в душ, а тут даже похрапывал богатырским сном. Надо бы не забыть показать его врачу.

— Леш, вставай, — толкнула мужа, но он сонно открыл глаза и зевнул, даже не думая просыпаться.

— Суббота, малыш, дай поспать.

Надя включила телефон и заморгала. С облегчением было легла обратно, чувствуя, как пульсировали виски, но затем услышала, как раздался знакомый шорох. Свекровь проснулась раньше обычного.

Надя со стоном встала и, протерев лицо, без сил поплелась на кухню. Ее шатало, но больше не тошнило, всё же лекарства, несмотря на ее разбитость и усталость, делали свое дело.

— Ты слишком много спишь.

Ворчливый голос свекрови не удивил, но внутри женщины всё сжалось в тугой комок. Нервы натянулись сильнее, и ее лишь чудом не трясло.

— Я поздно легла. И сейчас всего лишь семь утра. Выходной день.

— А это для кого оставила?

Галина Никадимовна выглядела бодро и свежо, и Надя ей завидовала, сама мечтая сладко рано засыпать и не делать ничего по дому. Вот только ей этой привилегии было не дано.

Гдальская проследила за пальцем свекрови и с ужасом увидела гору невымытой посуды в раковине. Горло перехватил спазм. Она привыкла, что Леша не сдерживал обещаний в бытовом плане, но раньше свекровь не приезжала в периоды ее болезни и никогда не была свидетелем беспорядка.

— Леша должен был убрать, но, видимо, устал на работе, — пробормотала Надя, кидаясь к раковине и включая воду.

Руки дрожали, а в уголках глаз скопилась влага.

— Посуда — это обязанность жены. Для чего ты дома тогда сидишь, раз Леша даже тарелки должен за собой мыть?

— Я болею, говорила же.

— Вы только посмотрите, она еще и пререкается.

Поджала губы и прикусила щеку изнутри, сдерживая рыдания. Посуды оказалось много, даже Мирина кружка, которую она привезла с собой.

— Каждую третью субботу месяца я занимаюсь чисткой посуды. Так что хорошо, что ты рано встала. Приготовь на завтрак овсяную кашу, Леша любит ее, да и для беременной Мирь будет полезно.

— Мы овсянку не едим. У нас ее и нет, только манная.

— Значит, спустишься и купишь в магазине.

— Я же говорю, мы не едим.

— Овсянка полезна. Ты хотя бы знаешь, что она держит в норме холестерин?

— Мы не едим много жирного, да и Леша занимается в тренажерном зале.

— Так, не спорь. Я сказала, будем есть овсянку, значит, овсянку.

— Хорошо, — выдохнула, домывая, наконец, последнюю чашку.

Галина Никадимовна продолжала расписывать планы на день, а я еле сдерживала слезы. Накопленное за эти дни раздражение искало выход, но я никак не могла остаться наедине с собой.

— Ты всегда так ходишь?

— Простите? — обернулась, закончив вытирать посуду.

— Ты посмотри на себя. Застиранный халат в цветочек, пучок какой-то на голове.

— Я только встала и не очень хорошо себя чувствую.

Ненавидела свой голос в этот момент. Не покидало ощущение, что я оправдывалась, хотя делать этого была не должна.

— Женщина должна выглядеть для мужа красивой даже при сороковой температуре, а ты совсем запустила себя. Неудивительно, что Леша задерживается на работе и врет о своих ночевках у меня.

— О чем вы?

Свекровь не ответила, но губы ее были поджаты, а взгляд холоден. Мое же сердце стало просто бешено колотиться, и я сжала ладони у груди, пытаюсь унять сводящий меня с ума стук.

— Присядь, Надя, нам нужно серьезно поговорить.

На дрожащих ногах подошла к столу и села, не чувствуя под собой пола.

— Когда я была на девятом месяце беременности, мой муж загулял с моей подругой. Я была гордая и не простила. Выгнала его в тот же день и запретила видеться с Лешей.

— Я думала, ваш муж умер.

— Это сказка для сына. Впрочем, я как в воду глядела, он ведь с Валькой, моей бывшей подружкой, сошелся, сына вроде родили, да она его в могилу и свела. Льва моего, в смысле.

— Льва?

— Ждан — это имя моего деда. Когда я родила Лешу, дала ему свою фамилию и такое отчество.

— Я... Я не знаю, что сказать...

— И не говори. Я столько раз пожалела о том своем решении. Нет ничего хуже, когда твой сын спрашивает про отца, а тебе нечего ответить. Мой тебе совет, как женщины, много пожившей на этом свете, никогда не совершай необдуманных поступков.

— К чему вы мне говорите это?

Застыла, чувствуя расплзающийся по телу холодок. Наши взгляды встретились, и там я

увидела приговор.

— Если муж задерживается на работе и врет — значит, ты не даешь ему тепла и пилишь дома. Только глянув на посуду, видно, что он возвращается в неудобный дом, где ему не рады.

— Я всё для него делаю, всё, — просипела, стискивая кулаки и прижимая их к коленям.

— Недостаточно. Вот во сколько он вчера пришел с работы?

Застыла, а затем чуть было не рассмеялась. Опустила голову, чтобы не выпалить ей, что ее любимый Лешенька не хочет рано приходить из-за нее и ее нравучений.

— А в тот раз, думаешь, он у меня ночевал? Ничего подобного, я от тебя это впервые услышала.

— К-какой раз? — вскинула голову, со страхом глядя ей в лицо и надеясь, что она просто хочет нас рассорить.

— Несколько дней назад ты мне звонила.

— Да. Я помню.

— Когда Леше было десять, я вышла замуж, но и года не прошло, как муж загулял со своей коллегой. Я была занята карьерой, мне тогда светил пост завуча, и я перестала заниматься домом. Вот он и пошел туда, где кормили вкуснее и дарили тепло. Так что мой тебе совет. Мужчины всегда погуливают, так что не принимай близко к сердцу, воспринимай, как урок. Задача женщины — сохранить семью. Ты помнишь клятву и в горе, и в радости?

— Вам-то откуда знать? — вырвалось у меня прежде, чем я остановила себя. — Простите, я... Простите, я...

Всхлипнула и подорвалась, сбегая с кухни в раздрае. Забежала в ванную, глядя на свое отражение. Бледная, с всколоченными волосами и темными кругами вместо нижних век. Сухие потрескавшиеся губы и желтоватые белки глаз. Халат и правда был застиранный и сальный но когда я посмотрела на свое лицо, отшатнулась, не веря, что я и правда это делала. Пыталась найти причины вранья Лешки. Причины, которые могли побудить его загулять.

Нет-нет, нельзя делать поспешных выводов без разговора с мужем.

Вышла, не желая откладывать разговор в дальний ящик, но когда ворвалась в спальню, застыла.

— Мира? — увидела племянницу, склонившуюся над Лешей.

Обратила внимание на ее внешний вид. Полупрозрачная и совершенно ничего не скрывающая сорочка, оголенные ноги — взгляд охватил всё сразу. И Лешину руку на девичьей ляшке.

Сердце забилось о грудную клетку птичкой, к горлу подкатил мерзкий ком. Схватила пальцами за косяк, так как ноги не держали. Племянница после ее вскрика выпрямилась во весь рост, а муж отпрянул, привставая на кровати.

— Надя?

Воображение за секунду нарисовало непотребства и самый худший вариант событий. А всё оказалось до банального просто и невинно.

— Дядя Леша задыхался, я мимо проходила как раз и подумала, вдруг сердечный приступ.

Муж действительно выглядел бледным и изможденным, и сердце Нади наполнилось неподдельной тревогой и виной, что ему было плохо, а она, раздраженная свекровью, подумала невесть что.

— Что случилось? Снова в груди колет? Может, скорую вызвать?

— Что ты как насадка, Надь? Хватит, мне просто кошмар приснился, знаешь же, что если поздно ложусь, разбитый просыпаюсь.

В глазах мужа вспыхнуло моментальное раздражение, и Надю затрясло, а из глаз потекли слезы. Всхлип раздался неожиданно даже для нее самой, и она, сделав глубокий резкий вдох, опустила голову.

— Мира, иди на кухню, приготовь для Галины Никадимовны чай, пожалуйста, мне нужно поговорить с мужем.

— Хорошо, тетя Надь, — ласковым голосом отозвалась Мира, и у Нади отлегло окончательно.

Она провожала уход племянницы глазами и невольно сравнила и ее, и себя, вспоминая слова свекрови, что она совсем запустила себя. Может, и правда, за семейной жизнью и бытом упустила нечто важное? Вон Мира могла себе позволить откровенные пеньюары, хотя у нее даже мужа не было.

А может, в этом и причина? У Нади ведь муж был, и ей казалось, что он уже никуда не денется, всегда будет с ней, и в горе, и в радости, и в богатстве, и в бедности. Оттого и не старалась принарядиться для него, зачем тратить деньги, на которые можно было купить лучше что-то для дома.

— Зачем ты так со мной, Леш? — спросила у мужа, как только дверь спальни захлопнулась, отрезая их от остального мира. — Я хочу, как лучше, а ты...

— Что я, Надь? Что? Я не маленький и сам разберусь, идти мне в больницу или нет.

На скулах Леша играли желваки, и женщине стало так обидно, что больше сдерживаться она уже не могла, позволяя слезам свободно омыwać холодные щеки. Всхлипывания перемежались тяжелыми вздохами, шмыганьем, когда забился нос, и дрожанием каждого участка тела.

— Всё, Надь, прекрати, я не хотел, чтобы ты плакала, знаешь же, какой я цербер по утрам, особенно если не высплюсь, — мужнина рука коснулась женской головы и ласково погладила ее по волосам.

Надя прекратила плакать не сразу, но была благодарна мужу, что он умел признавать ошибки. Вот только реальность обрушилась на нее почти сразу, как только прекратились слезы.

— Леш, — произнесла неожиданно мрачно и серьезно, ощущая, как гулко в груди бьется сердце. Там не переставало болеть ни на секунду после разговора со свекровью, и ей было жизненно необходимо выяснить правду.

Гдальский уже по интонации понял, что их ожидает серьезный разговор, и весь

напрягся, подтягиваясь на руках и присаживаясь на кровати поудобнее. Напряженно вглядывался в лицо жены, пытаясь понять, узнала ли она правду, или дело в другом.

— Где ты ночевал в ночь корпоратива, когда я лежала дома больная и с температурой?

Эти слова Наде дались тяжело, она никогда раньше не наезжала на мужа и старалась обходить острые углы стороной, сглаживая все разговоры, которые могли привести к скандалу, заранее.

Она подняла глаза выше и вздрогнула, встретившись с острым, как лезвие новой бритвы, взглядом мужа. Он моргнул, и вместо зверя, которого она вдруг увидела, перед ней предстал прежний Леша — в меру раздражительный, капризный, как все мужики, и оскорбленный необоснованными обвинениями до глубины души.

— Дай угадаю, с тобой мама провела воспитательный разговор?

Леша зрил в корень, прекрасно зная свою мать, которая любила совать свой нос в дела, которые ее не касались. Но сегодня это была его вина. Он сам не предусмотрел ее нелюбовь к Наде.

— Она, — вдруг прохрипела Гдальская, хватаясь за горло. — Она рассказала мне свою историю, Леш, про твоего отца.

— Ага, про этого уroda, который бросил семью из-за первой встречной женской юбки?

Голос мужчины звучал зловеще и мрачно, но Надя впервые услышала в нем то, чего раньше никогда не замечала. Тоску преданного отцом мальчика, который так и не понял, почему отец променял его на другую женщину.

— Леш.

— Зная историю моего отца, ты правда думаешь, что я променяю тебя... нас на другую? На какую-то шалашовку? — двинулся ближе к жене и обхватил ее лицо ладонями, проникновенно заглядывая в глаза.

— Ты уходишь от ответа, — поняла Надя, когда не получила объяснения, которые так ждала.

— Надь, ты слушай маму больше, — немного раздраженно выпалил муж, ставя ступни на пол и откидывая от себя одеяло. — Знаешь же, что ты не та невестка, о которой она мечтала. Она тебе такого наговорит, но ты же не позволишь никому никогда рассорить нас, правда?

В словах Леша Наде мерещилось двойное дно, словно спрашивал он о другом, чего не мог озвучить вслух.

— А разве она не права? — горько усмехнулась Гдальская, вспоминая неприятный для нее разговор. — Ты даже не отрицаешь, что не ночевал у нее.

Надя не думала, что ей придется вести подобный разговор с мужем. Ей всегда казалось, что у них образцовая семья — верный и содержащий семью Леша, любящая она и созданный ею уют в доме. Не хватало только ребеночка для полной картины, но теперь с появлением Миры скоро у них будет полная семья, о которой они так долго мечтали. Но теперь весь построенный в ее воображении мир был на волоске от краха, один удар, и стекло ее жизни покроется трещинами, которые уже никогда не склеить.

Гдальский напряженно вглядывался в лицо жены и тщательно подбирал слова, которые скажет жене. Правду он сказать не мог, но его коробило, что ситуация вырисовывалась такая, словно он и правда ночевал у любовницы. За весь период брака он жене изменил только раз, и то по пьяни, а расплачиваться теперь придется всю жизнь. Чувством вины и горечью от содеянного.

— Я и не говорил, что остался у нее. Я сказал, что поеду, но обстоятельства сложились таким образом, что мы компанией гудели до утра, а там уже смысла не было ехать домой, пора было на работу. Знаешь же, какой я ответственный.

Лешины руки гладили жену по плечам, пытаясь унять ее паранойю, и Надя поддавалась и таяла, так как в глубине души сама хотела верить любым его оправданиям.

Свекровь накрутила ее почему зря, а и из-за пустяка она настропала себя и испортила настроение и себе, и мужу.

— Правда? — выдохнула с надеждой, хотя внутри всё продолжало нестерпимо болеть и дрожать.

— Не веришь если, то позвони любому сотруднику, каждый подтвердит мои слова.

Последнее Гдальский произносил на свой страх и риск, пытаясь выглядеть перед женой уверенно, и это сработало. Надя моментально расслабилась и успокоилась.

— Скажешь тоже, позвонить, — фыркнула.

Леша знал свою жену, как облупленную, так что улыбнулся, чувствуя облегчение, что на сегодня всё обошлось. Вот только в собственном доме теперь ходила бомба замедленного действия. Мира. Чего стоило только ее неожиданное появление в откровенном наряде в их с Надей спальне. Кстати, об этом.

— Если мы закончили выяснять отношения, Гдальская, что насчет супружеского долга, м?

Мужские руки обхватили жену за бедра и усадили на себя, с удовольствием чувствуя, как ее ручка обхватила его достоинство сквозь боксеры.

— Леш, мы дома не одни, — захихикала жена, но скорее для проформы.

У них давно не было близости, и ей льстило, что даже в таком неопрятном виде она была для мужа всё еще желанна и сексуальна. Глупости свекровь говорила, специально хотела их рассорить, чтобы избавиться от нее и женить любимого сына на какой-нибудь дочке своей подруги.

Примирение супругов было бурным и полным, но Алексея не покидало новое чувство вины. И не желала уходить мысль, что эта сучка Мира в курсе, что именно она стала катализатором его возбуждения.

Сам себя ненавидел, что в момент экстаза чуть было не прорычал ее имя, сдержавшись лишь в последний момент.

— М... Надя-я-я.

Глава 9

Разговор Нади с Лешей пошел на пользу. Гдальская не знала, о чем муж говорил со свекровью в тот день за закрытой дверью, но уехала она в тот же день. Недовольно и с осуждением глянула на нее, с обидой на сына, но ничего не сказала.

Надя вздохнула с облегчением, после ее отъезда в доме стало будто легче дышать.

— Наконец, старая карга свалила.

Слова Миры, как только Леша уехал на работу, и они остались девичьей компанией наедине, Надю удивили.

— Я думала, она тебе нравится, вы вроде сдружились.

— Терпеть не могу старых бабок, — сморщилась племянница и откинула волосы назад, — Ну что, тетя Надь, ты приготовишь покушать, я щас сознание от голода потеряю.

Внутри женщины вспыхнуло раздражение, наглость Миры ее поразила.

— У тебя вроде есть руки, продукты в холодильнике, сама и приготовь что-нибудь.

— Ну тетя Надь, нас с малышом тошнит, — капризно надула губки младшая, а затем ее лицо побледнело. — Меня щас...

— В туалет, быстрее.

Надю охватило чувство вины за то, что свое раздражение из-за свекрови она перекинула на племянницу, которая носила для них с мужем долгожданного ребенка.

— Может, молочный суп тебе сделать, Мирош?

Ласковое прозвище вылетело неожиданно, может, в Наде начал просыпаться материнский инстинкт?

— Фу, нет, хочу рыбу в кляре.

— Дома нет рыбы.

— Но тетя На-а-ад-я.

Вздыхнув, Гдальская засобиралась в магазин. Теперь она заботилось не только о муже, но и о матери их ребенка. Поход в магазин не занял много времени, и уже спустя минут сорок она уже стояла у плиты, готовя рыбу для Миры. Морщилась и отворачивалась, но готовила. Даже от запаха у нее будто начинался зуд на теле, напоминая о неприятной аллергии.

Но ее труды воздались сторицей. Она с удовольствием наблюдала за тем, как племянница жадно глотала кусочки, отламывая их голыми пальцами.

— Осторожно, не подавись костями.

— Что ты со мной, как с ребенком? Я давно не маленькая.

Раздражение выливалось из племянницы толчками, лишь временами, но Надя списывала это на гормоны и потому не обижалась. Прикусила губу, зажевала ее и окинула девушку взглядом с головы до ног. Видела она, как племянница выросла. Грудь была размера четвертого, ее второй и рядом не стоял. Запахнув халат плотнее, Надя постаралась откинуть женскую зависть.

— Тетя Надь, а можно задать вопрос?

— М?

— Откровенный.

— Давай уже, Мир, я сегодня в хорошем настроении. Доедай и поедим в больницу, встанем на учет к моему врачу.

— Насчет этого и хотела узнать, — племянница замялась. — А почему ты не можешь забеременеть? Прости, если тебе неприятно, можешь не отвечать.

Надя замерла на несколько секунд, чувствуя в горле желчь. Не ожидала вопроса в лоб. Только свекровь позволяла себе такую грубость, но ее целью было задеть невестку больше, напитаться ее горем.

— Когда-то я сделала аборт, — произнесла сухо, стараясь не углубляться в прошлое — ни эмоциями, ни словами. — Последствия оказались плачевными, ты и сама видишь.

— Поэтому ты не хочешь, чтобы я сделала аборт?

Глаза Миры расширились, рот открылся, даже рыба была забыта.

— Ты еще юна и не понимаешь, какие могут быть последствия, а я не хочу для тебя такой же судьбы. Когда-нибудь ты найдешь любящего парня, вы поженитесь и сможете завести ребенка. А об этом тебе не придется беспокоиться, я буду любить его как родного.

Голос Нади отдавал нежностью, когда она смотрела на живот, а вот Мира еле сдержала желание прикрыть его двумя руками от тетки, которая хотела заполучить ее малыша.

Она была права, жена Леша действительно ущербная, и тем приятнее было убедиться в этом самой. Сама судьба свела Миру и Гдальского, этот ребенок был зачат неспроста. Знак, что Наде стоило отойти и уступить мужика, которому она не смогла даже родить — самое простое и главное, что должна сделать в своей жизни женщина.

— Я сыта, тетя Надя, поехали в больницу.

Хотела добавить “по горло”, но сдержалась, сцепив зубы. Помнила, что пока ей нужно вести себя кротко, чтобы не вызывать у этой клуши подозрений. Она и правда была никчемной амебой, которая ничем не интересовалась — только готовила и обстирывала мужа, забив на себя.

Уж Мира так себя не запустит, не будет ходить в засаленных дырявых халатах, с этим колтуном на голове. Она-то знает, что самое главное — удовлетворять мужа в постели, иначе он пойдет налево, как случилось с Лешиком. Он может сколько угодно ссылаться на то, что был нетрезв, но Мира знала, что выпивши мужчина просто отпустил себя и свои желания.

* * *

Несколько недель назад

Гдальский вчитывался в тест ДНК, сцепив зубы. Не мог поверить, что это действительно произошло с ним. Раздался звонок. Карина.

— Ну что? Убедился?

— Почему ты не сказала мне раньше?

— А ты дал мне шанс? — голос, полный горечи.

Алексей стиснул ладони в кулаки и прикрыл глаза. Он встречался с Кариной до встречи с Надей. Встретил ее уже через неделю после расставания с бывшей, влюбился, у них всё быстро завертелось, и они поженились через три недели после знакомства. А на следующий день после ЗАГСа на пороге квартиры появилась Карина. Конечно, он и слушать ее не хотел.

— Ты идиот, если думал, что я хотела возобновить наши отношения после твоих многочисленных измен.

— Я был молод и глуп.

За это он и правда испытывал стыд. Но в браке-то он стал другим, всё дело было в девушке, ведь Наде он никогда не изменял.

— Меня это больше не касается. Дима в следующем году идет в школу, а зарплата учительницы не позволяет мне шиковать, так что если не хочешь, чтобы я подала на алименты, плати деньги сам.

Официального признания отцовства Гдальский не хотел. Тогда об этом узнает Надя. И не простит его. Ведь она сама так хотела ребенка, а он слишком хорошо знал Карину, чтобы доверять ей. С нее станется перевернуть всё так, что они спланировали рождение сына, в то время как Надю он отправил на аборт, считая, что они слишком молоды.

— Хорошо, ты получишь деньги.

— Такой послушный, — протяжный, полный насмешки, голос. — Не хочешь познакомиться с сыном?

— Ты хотела деньги. Ты получишь деньги. Не больше. Поняла?

— Да больно надо.

Раздались короткие гудки, после чего Гдальский встал с кресла и с силой бросил телефон в стену. С силой вцепился в волосы и зарычал, чувствуя, как рушится привычный мир.

— Дядя Леша, всё хорошо? Я слышала какой-то шум.

Мира, которую он устроил на работу по просьбе жены, никогда не соблюдала субординацию даже в офисе, вот и в этот раз вошла, даже не постучавшись.

— Вон! — закричал, швыряя в наглую девицу степлер.

В этот раз ее короткая юбка, из-под которой виднелись резинки чулков, взбесили его особенно.

— Дядь Леш, вам бы успокоительное, — по женским губам скользнула змеиная улыбка. — В разных вариациях.

Руки коснулись ложбинки груди в вырезе блузки, и Алексей не заблуждался, что это произошло случайно. Эта сикильдявка его нагло и бессовестно соблазняла, даже подошла ближе. В штанах зашевелилось, но он раздраконился от этого сильнее.

— Будь добра соблюдать субординацию, я для тебя Алексей Жданович, а не дядя Леша, ясно?! — рявкнул и с силой ударил кулаком об стену, около женской головы.

Мира вздрогнула, ее глаза наполнились слезами, а нижняя губа задрожала.

— Пошла вон! — повторил для особо тупых.

Она не стала провоцировать его и убежала, и Гдальский остался наедине с тем дерьмом, которое навалилось на него, словно снег на голову. Еще и этот долбаный корпоратив вечером, на который нельзя не явиться. Черт!

Весь оставшийся день Карина не выходила у него из головы. Он старался сосредоточиться на документах, тем более, что появился новый выгодный клиент, которого нельзя было упускать, но работа не шла. Всё буквально валилось из рук, и к концу рабочего дня он просто плюнул на это и до шести просидел в кресле с закрытыми глазами.

Ехать с Мирой в одной машине его не прельщало, она трещала без умолку, раздражая своей пустой болтовней, а от ее тяжелого парфюма порой болела голова, но Надя не поняла бы, откажись он подвозить и увозить ее племянницу с работы. А объяснять, почему ему это не в кайф — не представлял, как.

— Лещ, корпоратив ведь без меня может обойтись?

Гдальский по приезду домой хотел обнять жену и на время успокоиться, даже

подумывал вывалить на нее появившуюся проблему в виде Карины и сына Дмитрия, но когда он было расхрабрился и открыл рот...

— Мне завтра нужно на финальные анализы придти, и если всё хорошо, скоро мы сделаем новую попытку, — прильнула к мужу Надя, поглаживая по груди. — Скоро у меня как раз овуляция, так что надеюсь, всё получится.

Алексей как открыл рот, так быстро и закрыл его обратно. Сцепил зубы и постарался ободряюще улыбнуться, но внутри него бушевала буря.

Желание, было возникшее у него недавно, пропало, сметенное словами жены. Гдальский секс любил, очень даже, но в последнее время он казался ему механическим, ради галочки. Он каждый раз не мог совладать с мыслями и представлял очередную неудачу, но вместо поддержки, которой ждала Надя, он чувствовал себя ущербным. Не способным подарить жене ребенка, о котором она так мечтала. Ведь по большей части это была его вина. Груз, с которым ему жить до конца дней.

И если до сегодняшнего дня они с Надей были равны, и лишь это его примиряло с действительностью, то после теста ДНК стыд вытеснил все остальные эмоции.

— Можем побыть на корпоративе недолго, а потом домой, как тебе такой вариант? — поцеловал жену в лоб, глядя ей за спину, в сторону не зашторенного окна.

Погода с обеда испортилась, и там завывал ветер, сгустились темнотой тучи, и настроение стремительно падало.

— Нет, Лещ, корпоратив в десять начинается, а я спать хочу лечь в это время. Знаешь же, как важны детали, особенно, здоровый сон. Ты лучше Миру с собой возьми, пусть развеется девчонка, а то, наверное, совсем замордовали ее в офисе, нагрузили бедняжку работой. На ней вон, совсем лица нет, — запричитала жена.

Гдальский стиснул зубы, но промолчал. Ага, как же, устала, бедолага. Скорее, расстроена, что никого не удалось закадрить. Конечно, всего этого вслух он не произнес, жена не поверит, настолько сильно боготворит родную кровь.

— Пусть дома сидит, готовится к поступлению, нечего по корпоратам ей гулять, перед другими мужиками хвостом крутить.

Гдальский не ревновал, просто знал, на что давить. Мать Миры, Алена, переживала, что та принесет в подоле, и наказала сестре следить за дочкой, чтобы уделяла времени больше учебе, а не мальчикам. Да и Надя сама была мнительная, так что Миру дальше своей юбки почти не отпускала. На это был расчет Алексея, вот только всё пошло не по плану.

— Ты же будешь рядом, проследишь за ней, да и потом, если девчонку на привязи держать, она в разнос пойдет, иногда и ей нужно позволять веселиться. А то что-то ощущаю себя в последнее время цербером, гав да гав.

— Поверь, малыш, так и надо, никогда не знаешь, что молодые могут отмочить.

— Скажешь тоже, молодые, да и мы с тобой не старые, — подняла голову Надя, и Алексей, совладав с первой волной негодования, растянул губы в вымученной улыбке. — Ладно, ты переодевайся, я пока ужин разогрею. И не спорь, знаю я тебя, без меня на корпоративе совсем кушать не будешь. Попрошу Миру приглядеть за тобой, чтобы ты сильно не пил.

— Я что, алкаш или подросток, чтобы за мной следить? — мужчина закатил глаза.

— Нет, конечно, Лещ, — виновато качнула головой Надя. — Ты у меня просто весьма видный мужчина, за тобой глаз да глаз нужен.

Гдальский приосанился, за грудиной у него расплзлось тепло. Приосанился даже,

давно не слыша таких комплиментов от жены.

— Ладно, — нехотя буркнул, понимая, что не отвертеться. — Ты приготовила мне парадный костюм?

Жена закивала, но он и не сомневался в ее ответе. Это была ее обязанность, так что спросил он для галочки, привык проверять за подчиненными и перенес привычку в стены дома. Впрочем, Наде нравилось, она чувствовала себя нужной.

Алексея иногда раздражало, что она сидела дома, хотя это была сугубо его идея. Уж больно Надя привлекала много мужского внимания, в начале он злился, когда ловил на ней чужие взгляды, хотя повода жена и не давала.

— Ну всё, я пойду, чайник поставлю, — Надя поцеловала его в подбородок и упорхнула в сторону кухни.

Гдальский остался наедине с собой, даже плечи его будто опустились от облегчения. Он и не представлял, каких усилий ему стоило сохранять спокойствие. Раздраженно потянул узел галстука, снимая с себя удавку, затем на кровать небрежно полетел пиджак. Надя после уберет, догадается, что в химчистку пора отнести.

— Я уж думала, что совсем непривлекательна, дядя Леша, — вдруг раздался голос Миры.

Она появилась на пороге спальни так резво, будто стояла за дверьми и подслушивала весь разговор. Судя по ее довольному лицу, так и было.

— Не переживай, я ни на кого вешаться не буду.

— Не переживай-те, — поправил по привычке, раздраженный ее попытками пересечь его личные границы.

— Не переживайте, дядя Леша, всё время буду рядом с вами, как и наказала тетя Надя, — улыбнулась напоследок и ушла, выглядя донельзя довольной.

Не сразу Гдальский понял, какую совершил ошибку. Будто дал добро на приставания. Впрочем, осадит ее, если что, не впервой.

Наши дни

Надя старалась держать руку на пульсе. Занимала везде очереди, когда их отправили на анализы, но вот энтузиазма у племянницы не видела. Она залипала в экране телефона и смеялась над какими-то видео, чуть ли не лопаая жвачку.

Мира не видела ее, когда она шла в ее сторону с туалета, и услышала вдруг то, отчего замерла, в шоке глядя на младшую родственницу.

— Молодежь, мал мала меньше, а уже пузатые, что-то кольца у тебя, девочка, не вижу, что, принесла родителям в подоле? — неодобрительно цокнула бабушка напротив, презрительно кривя губы.

Надя поджала губы и только хотела подойти, чтобы оказать Мире поддержку, как вдруг та подняла голову и вылила на старушку желчь.

— Тебе-то какое дело, старая, тебе не к гинекологу в очереди сидеть, а в похоронное бюро, — фыркнула.

— Нет, ну вы все слышали?! — неподдельное возмущение. — Она меня оскорбила!

— У тебя даже рот воняет, не дыши на меня.

Надя стояла как вкопанная, не зная, что именно повергло ее в ужас. Отвратительные слова, которые вылетали изо рта Мира, или скандал, который набирал обороты из-за пожилой женщины, на поддержку которой кинулась толпа. Ор и гомон отрезвил ее, и она отмерла, подбегая к скамейке, где продолжала нагло восседать племянница.

— На себя посмотрите, клуши уродливые!

— Мира, успокойся, — шикнула на младшую Надя и виновато повернулась к очереди. — Давайте все успокоимся, прошу вас. Гормоны, вам ли не понять.

— А ты нас не затыкай! — гаркнула одна из женщин, у которой живот шел впереди нее, настолько он был большим. — Я в пятый раз беременна, но никогда себе такого не позволяла!

— Оно и видно, что в пятый, — хмыкнула оскорбительно над ухом Нади Мира, но в споре никто ее, кажется, не услышал.

— Вот именно, дамочка, если не смогли дочь свою воспитать, нечего тут всё сваливать на гормоны! — крикнула одна из з самых громких, чей бас разнесся по всему коридору.

В их стороны пялились и справа, и слева. Некоторые даже пропустили очередь, чтобы не пропустить ни слова из набирающего обороты скандала.

— Я не мама! — пискнула Надя, но в этот момент открылась дверь врачебного кабинета, и она схватила Миру под руку, желая избежать чужих нападков.

Лицо ее горело всё то время, когда племяннице делали УЗИ органов малого таза. Старалась незаметно посмотреть на себя в маленькое зеркало, которое висело на стене, и задавалась волнующим ее вопросом. Неужели она настолько плохо и неухоженно выглядит, что ее можно принять за мать совершеннолетней девушки?

Перевела взгляд на Миру. Может, она выглядит подростком?

Качнула головой, стараясь не думать о последнем. Тогда ее беременность представляла в неприглядном свете. А что если мужчина, чьи гены передались их малышу, из тех, кто клюет на малолеток?

Эти мысли не давали Наде покоя до самого дома, так что об отвратительном поведении

племянницы она на время забыла.

Как только они оказались дома, Мира зевнула и направилась к себе.

— Я посплю, тетя Надь, походы по больницам так утомительны.

Гдальская открыла рот и вскинула руку, но лишь моргнула, когда дверь гостевой хлопнула. Промаявшись несколько часов, приготовила ужин и решила всё же узнать чужое мнение.

Подруга Тая ответила с первого раза, как раз выходила с работы в шесть вечера.

— Давно не слышала тебя, Надь, что-то случилось?

Голос у нее был немного запыхавшийся, словно она пешком спускалась с лестницы, и скорее всего, так и было. Она давно пыталась похудеть и не гнушалась любыми здоровыми способами.

— Почему что-то должно было случиться? Разве две подруги не могут просто посплетничать?

Надя поставила смартфон на столешницу, а сама проверила яблочный пирог в духовке. Хотелось подсластить пиллюлю горечи и заесть ее чем-то сладким.

— Ну ладно, ты права, — Тая хмыкнула, но убедительным ее тон не выглядел. — Я так устала от этой работы, босс просто изверг, вчера до двух ночи сидели над проектом, козел драный.

— Уволься, тебя вроде зовут в другие компании.

— На мне сейчас четыре крупных проекта, знаешь же, что никто другой не справится с таким объемом работ. Вот завершу их и тогда точно свалю.

Надя улыбнулась, не веря ни единому слову подружки. Та всегда так говорила, но заканчивала старые и брала новые проекты. Работая дизайнером интерьеров, осуществляла свою мечту, но вот когда полгода назад у них сменился владелец, который занял также место генерального, она взвыла, считая его чуть ли не изувером. Хотя у Нади были подозрения, что будь он гораздо более страшным и неприятным, Тая давно бы сменила место работы, но пока лишь продолжала возмущаться.

— Я слышу, как ты скалишься, Надь. Прекрати думать эти глупости. Знаешь же, что я больше не по мужикам.

— По женщинам? — ухмыльнулась Гдальская, подразнивая свою ровеснику, с которой они дружили уже очень много лет.

— Не издевайся, ты знаешь мои сексуальные предпочтения, мужики только на один раз, и не хочу ничего слушать про то, что я влюблена в своего босса.

— Я вообще молчала, если ты не заметила.

— Ну-ну. Ладно, давай, колись, для чего на самом деле позвонила.

Надя замялась, но скрыть от подружки никогда ничего не могла. Та раскусила ее на раз-два.

— Я выгляжу старо? — выпалила, как на духу. — Только честно, не льсти мне.

— Воу, подруга, что за вопросы? Леша сказал тебе, что ты постарела? — голос Таи стал злобным, она будто была готова вцепиться в Гдальского острыми клыками и разодрать ему горло. — Да я ему...

— Тай, Тай, нет, — Надя поспешила успокоить ее, пока она не взъярилась, накручивая себя еще сильнее, хотя ей нравилось, что у нее была Тая, которая всегда готова вступить за нее. — Просто... Я ходила сегодня с Мирой в больницу, на учет ее поставить...

— Стоп, а тут подробнее. Ничего не поняла.

Гдальская чуть по лбу себе ладонью не ударила. Точно. Она же ни с кем не делилась тем, что у них сейчас происходило в доме. Ввела в курс дела подругу и только потом продолжила на том, на чем остановилась.

— Так что, я и правда так плохо выгляжу, лет на сорок, да?

Пирог был готов, так что Надя вытащила его и поставила на стол, накрыв полотенцем. Скоро, как она надеялась, должен был придти с работы Леша. Жаркое стояло на плите, и она могла посвятить время разговору с Таей.

— Давай на видео переключимся.

Предложение подруги вызвало у нее тревогу и даже легкую паническую атаку. Время истины.

— Ну как?

Раздавшаяся тишина испугала. Тая промычала что-то невнятное и только потом, прокашлявшись, заговорила неуверенным тоном.

— Ну, ты похожа на замужнюю женщину, Надь.

— Но?

— Сейчас, подожди, я дорогу перехожу.

— Ты не хочешь меня обижать, Тай, я же вижу. Пожалуйста...

Несколько секунд спустя лицо подруги снова появилось на экране, и ее губы виновато поджались.

— Может, тебе со мной в салон сходить? СПА? Парикмахер? Маникюр-педикюр?

— Всё настолько плохо? — Надя глотнула немного воздуха.

— Ну... Когда ты последний раз смотрела на себя в зеркало?

— Сегодня утром.

Пригладила волосы, вспомнив слова свекрови о том, что у нее ужасный внешний вид. Но она ведь имела в виду домашнюю одежду?

— Так, Надь, завтра бросаешь все дела, дом на мужа, а сама руки в ноги и ко мне. Будем тебя приводить в божеский вид. У тебя волосы пакля какая-то.

Гдальская воодушевилась, чувствуя необходимость что-то сделать с собой, ведь если всё это правда, то и Леша видит всё это каждый день. Но почему молчит?

— Сходишь со мной на шопинг?

— Конечно, Надь, мне и самой бы на корпоратив платьишко прикупить. Ну всё, чмоки, я уже у дома.

Женщины распрощались, и весьма вовремя. В этот момент пришел Леша. Она услышала, как шуршит снимаемая одежда. Улыбнулась и вышла в коридор, собираясь по традиции встретить его, но опоздала. Там уже крутилась Мира, что-то выспрашивая у хмурого мужа Нади.

— Ты уже проснулась? — спросила у племянницы и вдруг заметила, как та сморщилась. И вдруг вспомнила ее грубые слова в очереди в больнице. Так заморочилась своим внешним видом, что совершенно об этом забыла.

— Да, тетя Надь, ужасно проголодалась. Ты приготовила что-нибудь вкусное, надеюсь? Мы с малышом заморили бы червячка.

Племянница выпятила пока еще маленький животик и погладила себя по нему, вот только смотрела всё это время почему-то на Лешу. На ее, Надиного Лешу!

Гдальская вдруг почувствовала раздражение, ей захотелось оттолкнуть наглую Миру, но она себя остановила, шикая и тормозя свой гнев. Это ведь Мира, дочка Алены, ее родная

племянница, которая никак не могла пытаться привлечь мужское внимание Леша.

— Привет, малыш, ужасно соскучился по тебе.

Гдальский скользнул к жене, взял в ладони ее лицо и крепко поцеловал в губы. Словно клеймил, демонстрируя свою любовь.

И у Нади отлегло, она разулыбалась и обо всем на свете забыла. Позвала всех к столу и не заметила, какой взгляд кинул ее муж на Миру. Предостерегающий, предупреждающий. То был поцелуй напоказ, чтобы кое-кто не заблуждался на счет предпочтений Алексея.

Мира растянула губы в улыбке, но промолчала и ничем не выказала свое разочарование. Она давно уяснила, что вода камень точит.

Наступила суббота. Леша встал на удивление рано и с утра пораньше вел себя странно. Нервничал и поглядывал на часы.

— Ты куда-то торопишься?

Надя скрестила пальцы и встала на пороге ванной, не спеша идти на кухню и готовить завтрак. Мира спала, так что у них с Лешей было время побыть наедине. Этого в последнее время ей не хватало.

— С чего ты взяла?

Плечи мужа напряглись, а руки застыли. Она почему-то залипла на его скулах, покрытых пеной, затем перевела взгляд на застывшую в воздухе бритву. Что-то казалось ей неправильным в этой ситуации, но ее голова была забита собой и своим внешним видом, так что она не стала развивать эту мысль.

— Ты всё время смотришь на свои часы, — Надя кивнула на его кисть.

Эти наручные часы она подарила ему четыре года назад, на первую годовщину свадьбы. Ладонь автоматически легла на свою шею, но наткнулась лишь на голую кожу.

— У меня запланирована срочная встреча, не хочу опоздать.

Гдальская тревожно водила пальцами по шее, пытаясь отыскать там подвеску, которую в тот же год подарил ей муж, так что не заметила неподдельное волнение Алексея.

Он же смотрел на нее напряженным взглядом в отражение зеркала и с облегчением понял, что она была чем-то обеспокоена и поэтому не поняла, насколько сильно он взбудоражен и напряжен.

Гдальскому стало стыдно за то, что он собирался сделать, но признаться до сих пор не мог. Его колотило и колбасило еще с вечера, но Надя была такой уставшей, что уснула первой и не заметила его нервное состояние.

Он и не знал, что ответил бы ей, спроси она об этом его вчера. Субботу он привык проводить дома, в кругу семьи, но сегодня был особенный для него день. Несколько месяцев он делал вид, что ему плевать на внезапно появившегося сына, но чем больше проходило времени, тем сильнее его одолевал стыд. Возможно, это связано с беременностью Миры, но если этого ребенка в ее утробе он практически ненавидел, то вот Диму, сына от Карины, стал считать жертвой судьбоносных решений. Его и Карины.

Он просто взглянет на ребенка один раз и уйдет. Он ведь решил, что ему не место в его жизни. Надя не поймет.

— Хорошо, Леш, ты пока иди на кухню, поставь чайник, хорошо? Мне надо убрать постель.

Гдальский удивленно посмотрел вслед жене. Она выглядела расстроенной и чем-то замороченной, но спрашивать он целенаправленно не стал. Вот вернется, и они поговорят. Ему бы сейчас взять отпуск, а им вдвоем съездить на курорт. В последнее время их отношения будто дали трещину, и мужчина не хотел, чтобы эта трещина превратилась в пропасть. Боялся, что правда вскроется, и это станет для нее ударом.

— Куда торопишься, дядя Леша?

Мира появилась сзади как-то незаметно и неожиданно. Гдальский зашипел, порезавшись от неожиданности, и повернулся к змее, которая пробралась к ним в дом угрозами и шантажом. Она, пожалуй, была большей проблемой, чем Карина.

— Не твое дело! Вышла! — прошипел, с тревогой глядя на проем и вслушиваясь в звуки. Не дай бог Надя застанет девчонку в ванной с ним наедине. Вопросы лишние ему ни к чему.

— Что ты такой злой с утра пораньше? Неужели жена не помогла сбросить напряжение? — замурыкала кошечкой Мира и подошла ближе к мужчине.

Алексей нахмурился, не сразу поняв суть вопроса, а затем его члена сквозь домашние штаны коснулись теплые пальчики. Стиснул челюсти, сдерживая стон. За своими мыслями совсем не заметил, что утренний стояк не опал, продолжая беспокоить тело. Ненавидел его за отклик. И за то, что не оттолкнул девчонку сразу же, и она восприняла его бездействие за одобрение. Ее пальцы тут же оттянули резинку штанов и скользнули вниз, прошлись по всей длине напряженной плоти и помяли полные спермой яйца.

— Руку! — зарычал спустя несколько секунд и оттолкнул пытаясь вернуть себе самообладание.

Она рассмеялась, а Гдальский ощутил себя проигравшим. Хотя ни в какие игры с этой змеей и не пытался играть. Она просто застала его врасплох.

— Леш, ты поставил чайник? — голос жены, доносящийся из спальни, отрезвил, так что мужчина схватил эту наглую девку за шиворот и толкнул из ванной прочь.

— Сейчас, малыш! — крикнул Наде, а затем прошипел Мире: — Одевайся приличнее, шлюха!

С презрением окатил ее пеньюар взглядом и порадовался, что всего этого жена не застала. До чего же нужно быть тварью, чтобы пытаться соблазнить мужа собственной тетки в ее же доме.

— Всё для тебя, любимый дядя Леша, — тихонько пропела и, покачивая бедрами, ушла к себе в комнату.

Он стиснул челюсти и грузно потопал на кухню, даже забыв о предстоящей встрече. Включил чайник и прикрыл глаза, сжимая переносицу и возвращая себе ясность мыслей. Котелок не хотел работать, но он взял себя в руки к приходу жены. А вот она выглядела весьма расстроенной.

— Что-то случилось? — спросил осипшим голосом, а сам боялся услышать ответ. Неужели Мира рассказала о случившемся в ванной? Или Надя всё видела.

— Я, кажется, потеряла подвеску, которую ты мне на годовщину подарил.

Гдальский незаметно выдохнул и даже не разозлился, ведь потеря украшения такая ерунда по сравнению с его проступками.

— Иди ко мне, — распростер руки и прижал к себе жену. — Не переживай, всего лишь безделушка, давай завтра сходим в ювелирный и купим тебе набор лучше прежнего. Я как раз в пятницу премию получил.

— Леш, ты такой хороший, — Надя подняла голову и посмотрела на мужа сияющими глазами, которые всё еще блестели от невыступивших слез. — Иногда мне кажется, что я тебя недостойна.

Алексей прижал голову жены к себе плотнее, не в силах смотреть ей в глаза, а затем увидел в проеме кухни Миру, которая переделалась в домашнее платье, которое, впрочем, мало что скрывало — до середины бедра, с открытыми плечами и глубоким вырезом. Сучка.

— Я люблю тебя, Надь, больше жизни люблю.

Не знал, кому адресовал это признание — себе, жене... или демонстрировал Мире, что сюда ей лезть не стоит, у той нет ни единого шанса.

Завтрак прошел в напряжении, но каждый был поглощен своими мыслями и не замечал

повисшей тишины. Выйдя из дома, Гдальский вдохнул воздух полной грудью и даже будто выдохнул после с облегчением. В последнее время возвращаться домой ему и вовсе не хотелось, но он всё равно спешил, проверяя, не отчебучила ли чего эта Мира.

От Карины было три пропущенных, и Гдальский чертыхнулся, глядя на часы. Он безбожно опаздывал. Они договорились встретиться в торговом центре, в детском центре, где Дима любил играть.

Заверив бывшую, что скоро будет, ехал в ТЦ с колотящимся сердцем. Любви в его сердце к ребенку, которого он никогда не видел, но уже начал выплачивать алименты, не возникло, но ему вдруг захотелось на него посмотреть. Гдальский не знал, что им двигало, но слова матери перед отъездом не давали ему покоя.

— Вы оба маетесь ерундой. Можешь что угодно говорить своей жене, но я не дура и не слепая, у тебя есть другая женщина, сын. Надя мне не нравится, буду честна, но та, которая лезет в чужую семью, хорошей женой тебе точно не станет. Ты поэтому согласился усыновить ребенка Миры? Потому что вину перед Надей за измену чувствуешь? Так вот, не порти жизнь этому малышу, ты его никогда не полюбишь. Свой сын — это свой, чужой — это чужой. Нужно рассказать всё настоящему отцу, каково бы вот тебе было, если бы твоего сына воспитывал чужой мужик?

Тогда он промолчал, не опровергая и не соглашаясь с ее умозаклечениями, но вот последний вопрос озадачил. Он никогда об этом не думал, ведь и надобности в таких сомнениях у него не было. Но не теперь... Ведь Каринин сын Дима, как гласил ДНК-тест, и его сын тоже. Получается, его будет воспитывать отчим? А что Гдальский вообще о ее жизни знает? Ничего.

Так что сейчас он вошел в игровую зону, ощущая себя не в своей тарелке, но полный решимости довести встречи до логической развязки. Раз решил познакомиться, то сделает это.

Карина заметила его сразу, махнула рукой и подозвала к ограждению, около которого стояла.

— Ты долго, Дима уже начал уставать.

— Я пришел. Где он?

— Вон, — кивнула на столик, за которым сидело трое пацанов пяти-шести лет.

— Который из?

— Не узнаешь свою кровь?

— Не раздражай меня.

Гдальский цедил слова сквозь зубы, не понимая, что эта женщина от него хочет. Все эти мальчики были для него на одно лицо.

— В синей кофточке, — разочарованно протянула Карина, но мужчина не обращал на него внимания. Сосредоточился на Диме, который рисовал что-то в альбоме.

— Мелкий какой-то, — хмыкнул, сравнивая себя и пацана и не находя сходства.

— Он маленький еще, — обиженно надула губы Карина, он знал ее жесты даже спустя столько лет. — Дим! Малыш! Иди к маме!

От ее визгливого крика у Алексея заложило левой ухо, но он смотрел на пацана, который вдруг повернул к ним голову, заулыбался и вскочил с места.

Он и сам не понял, как ребенок оказался около них и поднял голову, глядя на него снизу вверх.

— Это твой папа Леша, Дим, ты узнал его?

Карина присела перед сыном на корточки, а вот Гдальский потерял дар речи, прожигал только ее разъяренным взглядом. На такое они не договаривались. Однако спустя минуту выдохнул с облегчением, так как ребенок застеснялся и вцепился в мать, глядя на него с легким испугом.

С детьми у него опыта не было, поэтому Алексей продолжал стоять на своем месте истуканом.

— А давайте пиццы поедим? Как вам идея? — попыталась разрядить обстановку Карина.

Дима закивал и убежал к столику, который они, видимо, давно облюбовали, а вот Гдальский схватил бывшую за локоть.

— Ай! Больно!

— Ты че устроила?

— Ну ты же сам хотел познакомиться с сыном.

— Я просто хотел на него посмотреть, а не играть роль любящего папки.

Мужчина не мог сдержать своего раздражения и вдавил пальцы в руку Карины сильнее.

— Никто не просит тебя любить его, — прошипела она и, наконец, вырвала руку. — Но что я должна была ему сказать? В конце концов, он видел твои фотографии и узнал бы тебя. А врать своему сыну я не намерена, ясно?

Пацан оказался каким-то стеснительным, сам Гдальский в этом возрасте таким не был. Но его фото, видимо, сыграло решающую роль.

— Я скучал, папа, — обнял его в какой-то момент, а мужчина и не знал, как на это реагировать.

— Воспитала его каким-то мягкотелым, — подметил спустя время, когда Дима убежал играть с какой-то девчонкой, которая лупила его игрушкой по голове, а он на это лишь улыбался.

— Сложно, знаешь ли, растить сына без отца, — фыркнула Карина. — И он просто чувствительный и добрый мальчик, не чета тебе.

— Оно и видно, — с недовольством снова произнес Гдальский.

В это время Диму толкнул другой мальчик, и он снова стерпел это. В душе Алексея отчетливо поднималось раздражение.

— Меня мать тоже без отца растила, из меня такого мямли не выросло что-то.

— Из тебя вырос черствый чурбан, едва ли это лучше. Ладно, позже продолжим, я сейчас вернусь.

Карина ушла, кажется, подтирать сыну сопли, а Алексей сделал глоток кофе. Голова нещадно раскалывалась.

— Леша? — прозвучал вдруг голос Нади.

Гдальский напрягся и медленно повернул голову вбок. Надеялся, что ему показалось, что это плод его воображения, но около стола действительно стояла его жена. Сердце мужчины заколотилось, перекрывая все внешние звуки, и он открыл рот, чтобы объяснить, что делает в семейном кафе, но не успел и слова вставить. В этот момент к нему подбежал Дима.

— Папа, папа, идем к маме!

Звонкий детский голос ребенка заставил Гдальского замереть, не в силах открыть рот и двинуться с места, а вот Надя, его Надя, отшатнулась, хватаясь рукой за горло.

Он перевел взгляд на ребенка и нахмурился. А потом увидел идущую невдалеке в их

сторону Карину, на лице которой сияла непонятная улыбка. Ясно, подговорила пацана, змея подколотная.

— Папа? — повторила, как попугайчик, его жена.

Ее взгляд резал Алексея без ножа, был таким беззащитным, что ему как никогда захотелось, чтобы всё это было наваждением, неправдой. Но Дима вертелся на его коленях, заглядывая в глаза и дергая за щеки так, будто познакомился с ним не сегодня. И это стало проблемой.

Гребаная Карина, могла бы не показывать его фото Диме, и тогда бы Алексей не выглядел злостным изменщиком и неверным мужем в глазах своей жены.

— Дим, ну ты где, идем, там уже программа начинается, бери любимого папку, идемте все вместе, — Карина подошла специально невовремя, но именно ее появление заставило всех отмереть.

Гдальский встал, скидывая пацана с колен, протянул руку к жене, но она дернулась, глядя на него таким взглядом, которого он никогда у нее не видел. Казалось, то было отвращение, но он гнал эти предположения от себя куда подальше, иначе не выдержит и встряхнет ее, чтобы пришла в себя. Но эмоции в этой ситуации неуместны, и он побоялся подлететь к ней, чтобы не спугнуть и не отвернуть от себя окончательно.

— Милый, всё в порядке?

Карина перевела взгляд с него на Надю и странно улыбнулась, будто узнала соперницу, которая когда-то заняла ее место.

Алексей еле сдержался, чтобы не ударить эту тварь, которая своими ядовитыми словами закапывала его еще сильнее.

— Заткнись! — рявкнул на нее, не видя причин церемониться с бывшей.

Вот только когда посмотрел на Надю снова, увидел слезы в уголках ее глаз. Черт!

— Я всё объясню, малыш, — поднял руки, но она отшатнулась так, будто ожидала от него удара. Это оскорбило его, и он стиснул челюсти. В конце концов, ничего сверх не произошло. Ей просто нужно выслушать его. Не изменяет же он ей, в конце концов!

— Ничего не нужно объяснять, Алексей, нам всё и так понятно! — прозвучал вдруг голос Таисии, лучшей подруги Нади.

Вот на нее он взглянул уже зло, с претензией. Никогда ее не любил. Вечно тянула его жену на какие-то вечеринки, шопинги, впаривала всякую ерунду про карьеру и самодостаточность. Будь его воля, разрушил бы их дружбу сразу, но это то единственное, чего он не смог добиться.

Гдальский сжал кулаки и с яростью смотрел уходящей жене вслед. Как чуял, что эта Тая накрутит Надю и всё между ними испортит, но и что говорить прямо сейчас, не знал. Поэтому остался стоять около стола. Ничего, вернется домой, и они поговорят, когда она успокоится и отойдет.

Надя

Как только Леша ушел, Надя с Таей, как и договаривались, отправились по магазинам. Прикупили кое-что из домашнего и сексуального, расценив, что больше всего времени Гдальская проводит дома.

— Пойдем чайку попьем, а то с этой беготней толком и не поговорили.

Предложение подруги было как нельзя кстати, так как я в отличие от нее была не в такой хорошей физической форме и уже устала.

Женщины расположились на фудкорте, Надя поставила покупки на стул и вдруг моргнула. Показалось, словно увидела Лешу в детской зоне. Вот же какое воображение.

— Так что там с Мирой?

— А? Что? — повернула голову в сторону Таи.

— Ну ты говорила, что племянница теперь из-за беременности с вами живет.

— А, да-да, — Надя усиленно закивала. — Мы с Лешей будем контролировать, чем она питается, следить за состоянием малыша.

— Точнее, ты будешь, — верно подметила подруга и сморщилась, не слишком хорошо относясь к Алексею. Всегда он ей казался излишне правильным, чересчур следил за своим внешним видом.

— Опять ты за свое.

Надя уже устала балансировать между лучшей подругой и любимым мужем, которые на дух друг друга не переваривали.

— Помяни мое слово, неспроста твоя акселератная племянница в откровенных пеньюарах ходит по дому. Дождешься рогов на свою голову.

— Это было всего один раз, Тай.

Надя уже пожалела, что рассказала обо всех своих переживаниях подруге. Она зацепилась и теперь будет поддевать, накручивая ее и без того расшатанную нервную систему.

— Ой ли? — вздернула та бровь, а затем вдруг прищурилась, словно кого-то увидела. — Слушай, а это не муженек твой с какой-то женщиной сидит?

Несмотря на недоверие к ее словам и уверенности, что подруга обозналась, сердце Нади заколотилось, а вдоль позвоночника прошелся холодок. Она обернулась и стала приглядываться, выискивая, куда именно упал взгляд Таи.

Не сразу, но нашла единственный столик в детском кафе, где сидела пара. Глаз уцепился за женщину. Что-то в ней было смутно и неуловимо знакомым, но они сидели достаточно далеко, чтобы Надя смогла понять, что именно ее смутило.

Потом перевела взгляд на мужчину, который сидел боком, но профиль и правда был похож на Лешу.

— Это не он. Мой муж на деловой встрече, — качнула головой и сказала Тае, которая сидела со скептическим выражением на лице.

— Позвони ему.

— Он же на встрече, его нельзя отвлекать...

— Тогда напиши.

Тая смотрела на подругу требовательно, не собираясь отступать и желая открыть Наде

глаза, ведь та могла сколько угодно обманываться, но Тая была не слепая, узнала Алексея даже с такого расстояния.

— Хорошо, но только чтобы ты отстала, Тай.

Гдальская категорически не желала проверять мужа, считая, что подруге он просто не нравился, поэтому та так зацепилась за идею, что в том кафе сидел Леша.

“Как ты? Встреча еще не закончилась?”

Ответ пришел почти сразу, заставив Надю радостно улыбнуться. Разве изменщик так делал бы? Нет.

“В самом разгаре, но думаю, к обеду буду, что у нас покушать?”

У Гдальской окончательно отлегло.

— Видишь? — показала экран смартфона подруге. — Не будем долго ходить по торговому центру, хорошо? А то я забыла, что курицу на разморозку из морозилки не выложила.

Тая молчала, переводила взгляд с экрана на того мужчину за моей спиной, а затем как-то странно дернула губами.

— Что это он про еду спрашивает? — прищурилась и сжала крылья носа, став похожей на коршуна. — Вставай, Надь, раз не веришь, так сама убедишься, как он уверенно врет.

— Не собираюсь я...

Гдальская не договорила, подруга подскочила к ней и схватила за руку, потянула за собой. Поначалу женщина сопротивлялась, не собираясь позориться перед незнакомыми людьми, но Тая выглядела такой уверенной и злой, что решила раз и навсегда покончить с этим.

— Хорошо, Тай, но обещай, что когда ты убедишься, что это не Леша, а просто какой-то похожий мужик, прекратишь нападки в его сторону и все эти подозрения.

— Ну да конечно, подозрения, вон сидят все его отмазки “задержусь на часика два”, “не приду ночевать, останусь у мамы”. Самой-то не стремно быть настолько слепой?

— Ты меня обижаешь, — с этими словами Надя выдернула свою руку и остановилась на полпути.

Тая проггла ее недовольным взглядом, а затем качнула головой.

— Слушай, Надь, я твоя лучшая, смею надеяться, подруга, и желаю тебе самого лучшего. Поверь. Хорошо, обещаю, что если это не Леша, больше эту тему никогда не подниму, как бы у меня не чесался язык. Мир?

Женщина протянула мизинец, ожидая действий Гдальской, и та несмело улыбнулась, не способная слишком долго злиться на Таю.

— Как по-детски, — протянула Надя, но свой мизинец также выставила.

А после они двинулись в сторону кафе при детской площадке, огибая столики фудкорта.

— Но если это он, а это он, — вдруг перед входом в помещение Тая схватила Надю за плечи и требовательно заглянула в глаза, — обещай, что не вздумаешь прощать его измену.

— Это не он.

— Не слышу обещания.

— Это не... — Гдальская сглотнула и вынужденно кивнула.

— Не слышу.

— Об-бещаю.

Эти слова ей дались тяжело. Она никогда не думала о Леше в качестве изменника и даже не представляла, что бы сделала в случае обнаружения адюльтера. Но расстаться...

Разве это не радикальная мера? Ведь всегда можно поговорить. Вдруг была причина для... того-самого. Никогда не понимала женщин, которые рушили счастливые семьи из-за одного раз, ведь бывало такое, что мужчина был пьян, ему могли подсыпать что-то.

Сердце Нади сжалось, а затем она подумала, что, наверное, не смогла бы забыть, если бы Леша изменил ей. Да и обещание подруге дала только потому, что знала, он с ней так поступить не мог. Не такой он человек.

— Помни о своем обещании.

Тая погрозила ей пальцем, а затем оказалась за спиной и подтолкнула внутрь, пропуская ее вперед.

Она шла к столику, где мужчина сидел уже один, с улыбкой на лице, еще не зная, что ее ждет там. А когда оказалась достаточно близко, остановилась в паре метров, наблюдая за ним и узнавая в нем...

— Леша?

Голос звучал сипло, внутри образовалась пустота, пока ничем не заполненная, но вскоре на ее место придут обида, горечь и чувство предательства, которого доселе Надя не испытывала.

Она еще надеялась, что ошиблась, что здесь просто и состоялась деловая встреча, мало ли, какая ситуация, но когда к мужу подбежал мальчик, крича “папа, папа”, такая роскошь, как самообман, стала ей недоступна.

Всё остальное она помнила смутно. Тая увела ее, выкрикивая проклятья в сторону Леша, а у самой Нади опустились руки. Внутри нее всё заледенело, покрывшись льдом и инеем, и она приняла приглашение подруги остаться переночевать у нее.

— Нужно только Миру предупредить, — успела шепнуть подруге, после чего расплакалась, не видя перед собой практически ничего.

Кажется, Тая написала ее племяннице сообщение, а затем увезла Надю к себе — отпаивать проверенным всем миром средством.

* * *

Алексей

Ноги тянулись побежать вслед за женой, но Гдальский усилием воли заставил себя остаться на месте. Как только она исчезла с поля зрения, повернул голову в сторону Карины.

— Мам, мам, а что тетя убежала? — вдруг раздался голос мальчика откуда-то снизу.

Алексей опустил глаза и еле как справился с пеленой ярости в глазах. Моргнул, чуть сбавил обороты и тихо процедил.

— Это ты подстроила?

Чуя, что пахнет жареным, Карина не стала защищаться ребенком, а отправила его играть, дала напоследок упаковку с соком с трубочкой. Гдальский проводил его взглядом, но сам пыхтел от злости и гнева, которые распирала ему грудную клетку. Казалось, еще минута и его сердце разорвется, или он получит инфаркт.

— Не смей меня, Гдальский, ты не настолько важная персона, что я бы вызвала твою жену. Скажу больше, даже не знала, что ты скрыл от нее факт наличия Димы. Обидно за нашего общего сына, хочу сказать.

— Заткнись! — прошипел и сел обратно за стол, делая жадный глоток воды —

промочить пересохшее горло.

Карина была права. Откуда бы ей знать о его взаимоотношениях с женой и настроения в доме? Любой нормальный мужик сразу бы рассказал о ребенке на стороне, только он тянул, а теперь уже поздно что-то придумывать. Всё на лицо. И как теперь оправдаться?

Гдальский протер ладонями лицо, устало вздохнул, не представляя, что его ждет дома. Застонал, вспомнив про Миру, вцепившуюся в их семью клещом. Грешным делом подумал даже о киллере, но не настолько же он прогнил, чтобы человека убивать.

— Ну хочешь, я ей сама всё расскажу?

Видимо, вид у Алексея был тот еще, раз даже бывшая вдруг сжалась, проявляя милосердие.

— Я сам.

Не прощаясь, Гдальский вышел из-за стола и полетел на всех парах домой. Не подумал, что там ведь жену поджидает племянница, которая с удовольствием воспользуется возможностью и настрополит его жену против него. Сучка.

Вот только оказавшись в коридоре квартиры, ни обуви, ни сумки Нади не обнаружил. Прошелся по комнатам, но дома была только Мира, сопевшая на кровати, бесстыдно развалив на кровати ноги.

Прошел в спальню и вышел на балкон. Захотелось затянуться сигареткой, однако он был мужиком не курящим, поэтому пачки под рукой не оказалось.

В кармане зазвонил телефон. Понадеялся было, что это Надя, но чертыхнулся, увидев номер шефа. Архипов.

— Слушаю, Михаил Львович.

Несмотря на то, что шеф был одноклассником Нади, он обращался к нему всегда только на вы и по фамилии-отчеству. Не задалось у них дружеского общения с самого начала. Надя могла сколько угодно обманываться на его счет, но как мужик, Алексей сразу увидел в нем соперника, который давно положил глаз на женщину. Оттого и настаивал на ее увольнении.

— Вниз спустись, нужно срочно ехать в офис.

Голос Архипова звучал сухо и грубовато, требовательно. Гдальский стиснул челюсти, ненавидел, когда ему приказывали, но ради бабок, которые платила компания, терпел. Ничего, потерпит чутка, а потом обойдет Архипова, и уже тот будет перед ним лебезить.

— Сегодня суббота.

Обычно Алексей не позволял себе подобный тон, но сейчас был так взбудоражен случившимся, что забылся, кто из них начальник, а кто подчиненный.

— Я у тебя разве спрашивал, какой сегодня день недели?

В последнее время Львович ходил сам не свой, раздраженный и злой, срывался на подчиненных, чего раньше за ним не замечалось, но Гдальский, стиснув зубы, терпел. Зато он выиграл в самом главном бою. Заполучил руку и сердце Нади.

— Против судоходной компании Иллермо подан иск о взыскании материального ущерба в два миллиона долларов, Гдальский, так что поднимай свою ленивую задницу и спускайся.

Архипов не кричал, но голос у него звучал настолько грубо, что иначе как криком Гдальский это не воспринимал. Делать было нечего, так что глянул на свой взъерошенный вид в зеркало, поправил пятерней волосы и вышел из квартиры.

Архипов ждал его в машине около подъезда, так что Алексей присел рядом, ничего не говоря и не спрашивая. Машина тронулась с места, и они поехали в офис.

— Вид у тебя непрезентабельный, — хмыкнул Михаил. — Что, дома проблемы?

— Вас это не касается, — процедил, очерчивая красную линию, за которую хода другим не было.

Знал, что Львович коршуном вокруг их семейной ячейки летает, ждет, когда Алексей оступится, потеряет бдительность, чтобы увести у него Надю.

— Не касается, — хмыкнув, повторил за подчиненным Архипов и скопил на мужчину глаз.

Кто-кто, а Михаил такими заморочками, как Гдальский, не страдал. Обращался к своим подчиненным на ты и не требовал к себе обращения на вы. Все в офисе Алексея считали странным выскочкой, ведь так он обращался ко всем, так что любви он там не сыскал, хотя за профессионализм его, конечно, уважали. За это и взяли на работу в свое время.

— Мирославу Игоревну помнишь? Звонила мне вчера, слезно просилась к нам в отдел поработать.

— Мирославу Игоревну?

Мозги Алексея были словно желе, так что мысли ворочались медленно и неохотно. Силился вспомнить, кто это, но так и не сумел, качнул головой.

— Что, всё настолько дома плохо, что имя племянницы собственной жены забыл?

— Мира? — прорычал Гдальский, поворачивая голову в сторону шефа. — Она не будет у нас работать!

Архипов дураком не был, знал, в чем состояла проблема, но на любви, как на войне, все средства хороши.

— Не забывайся, Алексей Жданович, начальник всё еще я, мне и решать. Не вижу ни одной причины, по которой мы не можем взять ее к себе на полставки. Это даже не полноценная работа. Нам позарез нужны помощники, и так зашиваемся.

— Мы не можем ее взять.

— Не вижу ни одной причины против. Тем более, я созванивался с Надей, она сама за племяншку просила. Ты же знаешь, однокласснице я не могу отказать.

Архипов пожал плечами, а сам с удовольствием наблюдал за тем, как Алексей пытался придумать причину, по которой они не могли устроить к себе Миру.

Конечно же, Наде он не звонил, да и Мира ни о чем не просила, так, что-то вякала по телефону, опасаясь его характера, но он сам ей предложил место в штате.

Несмотря на то, что Надя считала его добрым малым, Архипов таким не был. Скорее уж, непрошибаемым циником и жестким мужиком. Мира было пыталась к нему подкатить, подметив и неплохую тачку, и дорогие часы, и должность, но малолетних девиц он с подросткового периода умел осаживать так, что они к нему на пушечный выстрел подходить боялись.

А вот Алексей по видимому пал жертвой чужого напора. И Михаилу это было на руку почему бы не подлить масла в огонь, наблюдая со стороны за полыхающим пожаром.

— Она беременна, смысл ее устраивать, чтобы она потом в декрет ушла?

Гдальский промолчал про желание Нади взять ребенка в семью, тем более был уверен, что уж о подобном она Архипову вряд ли сказала. И оказался прав.

— Беременна?

Сказанные Алексеем слова были ошибкой. Архипов прекрасно помнил вечер корпоратива и случившейся оказии, когда вместо своего пиджака на своем стуле обнаружил чужой, Гдальского. Так бы и плюнул, уехав домой, но вот незадача, в его пиджаке осталось

портмоне, где лежал презерватив, который он собирался использовать, когда к нему тогда с недвусмысленным намеком подкатила девушка из соседнего офиса.

Пришлось идти на поиски Гдальского, который так наклюкался, что не смог отличить свой пиджак от чужого. Прошел до его кабинета, а там наткнулся на интересное такое кино. Как его подчиненный всю имела Миру, которая, не стесняясь, стонала на весь офис.

Пока Архипов вспоминал о прошлом, Алексей, забеспокоившись из-за долгой паузы, решил подстраховаться и уточнить.

— Так что, не берем ее?

— Обязательно берем, — улыбкой чеширского кота ответил ему Архипов, в этот момент как раз вырulingая на корпоративную парковку.

Они приехали к зданию их офиса.

— Только на полную ставку, Гдальский. Ты и проследи, чтобы ее оформили чин по чину. Мы должны поддерживать демографию в стране, так что пусть работает девочка до декрета, потом и декретные подспорьем ей будут. Разве ж я могу оставить в беде племянницу подруги?

Гдальский стиснул челюсти, но больше эту тему не поднимал. Архипов мужиком был не глупым, и он побоялся, что из-за его чрезмерной упертости в этом вопросе может начать что-то подозревать, так что решил просто решить этот вопрос напрямую с Мирой позже.

Пока машина парковалась, он вышел первым, прошел к лифту, а затем взял в руки телефон. Решил позвонить Тае, узнать, как там Надя. Вот только та не брала трубку, сколько бы он ни звонил.

Как назло, оставшийся день прошел в работе, так что домой он попал уже ближе к ночи. Понадеялся, что Надя настрадалась и уже вернулась в квартиру, и они, наконец, смогут всё нормально прояснить. Но дома ее не оказалось.

Надя

Наутро после ночевки у подруги у Нади дико болела голова. В горле пересохло, а Тая предусмотрительно поставила около тумбы бутылку воды. Первый глоток был спасительным, а вкус просто божественным.

Надя привела себя в порядок и, наконец, разблокировала телефон. От Леши было тридцать семь пропущенных. На секунду стало стыдно за свое поведение, она так не напивалась со времен студенчества, в ее семейном положении такое и вовсе недопустимо. Но затем пришло запоздалое осознание и всплыли воспоминания вчерашнего дня.

Ее муж — предатель, у которого семья на стороне. Внутри засвербело, и, несмотря на полуночные убеждения Таи, что он козел, мысли Нади приняли иной оборот. Может, она всё не так поняла?

Затем вспомнила мальчишеское “папа”. Ну да, что здесь можно было понять не так?

Руки тряслись, подруга еще спала, и откладывать неизбежный разговор больше не имело смысла. По пути домой позвонила Архипову, понимая, что злоупотребляет общением с ним, но малодушно загасила чувство вины обратно.

— Надь, серьезно? Шесть утра, воскресенье.

Стон Миши был страдальческим, но голос не звучал зло, из чего она сделала вывод, что друг детства не сильно на нее сердится.

— Прости, Миш, дело не терпит отлагательств.

— Ладно, вещай, Надюш.

Надюш... Да он в великолепном настроении. В трубке послышался шум, словно он поднялся с постели, прошел на кухню и поставил чайник. Во всяком случае, раздался характерный щелчок.

— Я хотела поговорить с тобой о работе. О вакансии...

Тая все уши ей ночью прожужжала, что она была душой, что уволилась, и Надя нехотя соглашалась, хотя в глубине души ее тяготил отказ от собственной мечты в свое время, но Лешу она любила больше. Гораздо сильнее карьеры.

— Ты уже знаешь? Слушай, надеюсь, ты не против, понимаю, что племянка твоя беременна, но деньги ей не помешают, да и в офисе она уже у нас работала, другую искать проблематично.

Гдальская моргнула, расплатилась с таксистом, который как раз подъехал к подъезду ее дома, и вышла, не понимая, о чем ей говорил Миша.

— Мира? Работа? — забормотала, на секунду отвлекаясь от собственного сумбура в душе.

— Побудет секретаршей твоего мужа, ей не привыкать.

Наде показалось, словно друг усмехнулся, но ей было не до того. Она встала посреди лестничного пролета, последнего перед их этажом.

— А... Я не знала...

— Муж не сказал? — деланно удивился друг, а вот Наде стало неприятно.

Одно навалилось на другое, и сердце еще больше закровоточило. Словно ее предавали снова и снова.

— Н-нет, нет, я просто... забыла.

Перед Мишей не хотелось демонстрировать разлад, но это было глупо, все и так вскоре узнают, когда она подаст на развод. Она держалась из последних сил, хваталась за резавшее болью горло и тихо ревела, не издавая ни всхлипа, ни рева.

— Голос у тебя странный, ты что, плакала?

Миша всегда был проницательным, чувствовал ее настроение лучше, чем она сама, и Надя так отвыкла от подобной внимательности, что от переизбытка эмоций просто села там, где стояла, прямо на лестничные ступеньки, отдававшие ледяным холодом. Мелькнула мысль, что это вредно для яичников и потенциальной возможности забеременеть, но махнула рукой. Даже здоровой, сделать она этого не могла, так стоило ли так беспокоиться? Особенно теперь, когда ей вонзили нож в спину.

Тая была права. Неспроста у Леша случались отлучки, задержки в офисе, ночевки в чужом месте. Неужели он был у другой женщины? Той, что родила ему ребенка, которого она, Надя, не смогла ему родить.

Миша прокашлялся, напоминая о себе, и Гдальская опомнилась, сдерживая всхлип.

— Упала, колени ободрала.

Надя не знала, почему сказала именно это, вдруг почему-то вспомнилась именно эта ситуация, когда она на первом курсе скатилась с крыльца, а Миша потом нес ее до общежития на руках. Помнила то чувство неловкости, которое не отпускало еще несколько дней, и бабочки, летавшие в животе. Впрочем, они быстро исчезли, когда Миша в очередной раз появился с новой девчонкой в универе, и она выбросила глупые мысли из головы, сосредоточившись на учебе.

— Замуж вышла, а осталась такой же неуклюжей, Надюш.

— Да.

Временно нажала пальцем на значок отключения микрофона и всхлипнула, закрывая рот ладонью. Опустила голову, слушая голос Миши и не слыша при этом, о чем именно он говорил.

— Так что ты хотела сказать, Надь?

Гдальская глубоко задышала и стерла ладонью слезы, включила обратно микрофон и насилу улыбнулась, думая, что голос так будет звучать веселее.

— Да нет-нет, ничего. Я тебе перезвоню.

Сбросила звонок, услышав шум сверху. Кажется, Леша вышел раньше, чем обычно. Замерла мышкой, надеясь, что он не решит спускаться по лестнице, и выдохнула, когда раздался звук закрытия дверей лифта. Подождала еще минут пять на случай, если он вернется, и прошмыгнула в квартиру. А там Надю ожидал погром и заплаканная Мира.

Племянница сидела напротив двери, у стены, и бездумным взглядом смотрела вперед. Глянула на Надю как-то равнодушно и потерянно. никак не отреагировала ни на ее появление, ни на отсутствие всю ночь.

— Что произошло, Мир? Это Леша всё устроил?

Гдальская кинулась к племяннице, ощущая, как внутри всё ноет, но уже приглушенно. На первое место встали Мира и ребенок в ее утробе. Вот о чем она не думала ночью, и сейчас за это ее охватил стыд. Она ведь уже пообещала ей, что они с Лешей заберут ребенка, а теперь всё пошло прахом. Прошло всего несколько секунд, как Надя приняла волевое решение. Они с Мирой справятся сами, без Леша.

— Да, это всё он.

Глухой голос племянницы прошелся ножом по Надиному сердцу, которое наполнилось

гневом по отношению к мужу, который отыгрался на ее племяннице за собственную гнусность, которую больше не удастся скрывать.

Она кинулась к Мире и прижала к себе, словно за заботой скрывала собственные тревоги. Надя внезапно осознала, что у нее ничего нет. Квартира оформлена на Лешу, накоплений она не делала, а все свои, собранные до брака, истратила на врачей. Всё, что у нее было — только она сама.

Обвела взглядом квартиру, которую обставляла с такой любовью, и по венам потекла лава от осознания того, что теперь здесь будут жить любовница Леша и их сын.

— Нам надо будет съехать, Мир.

— Куда? — тут же насторожилась племянница, но мысли Нади утекли уже в другое русло, и она не ответила.

Достала телефон и решила написать другу, пока не передумала.

“Помнишь, ты говорил, что мое прошлое место вроде как освободилось? Никого не взяли еще?”

Отправила Мише сообщение, не в силах говорить с ним сейчас по телефону. От него сразу же раздался звонок, но Надя сбросила. Была не в состоянии, ее всю колотило.

“Не могу говорить.”

“У тебя что-то определенно случилось. Приставать не буду с расспросами, но ты меня знаешь. В общем, со следующей недели выходи. Еще какая помощь нужна?”

Да, Миша очень хорошо ее знал, и она его тоже. Может, это было опрометчивое решение с ее стороны? Разве сможет она работать с Лешей в одном здании, смотреть на него после предательства?

А у тебя есть выбор, Надя? Шепнуло подсознание, и Гдальская затолкала все страхи глубоко внутрь. Раньше ей казалось, что если Леша ей изменит, она умрет сразу же на месте, но этого не произошло. Да, было больно, но ее держала на плаву мысль о ребенке, о сестре, лежавшей по-прежнему в коме, теперь Наде придется оплачивать ее пребывание в больнице самой, из собственных средств, которых у нее не было.

“Спасибо тебе, Миш”.

Отправила последнее сообщение другу и на ватных ногах пошла в ванную. Нужно было остудить горящее и опухшее после слез лицо. Отключила телефон и после легла на диван, не в силах даже смотреть на супружескую кровать. Ей бы начать собирать вещи, объясняться с Мирой, но голова продолжала болеть, а силы покинули ее еще вчера, так что всё, на что Надя сейчас была способна — лежать и смотреть вникуда. Будто не человек вовсе, а робот. Сломанный, опустошенный.

Надя не заметила, как уснула. Возможно, сказался стресс, разочарование, усталость. Глаза открыла резко, словно ощутив на себе чужой взгляд.

В комнате было темно, несмотря на незакрытые шторы. Видимо, проспала до самого вечера. Напротив обозначился силуэт, сидевший около дивана на корточках.

— Леша, — по привычке мягко протянула, а затем прикусила губу. Прокашлялась и поправила себя. — Алексей.

— Сердишься?

Это самый глупый вопрос, который он мог ей задать. Надя поджала губы, ощущая, как натянулась кожа, приняла вертикальное положение и протерла ладонями лицо, сгоняя с него сонливость.

— А сам как думаешь?

У нее не было сил ругаться или выяснять отношения. Внутри царила тягостная пустота, которую ей не хотелось ничем заполнять.

— Согласен, глупый вопрос с моей стороны. Конечно, злишься.

В иной раз Гдальская бы обратила внимание на его усталый тон, но сейчас лишь отвела взгляд в сторону коридора, из которого в зал просачивался яркий свет.

— Мне, наверное, вещи надо начать собирать.

Когда сохранять молчание стало невозможно, Надя поднялась и стала вдруг суетиться, осматриваясь по сторонам и пытаясь понять, что ей нужно забрать с собой.

— Зачем? — сразу же насторожился мужчина и встал следом.

— Съезжать, — Надя пожала плечами и, двинув плечами, словно сбрасывая тяжелый груз, двинулась в сторону коридора.

Не сразу поняла, что находится не в спальне, где хранятся все ее вещи и пожитки.

— Даже ничего не спросишь, Надь? — вопрос Алексея ударил ей в спину тысячей игл, заставляя притормозить на полпути и застыть от оцепенения.

Надя промолчала, но с места не двинулась, продолжая стоять к мужу напряженной спиной. Вся она была натянутой струной, готовой в любой момент порваться от натяжения.

— Как обычно, прячешь голову в песок?

Ей не верилось, что она и правда услышала в его голосе презрительные нотки, которых раньше никогда не замечала, ведь он не позволял себе подобного тона. Не с ней.

— Что ты сказал?

Гдальская ругаться не умела и не любила. Ненавидела всегда себя за дрожащий голос и готовые сорваться слезы. Сейчас ей было грустно, но плакала она всегда в начале любых скандалов, даже когда, казалось, и не хотела. Непроизвольная реакция, которую она не могла контролировать. Это дело ее слабачкой в глазах оппонентов, так что единственный способ сохранить лицо для нее — не вступать в конфликты.

Но не в этот раз.

— Ты всегда избегала трудностей, Надь. Даже дома осела и на меня все важные дела спихнула, чтобы не иметь проблем с внешним миром. Да что говорить, ты даже сейчас не хочешь поговорить и прояснить ситуацию. Сразу бежишь на развод подавать.

Надя сглотнула ком, вставший от обиды поперек горла.

— Ты сам попросил меня уволиться с работы...

— Вот только не надо этого жалостливого тона. Я предложил, не спорю, но ты побежала увольняться с радостью, разве я не прав? — практически прорычал, злобно стискивая кулаки.

— Ты меня обвиняешь? Мы же хотели ребенка! — крикнула, а по щекам уже катились горькие слезы.

Надя тяжело дышала, но смотрела на мужа во все глаза, пытаюсь понять, как такое могло произойти именно с ними.

— Ты хотела, Надь, ты, — мужское признание улетело в тишину, было полно горечи и разочарования, но больше всего боли причинили именно женщине.

Она дернулась, словно ей дали хлесткую пощечину, но устояла на ногах. Потерянным взглядом прошлась по любимому мужнину лицу, не узнавая в нем того Лешу, в которого когда-то влюбилась.

— Да, ты прав, я хотела, — потерянно прошептала и опустила голову, чувствуя, как стало мокро от обилия слез лицо. — Не ты. У тебя ведь уже был ребенок. Сын, верно? Поздравляю, Леш, правда. Не придется теперь оправдываться перед друзьями и матерью за ущербную жену.

Гдальская всхлипнула, а затем прикрыла ладонью рот, не желая больше показывать мужчине слабость, но было поздно.

Он сделал шаг вперед, но Надя, заметив это, отошла, так что Алексею пришлось остановиться и поднять руки.

— Надь, прости, я не с того начал, — нервно взъерошил волосы. — Я... Я тебе не изменял с Мариной.

— Мне не интересно, — отсекала Надя его оправдания, а сама горько усмехнулась. — Ваш сын — лучшее всему доказательство.

Подняла голову и посмотрела в мужские бесстыжие глаза.

— Он ведь твой сын, Леша?

Ненавидела себя за надежду, что неправильно всё поняла, но всё равно в глубине души знала, что тешит себя иллюзией. Она ведь и сама видела ребенка, это вылитая копия ее мужа, даже ДНК-тест не нужен, чтобы это понять. А уж когда свекровь узнает про мальчика, будет на седьмом небе. Отдаст ему ту любовь, которую Надя хотела увидеть в отношении своего малыша. Ту любовь, которая никогда не достанется ребенку Миры, которого они с мужем хотели усыновить. Надя проиграла в игре, правила которой были определены заранее, и не ей.

— Он мой, Надь, сто процентов мой, — качнул головой Гдальский, видя жену насквозь. У него и самого кровоточило сердце, когда он видел ее такой сломленной. — Но я о нем не знал до прошлого месяца, Надь. Карина, его мать, моя бывшая, я встречался с ней до тебя. Ребенок родился пятого марта, ты сама посчитай, мы ведь встречаться с тобой начали в сентябре, то есть зачат он был в июне, когда мы с тобой даже знакомы не были. Мальш, не накручивай себя, давай спокойно поговорим.

Мужчина снова сделал шаг в ее сторону, а она уже по привычке дернулась, начиная подсчитывать в уме даты. Пульс у нее участился, отдаваясь стуком и гулом в ушах, мозги работали неохотно, но с цифрами она управиться могла.

Леша ей не изменял?

— Надь, если бы я знал... — потерянно произнес он, а вот Гдальская вдруг с горечью осознала, что и этому ребенку муж не рад.

Спазм, который охватил ее внутренности, ослабил хватку, и ей стало будто легче дышать. Она ведь всё это время думала, что муж жил на две семьи, работал на два фронта и водил ее за нос, а тут получается, что он и сам про ребенка не знал. Она внимательно вглядывалась в его лицо, но лжи в этом вопросе не видела.

— Я аборт сделала в феврале... — вдруг прошептала, вспомнив забытый факт из собственной биографии.

Прошлое будто ожило, преследуя их спустя столько лет, но она всегда знала, что от грехов ей никогда не отмыться.

— Прости меня, Надюш, — скользнул к ней Леша и схватил за плечи, вынуждая посмотреть на себя. — Мы ведь договорились, что это я во всем виноват, не ты. Пожалуйста, не вспоминай больше об этом. У нас... Давай попробуем снова, ты родишь нам долгожданного малыша. И мы будем любить его. Найдем лучших врачей и...

— Хватит, Леш, хватит.

Надя резко качнула головой, надеясь, что он замолчит и перестанет беречь ее раны. Ей было так плохо, что не передать словами, но она, как обычно, постаралась взять себя в руки.

— Когда ты узнал про мальчика...

— Диму, — поправил, затем пояснил, — его зовут Дима.

Наде в сердце будто ударили копьём. Она больше не испытывала чувство отчаяния, но ощущение, будто ее где-то предали, не покидало. Над ним она была не властна.

— Когда ты узнал про Диму, почему сразу мне не сказал? — посмотрела на мужа откровенно и вопрошительно.

Еще до того, как он ответил, она уже знала, что скажет.

— Не хотел, чтобы ты расстраивалась, Надь. Ты ведь так одержима ребенком, что я решил, тебя это сильно расстроит.

— Это ведь не разовая покупка, Леш, думаешь, сейчас я не расстроена? — прошептала, чувствуя в голосе надрыв, а в горле боль.

— Прости, я думал, что подготовлю тебя постепенно. Надеялся, что ты забеременеешь и не так остро воспримешь факт наличия Димы. Надь, ты не бойся, я виделся с ним в первый и последний раз, просто хотел увидеть. Нашей семье он мешать не будет, я просто буду платить алименты и всё.

Гдальский говорил уверенно, словно давно всё взвесил и принял это решение, а Надя вот была поражена его словами. Ее будто обухом по голове ударили. И она расплакалась, прижимаясь всем телом к мужу. На душе вдруг потеплело, ведь после печали появилась надежда. Леша ее не предавал, даже любит настолько сильно и не хочет причинять боли, что ради нее готов не общаться со своим ребенком.

Какая-то червоточина тлела у нее в мыслях, но она откидывала мысли о ней от себя подальше. Главное, что муж ее любит сильнее всех.

— Нет, Леш, так не пойдет. Это ведь твой сын.

Пусть Наде давались эти слова с трудом, но она не была настолько мелочной, чтобы злиться на ребенка, который не виноват в том, что его отцом являлся ее, Надин, муж.

— Я уже вижу, о чем ты думаешь Надя. Сразу говорю, нет.

Гдальский поджал губы и отрицательно качнул головой. Он всегда поражался сердобольности жены, но на этот раз уступать не планировал. Ей и без того было тяжело из-за невозможности забеременеть, так что наличие у него ребенка всё усложняло лишь еще

сильнее.

— Ты виноват передо мной, Леш, — начала жена издалека, глядя его по груди и хитровато поблескивая глазами. — Я всё еще обижена за твое вранье, и что ты там сказал про меня? Я страус?

Услышав это, Алексей пожалел, что вообще открыл свой поганый рот. Лучше бы просто встал на колени и извинялся бы, пока жена не простила бы.

— И что ты предлагаешь? — выдохнул, смиряясь. Ему казалось, что он совершил сейчас большую ошибку, но выбора у него не было.

— Дима — твой сын. Я не прошу себе, если из-за меня он будет расти без отца.

На секунду Гдальскому показалось, что жена совсем выжила из ума и откажется от него, подарит Карине и Диме, но этого не произошло.

— Стань для него хотя бы воскресным папой, Леш, не хочу брать на душу новый грех. Он ведь ребенок. Нашему могло бы исполниться столько же лет. Они почти... ровесники.

Надя зажмурилась, пытаясь справиться с наплывом эмоций, и мужчина всё понял. Она ассоциирует Диму с их ребенком, которому не было суждено родиться. Может, так для ее психики лучше, но Гдальский чувствовал огромный пласт вины на себе, и это с ним останется на всю жизнь.

— Хочешь, чтобы он к нам приходил? — тихо спросил, но прозвучало весьма громко.

— Нет! — Надя выдохнула, вытаращив на него глаза. — Я... Давай не сразу, Леш, я... Я пока не готова, мне надо переварить всё, а потом...

Гдальский выдохнул с облегчением, поняв, что жена его всё же обычный человек, и всякие эмоции ей не чужды.

— В понедельник у него выпуск с детского сада. Карина просила придти, но я не хотел, — пошел жене на встречу, хотя понимал, что в глубине души мальчик оставил след в его мыслях. Продолжение его рода, как никак.

— Вот и отлично, сходи, — Надя улыбнулась через силу и погладила его по шее.

В этот момент раздался скрип двери. На пороге появилась Мира, чье выражение лица было разочарованным, по щекам ее катились слезы.

— Ты и правда отдашь его им, тетя Надя?

Гдальский стиснул челюсти, ведь совершенно забыл о главной проблеме в их жизни. Мира. Вчера, когда он не застал дома Надю, наткнулся на нее. Весь вечер заливал в себя алкоголь и сам не заметил, как разболтал ей всё. Не ожидал, что эта девчонка устроит скандал, будто именно она — законная жена, которая имеет право на ревность. Глупая баба.

— Мира? — Надя даже как-то растерялась от напора племянницы.

— Ты разве не понимаешь, что Карина отберет его, она только этого и хочет, а как же наш малыш? Ему что, не достанется отцовской любви?! О нем ты не подумала?!

У девчонки намечалась настоящая истерика. Она будто стала забываться, хорошо еще, что Надя была в аффекте и не расчленяла все ее фразы на составляющие.

— Надь, накрой пока на стол. У Миры гормоны шалют, она просто за своего ребенка беспокоится, что мы его не усыновим.

Отправил жену на кухню, а сам схватил полоумную девчонку за локоть и отвел ее в комнату.

— Либо ты возьмешь себя в руки и успокоишься, прекратишь истерику, либо покатишься отсюда бочкой в свою конуру, поняла?

— Не боишься, что тетя Наде всё расскажу? Чьего ребенка на самом деле жду?

— Считаешь, теперь она тебе поверит? — Гдальский насмешливо поднял бровь. — У меня объявился сын на стороне, но даже он не смог разлучить нас с женой. А ты сейчас если рот откроешь, я буду всё отрицать и скажу, что у тебя крыша поехала на фоне страха за ребенка. Как ты думаешь, кому теперь Надя поверит, м?

Мира замолчала, во все глаза на него уставилась. Там тлел страх, обоснованный причем, ведь Алексей был прав, и они оба это понимали. Если раньше он боялся, что правда вскроется, то теперь у него был козырь. Мира сама только что показала Наде, как боится, что ее ребенка не примут. Сделала оплошность.

— Значит, так, ты ведь деньги любишь. Как только ребенок родится, я плачу тебе миллион, и ты сваливаешь, отказываешься от родительских прав, а мы с Надей его усыновим, воспитаем, как своего.

Глаза Гдальского насмешливо блеснули. Он расправил плечи, чувствуя себя хозяином положения.

— Архипов тебе работу предложил, так уж и быть, считай это бонусом, можешь пока поработать, потом мы переведем тебя в филиал в твоём городишке, так что после родов у тебя будет стабильный доход, не пропадешь. Но в нашей с Надей жизни больше не появишься, поняла?

Мира медленно кивнула, чувствуя себя не в своей тарелке. Таким Лешу она никогда не видела, и сейчас ей по-настоящему стало страшно. Он оказался беспринципным гадом, когда она считала его ведомым дурачком.

— А теперь идем ужинать. Моему сыну нужно хорошо питаться.

Слово “сын” он произнес как-то по-издевательски, и когда он стал удаляться, Мира обхватила живот в защитном жесте, начиная ощущать к этому комку внутри материнские чувства.

Надя долго переваривала сказанное мужем. Но первое, что ее посетило — это облегчение. Он ей не изменял, и осколки сердца стали склеиваться обратно, заставляя то биться ровнее и не болеть так сильно, как весь этот тяжелый день.

У Леша есть сын. Уже как несколько лет. Большой, лет пяти-шести.

Надя прокручивала эту мысль в голове несколько раз на разный лад, но легче от этого не становилось.

Ощущение собственной ущербности лишь усилилось, и пока она готовила ужин на стол, бросала взгляды на собственный живот, который так и не принес плодов.

Бесплодная. Ей стоит смириться с этим.

Она сделала несколько вдохов и выдохов, а затем крикнула бодрим голосом.

— Ужинать! Всем за стол!

Тая всегда говорила, что Надя стала зачуханной клушей, которая и знает, что гладить мужнины рубашки и готовить ему деликатесы, но Гдальская не соглашалась с этим. Подготовка была единственным способом для нее забыться и не думать о проблемах. Так она отвлекалась и успокаивала себя.

Леша вошел в кухню первым, потянулся было к ней, чтобы поцеловать, но в последний момент остановил себя, видя, что жене не по себе, что бы она сказала ему в зале и как бы ни пыталась храбриться. И в этом был виноват он, ее муж.

— Надь, давай я у Архипова попрошу отпуск, слетаем на острова, проветримся?

Предложение мужа удивило Надю, ведь раньше это она была инициатором поездок, но муж часто отмахивался, настроенный делать карьеру и не желая покидать компанию в период ответственных и судьбоносных сделок. Неужели он настолько сильно боится потерять ее, что готов пожертвовать работой? Наде было лестно, в иной раз она бы согласилась, но принятое на эмоциях решение неожиданно нашло отклик в ее душе и сейчас, так что отступить она была не намерена.

— В ближайшие полгода не получится, Леш.

— Полгода? — нахмурился мужчина и присел рядом с женой на стул. — А что случится через полгода?

— Я смогу взять первый отпуск по трудовому законодательству.

Надя силилась улыбнуться, но получалось у нее откровенно плохо. Сил на это совершенно не было, в животе заурчало, и она, чтобы не нервничать из-за требовательного взгляда мужа, уткнулась в тарелку, жадно поглощая макароны с фаршем.

— Ты собираешься выйти на работу? Когда ты успела пройти собеседования? Мы же договаривались с тобой, что я зарабатываю, а ты занимаешься домом.

— Семей, Леш, семей, — поправила мужа Надя, не смогла удержаться.

— То есть теперь ты нас семей не считаешь?

Глухое раздражение в груди Гдальского стало подниматься к горлу, вызывая легкую тошноту, но он пытался не давить на жену, сетуя на то, что чувство вины связывало его по рукам и ногам.

— Когда я увольнялась, думала, забеременею, у нас появится ребенок, но всё, чем я занята сейчас, это быт, ты был прав, Леш, я себя потеряла и стала типичной домохозяйкой с сальным халатом и дулькой на голове. А влюбился ведь ты в самодостаточную девушку, у

которой были цели в жизни и работа.

Как бы она ни пыталась прикрыть свою боль, Надя не смогла этого сделать. Даже сама слышала горечь в собственном голосе.

— Я не то имел в виду, Надь, — застонал Гдальский и накрыл рукой лежавшую на столе ладонь жены, сжал ее пальцы и вздохнул. — Не обращай внимания, я просто был зол, но не на тебя, на себя, ведь это я предал тебя, всё это моя вина.

— Хватит, Леш, мы уже обсудили это, ты ведь мне не изменял, — Надя смотрела на его руки и не заметила, как поспешно в этот момент отвел глаза ее муж и продолжила: — И я не обижаюсь на тебя за правду, все мы в порыве чувств говорим то, что нас тяготит в душе. Будет лучше, если я начну привносить в семью равнозначный вклад. Да и Тая считает, что мне нужно свое горе сублимировать в работу.

— Тая, — зловеще процедил сквозь зубы Гдальский, догадавшись, откуда дует ветер нежеланных перемен, но жена договорить ему не дала.

— Леш, я хочу работать, — подняла взгляд к его лицу и произнесла твердо. Никогда еще не была настолько уверена в своем решении, как сейчас.

Не стала признаваться мужу, что на это ее частично сподвигло увиденное в тц, не только его слова. Карина, та бывшая, которая родила ему долгожданного сына, была полной ее противоположностью. В деловом костюме, уверенная в себе, дерзкая, она явно не бросала работу и сумела преуспеть даже в материнстве. На ее фоне Надя ощущала себя еще большим ничтожеством, ведь она к своим тридцати годам ничего не добилась — не родила, не построила карьеру. И если вчера устроиться на работу ее толкнула нужда, ведь она считала, что ее ждет развод, то сегодня не передумала из-за страха стать никем. Особенно в глазах Леша.

— В общем, выхожу с понедельника на прежнюю должность, будем, как и раньше работать, правда, повезло, что именно сейчас она освободилась?

Гдальский поджал губы, еле сдерживал ругательства, но переубеждать жену, что никакое это не совпадение, не стал. Знал, это бесполезно. Всё, что касалось Михаила Архипова, не подлежало сомнению в ее голове. И это дико злило, ведь повлиять на его решение взять Надю в штат, он не мог. Начальство, как никак, да еще и имеющее виды на его, Алексея, жену!

— Повезло, — процедил Гдальский и проткнул вилкой макаронину в тарелку.

Еще неделю назад он бы с легкостью уговорил Надю остаться дома, не нагружать себя работой, а сейчас он находился в шатком положении, ведь в доме только-только всё устаканилось. Вот только Алексей не обманывался. Надя всегда хранила обиды глубоко в душе и долго переваривала информацию. Так что ее слова, что она всё понимает насчет сына Димы и Карины, не убедили Гдальского в том, что всё будет хорошо.

Глава 16

Надя смотрела на свой гардероб и с прискорбием понимала, что за эти годы все ее вещи безбожно устарели. То, что она прикупила с Таей, не подходило для офиса, но идти в сером костюме, в котором виднелось отчетливое пятно из-под пиццы, она посчитала более приемлемым.

Хотелось выглядеть хорошо, если не великолепно, так что пришлось надеть блузку, которая была ей большевата, и длинную юбку ниже колен. Надя с удивлением поняла, что похудела за эти годы.

— Надь, ты всё? — раздраженно спросил из коридора полностью готовый Леша.

— Да, — крикнула она и, еще раз глянув на себя в зеркало, потопала на выход.

И остановилась, как только увидела наряд Миры, крутившейся около коридорного зеркала.

— Ты пойдешь на работу в этом?

Брови Нади уехали высоко вверх. Розовое облегающее платье выше колен, с большим и откровенным вырезом совсем не располагал к рабочему процессу. Мира повернулась к тете и вздернула бровь, окидывая ее пуританский наряд.

— Теть Надь, это я у тебя скорее должна спрашивать.

Племянница фыркнула, а вот Надя обратила внимание на хмурый взгляд мужа, который смотрел на нее так, будто и сам задавался подобным вопросом.

— У меня офисная одежда, по мне сразу видно, что я сотрудник уважаемой компании.

— Дурнушка Бетти? — хмыкнула Мира и сложила на груди руки, привлекая еще большее внимание к своим буферам.

— У тебя нет ничего другого, Надь? — наконец, отмер Гдальский, поднял взгляд на жену.

Надя стусевалась, чувствуя себя замарашкой, особенно на фоне более молодой и раскрепощенной племянницы, и снова посмотрела на свой образ. Будь она уверена в нем, отстояла бы позицию, но по правде говоря, в этой одежде она реально ощущала себя некрасивой старой девой.

— Я не работала пять лет, — Надя пожала плечами, оправдываясь. — У меня из новинок только то, что на выходных купила, но там одежда не для офиса.

— Надевай новое, Надь, — сразу же произнес Алексей, поглядывая на наручный часы, — и сразу выдвигаемся, мы опаздываем. Ты, Мира, лучше такси возьми, мне за опоздание ничего не будет, а ты на испытательном.

— Ничего страшного, я лучше с вами, дядь Леш, — промурлыкала девица, а вот Надя вздохнула и развернулась обратно в сторону спальни.

— Пусть с нами едет, Леш, в таком виде не дай бог какой таксист над ней надругается. Ты бы тоже лучше переделась за это время, Мир, твой вид совсем не подходит для офиса, — Надя схватилась рукой за косяк и обернулась, неодобрительно глядя на родственницу, которая в этот момент надевала туфли на шпильке.

Мира закатила глаза и цокнула, неопределенно маша рукой.

— Я же на ресепшн буду сидеть, теть, Надь, я наоборот должна привлекать внимание клиентов, чтобы они захотели вернуться и купить услуги компании.

— Знаю я, что они предпочли бы купить, — буркнул себе под нос Гдальский, но его

никто не услышал.

Мира наклонилась, пытаясь вдеть свою ногу в туфлю, и аппетитно выгнулась, надеясь показать себя Леше во всей красе, но его голова была забита проблемами, так что ему было не до нее. Напряжение так и не покинуло его лицо до тех пор, пока в коридоре снова не появилась жена. От ее облика у него отвалилась челюсть. И не только у него. Даже Мира зависла на несколько секунд, не сразу сообразив, что ей нужно подняться, чтобы тетка не заподозрила ее в ни в чем. Но Наде не заметила, так как была слишком сильно поглощена своим внешним видом. Ей казалось, что облегающее голубое платье ниже колен и с V-образным вырезом совсем не подходит для офиса, так как подчеркивало все ее выпуклые формы, что она считала недопустимым.

— Хм, — тяжело и громко сглотнул Алексей, у него даже дернулся кадык, ведь такой жену он не видел уже несколько лет.

Мира кинула не него быстрый взгляд, и всё внутри нее похолодело.

— Прошлый наряд для офиса подходил лучше, тетя Надь, — запела она, ревностно желая прикрыть свою тетку от взгляда ее законного мужа.

— Мы опаздываем, идемте, — недовольно глянул на Миру Алексей и снова посмотрел на часы, чувствуя напряжение, ведь сегодня к десяти намечалось совещание, к которому ему еще предстояло подготовиться.

Плечи Нади опустились от разочарования, она ожидала услышать от мужа какой-никакой комплимент, ведь изначально покупала наряды, чтобы покрасоваться перед ним, оттого и не заметила, каким довольным блеском засияли глаза Миры. Пока Гдальский быстро спустился по лестнице, крикнув, что ждет их в машине, Мира осталась ждать, пока Надя наденет туфли.

— Тетя Надь, ты бы в следующий раз меня с собой на шопинг взяла, а не свою подружку, — девчонка сморщилась и окинула наряд тетки с пренебрежением, чтобы та это заметила. — Тебе этот цвет совсем не к лицу, прям бледная моль. Женщина должна одеваться ярко, платья цвета фуксии, или желтый там, а в офис так лучше серые или черные оттенки.

— Серые? — с недоумением спросила Надя у Миры после того, как надела аккуратные серебристые туфельки и выпрямилась. — На тебе же самой розовый наряд, мне кажется, мой тоже подойдет.

— Не сравнивай, тетя Надь, — племянница схватила Надю под локоть, они закрыли двери и вместе направились к лифту. — Я лицо компании, понимаешь? А ты тыл.

— И в чем разница?

Гдальская плохо разбиралась в женских кознях, поэтому воспринимала слова племянницы за чистую монету.

— Ц, — Мира вздохнула и задрала глаза к потолку лифтовой кабинки. — Я же уже говорила, при виде меня клиенты должны пускать слюни, а при виде тебя, раз ты тыл, они должны понимать, что ты, как бы помягче сказать... Обычный офисный планктон.

— Не думаю, что это значит, что мне надо выглядеть замухрышкой, — возразила Надя, наблюдая, как на табло меняются цифры этажей.

— Ну вот смотри. При виде меня ты бы доверилась мне, как юристу там? Ну, чтобы я тебя в суде защищала?

Вопрос Миры поставил Надю в затруднительное положение, так как обидеть племянницу она не хотела, но и правду сказать тоже не могла.

— Ой, тетя Надя, мы обе знаем, что я не вундеркинд, даже не середнячок, — девушка отмахнулась и поправила внушительное декольте.

— Зато ты красивая, — пискнула Надя, всё еще неодобрительно поглядывая на голые колени племянницы.

— Вот именно! — подняла вверх указательный палец Мира и улыбнулась. — Это моя сильная сторона, поэтому мне ее и надо подчеркивать, чтобы устроить свою жизнь.

Гдальская поджала губы, уже не первый раз слыша в голосе родственницы эту нотку. Ей не нравилось, что Мира хотела найти себе богача, ведь самой Наде казалось, что самое главное в жизни — это любовь.

— А ты у нас умная, тетя Надя, тебе надо подчеркивать ум, так что давай сегодня после работы прошвырнемся по магазинам и причепуришь тебя, ок?

Предложение племянницы Гдальской очень понравилось. Так они и сблизятся с ней, и поговорят по душам, и заодно Наде гардероб подберут правильный. Три зайца одним выстрелом.

— Вот и отлично, — засияла Мира, а сама тщательно скрывала довольный блеск в глазах. Она до сих пор удивлялась, как тетка не увидела ее интерес к своему мужу, но Мира это было на руку. Отпрыск на стороне у Леша — это проблема, но судя по его настрою, он не сильно горит желанием общаться с сыном. С одной стороны, ее это удручало, ведь она сама была от него беременна. С другой же, утешало, ведь когда она заставит Лешу увидеть ее во всей красе и наконец раскрыть глаза, полюбить ее, Мира не составит труда отвадить не только его бывшую любовницу с приплодом, но и Надю. Нужно лишь, чтобы он понял, что за женщина является его женой. Мира знала, как мужчинам важно мнение друзей насчет их выбора, так что на ближайшее время она поставила себе цель сделать так, чтобы все его друзья хвалили ее и снисходительно смотрели на Надю.

До работы они доехали молча. А вот возле здания их встречал сам Михаил Архипов. И от Мира не укрылось, каким взглядом он посмотрел на Надю. Девчонка стиснула челюсти, не понимая, что в ней находили мужики. И даже не знала, что ее бесило больше. Подобное внимание к невзрачной тетке, или то, что та даже не замечала этого и не пользовалась. Вот будь на ее месте она, Мира...

— Сделай лицо попроще, деточка, — холодно улыбнулся и прошептал ей на ухо Архипов, как только Гдальские отошли на несколько шагов вперед.

— Не понимаю, о чем вы, — Мира гордо задрала подбородок, но при этом прищурилась. Этот мужик будто видел ее насквозь.

— Ты же понимаешь, что назад я тебя взял не за твои красивые глазки.

От его жесткого голоса у девушки прошелся мороз по коже.

— И?

— После совещания зайдешь ко мне в кабинет, я введу тебя в курс дела.

На этой ноте Архипов ускорился и быстро поравнялся с Надей, даже взял ее под локоток и стал что-то рассказывать. Мира прикусила нижнюю губу и задумалась, не решил ли часом Михаил увести жену у Гдальского.

По женским губам скользнула змеиная улыбка. Что ж, если так, то она будет рада видеть своим союзником такого, как Архипов. Главное, получить как можно больше дивидендов.

Сразу после проведенного совещания, как и было приказано, Мира зашла в кабинет Архипова. Тот восседал за своим директорским столом так гармонично, что у девчонки всё

сжалось в груди от ядовитой смеси из эмоций. Вот это экземпляр настоящего мужика, который знает чего хочет и всегда берет свое. В отличие от Гдальского, в нем виделась мужская харизма, которая пробуждала в ней нечто дикое. Она даже ощутила трепет, пробравшийся в самое нутро. Как только Мира вошла, сразу же закрыла дверь, в глубине души надеясь, что позвал он ее вовсе не для того, чтобы она помогла ему с работой. Про Надю она и вовсе гнала мысли куда подальше.

— Михаил Львович, вызывали? — выдохнула как можно соблазнительнее и гортаннее, принимая позу, которая демонстрировала ее в более выгодном свете. Встала красиво, как ей показалось, но когда мужчина поднял взгляд, совсем не оценил ее стараний. Только недовольно, как обычно, сжал губы в плотную полоску. Иногда она сомневалась, мужик ли он из плоти и крови.

— Сядь, — строго отчеканил командным тоном почти сразу Архипов и демонстративно кивнул на стул напротив, — и прекращай свои бесполезные пикап-ужимки. Оставь их для Гдальского, со мной этот номер не пройдет. Мы уже проходили это, и не раз. Напомнить, что случилось в прошлый раз?

Мира стиснула ладони в кулаки и промолчала, опасаясь, что если не сдержится и ответит ему в привычной манере, с которой привыкла говорить с мужчинами, то он возьмет и просто уволит ее. Она не обманывалась, что обратно ее взяли за усердное старание или за ум. Давно уяснила, что всё, что у нее в этой жизни было — это красивая внешность, и она намеревалась ее продать. Жаль, что выгорело только с Лешей. Утешало только, что она и правда была в него влюблена.

Архипов в этот момент откинулся на спинку стула и цокнул, когда Мира застыла, так и не сев на стул. Она его раздражала, и он даже не пытался это скрывать. Слишком молодая, чтобы овладеть настоящими искусными азами соблазнения, и слишком глупая, чтобы понять, что мужчину, который любит другую женщину, такими приемами не увлечь.

— И? Мне долго ждать? — произнес с раздражением, начиная думать, что зря затеял это всё.

Судя по тому, как Гдальский и сам успешно наступал на грабли, в скором времени он сам своими руками разрушит семью. Архипову лишь нужно подождать, но как же ему надоело это делать. Всю школу ему казалось, что вот-вот признается Наде в любви, но в последний момент робел. В университете ходил за ней хвостом, надеясь, что она всё поймет сама, а затем ему стало боязно разрушить то, что у них уже было — дружбу, которой он дорожил. Шли годы, Архипов заматерел, обрел уверенность в себе, стал ходить в спортзал, ведь считал, что в хлюпика, которым он был, не влюбится ни одна женщина, чего уж говорить о Наде. Вот только когда он, наконец, решился ей признаться, она вдруг заявила ему, что выходит замуж. Как гром среди ясного неба. Ножом по его израненному сердцу.

— Чего ждать? — вдруг отвлек Михаила от воспоминаний неприятный жеманный голос Миры. Мира не знала о мужских мыслях и по привычке по-коровьи захлопала ресницами и вся оцепенела.

Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали мужчины, да и вообще было непонятно, чем она вызвала гнев Архипова. Он как-то сразу сегодня не порадовал настроением.

— Садись. Я разве не ясно выразился? Соберись и слушай внимательно, если хочешь задержаться в конторе подольше.

Мира понимала, что жесткий тон, которым мужчина с ней говорил, был намеренным.

Ее удручало, что она ему не нравилась, но это было то, с чем она ничего не могла поделать.

— Я не понимаю, я сделала что-то не так? — всё же присела и развела руками, пытаюсь хоть как-то вызвать у босса не то что жалость, а хотя бы любую положительную реакцию.

— Не так? — губы Михаила скривились. — Моральный облик сотрудников не входит в зону моих интересов. Зачастую. Ты ведь порой смышенная девочка, Мира, ты же умеешь слушать и вникать, правда ведь? Понимаешь, что с улицы к нам в фирму не попасть? — намеренно говорил более благосклонно, понимая, что иногда врага стоит и умаслить. Пусть пока они с Мирой были по одну сторону баррикад, преследуя одни и те же цели, но Михаил не обманывался на ее счет ни секунды. Она та, которая унизила его женщину, и он этого никогда не забудет.

— Д-да, — промямлила в этот момент Мира, окончательно запутавшись в отношении Архипова. Он для нее по-прежнему оставался загадкой. Холодной, жесткой, но порой верткой, словно змея, готовая в любой момент откусить тебе голову. Стоит лишь зазеваться.

Мира чуть сгорбилась, сидя на стуле, вовсе не такая уверенная в себе, как была до посещения этого кабинета. Она сжала пальцы перед собой и уставилась на начальника.

— Значит, так, — Архипов сразу перешел к делу, скрепя перед собой руки и глядя на девчонку, послушно внимающую его словам. — У нас с тобой будет взаимовыгодное сотрудничество.

— Сотрудничество? — спросила, глупо, по-кукольному хлопнув глазами.

Ничего не могла с собой поделать и взять себя в руки.

— Да, выгодное обоим, если так тебе понятнее, — он поморщился и издал тяжкий вздох, — это в твоих интересах, но и в моих тоже.

Она слушала не перебивая, и он продолжил.

— Надя не работала у нас пять лет, она только вернулась к работе и будет не уверена в себе на первых порах, начнет отказываться от ответственности и серьезных дел. Так вот, вскоре у нас намечается сделка, которую я хочу поручить ей. Командировка в соседнюю область дня на три, так что зная Надю, она побоится и будет отнекиваться. И твоя задача, как ее родственницы и близкого человека, — мужчина сделал особый упор на слово “близкого”, даже скривился, словно еле выговорил, — убедить ее, что она справится, что ей по силам выполнить задачи, поставленные для этой командировки. Ну и, конечно, подготовишь все нужные документы, с этим-то ты справишься?

Мира захлопала ресницами, пытаясь вникнуть в сказанное.

— Зачем я ее уговаривать буду? — фыркнула, откинув назад волосы выверенным жестом. Что это Архипов такое мутит и при чем тут она? Нет, в глубине души она не была такой уж глупой, и смекала что тут и как, но ей не верилось, что такому мужчине, как Михаил, могла приглянуться ее тетка. Вот уж совсем не подходящая партия для такого видного Архипова.

— Ты же такая хорошая родственница, почему не помочь любимой тете влиться в рабочий процесс? Понимаешь же, что ей сложно. Давай, Мира, вникай, это и в твоих интересах.

Михаил прищурился, глядя на девчонку, и решил говорить открыто, понимая, что иногда она тормозит.

— Надя уедет, значит, ее муж будет в твоём полном распоряжении.

Слова были произнесены, удочка закинута. И он сделал верный выбор.

— Я... — Мира сглотнула, и глаза ее забегали.

Одно дело — глумиться над тупой теткой, которая не видит дальше своего носа, другое — быть уличенной собственным начальником, что влезла в семью и залетела от чужого мужа. Нет, стыдом она не была обременена, но и обсуждать подобные вещи вслух такое себе.

Постаралась дышать ровно, убеждая себя, что если бы Михаил захотел, то давно бы рассказал Наде, от кого на самом деле беременна Мира. А раз до сих пор этого не сделал, значит... Любая другая бы на ее месте кинулась просить не разглашать тайну, но Мира была не любой. Она еле сдержала улыбку, готовую растянуться на ее лице. Так даже лучше. Пусть именно Архипов станет вестником плохих новостей для ее тетки. Так Мира и сама чистенькой останется, и откроет глаза Наде на неверного мужа. И когда она его бросит, Мира будет тут как тут, готовая утешить Лешу.

Но она не знала, что Архипов хоть и хотел, чтобы Надя рассталась с недостойным ее женщиной, быть тем, кто принесет ей плохую весть, не желал. Не хотел всю жизнь после ассоциироваться у нее с неверностью мужа. Нет. С ним у нее должны быть связаны исключительно хорошие воспоминания.

— Ну ты, ты, — снова поморщился Архипов. До чего тупая. Ума хватило только позариться на чужое добро и ноги раздвинуть. Дурное дело нехитрое. Впрочем, ему это только на руку. Эту карту он разыграет как надо. Увезет с собой Надю, а Гдальский пусть разбирается с малолетней любовницей и будущим приплодом.

— Что я ей сказать должна? Вдруг она не справится. Тетка долго сидела дома, она будет долго вникать. Не проще ли взять в командировку кого-то более опытного и компетентного?

— Ты мне указывать будешь, кого мне брать с собой в командировку? — осадил ее Архипов. — Твое дело маленькое.

Если она вздумает спорить, уволит ее к чертовой матери. Слишком много эта девка на себя брала. Они обменялись взглядами, вроде бы в ее даже мелькнуло какое-никакое понимание. Выгоду оценила. Ясное дело. Это и правда в ее интересах.

Мира же отчетливо видела угрозу в глазах босса и молча бесилась про себя, опасаясь показывать свое настроение наяву. Она просто ненавидела, когда ей указывали, что делать, да еще и заставляли делать то, что она не хочет, но аргументы “за” были слишком заманчивы, чтобы так глупо отказываться от того, что само плывет в руки. Когда ей еще представится возможность заполучить Гдальского на целых три дня. И три ночи. Она не удержалась и даже облизнулась в предвкушении. Что ж, она применит все свои таланты к убеждению и во что бы то ни стало заставит Надю согласиться на командировку. И в этот момент Мира как нельзя кстати оценила наличие у Гдальского сына на стороне. Зная тетку, та не решилась бы вставить Леше и слово поперек, вздумай он запретить ей ехать, но теперь... Теперь у Миры были весомые аргументы, чтобы надавить на тетку.

Надя сияла в лучах славы, и это было настолько непривычно, что она тушевалась и скромно улыбалась. Отвыкла от чужого внимания. Перед выходом на работу она зря переживала, как ее примут в офисе. Почти все коллеги были те же, с которыми она работала раньше. Отдел бухгалтерии был довольно обширный, состоял практически из женщин старшего возраста, так что неловкость была только в одном. Вопросы про детей ее обескураживали и заставляли делать хорошую мину при плохой игре.

— Не переживай, Надь, у меня сестра десять лет не могла забеременеть, а потом раз, и сыночек. Сейчас такой здоровый лоб вымахал, и не подумаешь даже, что недоношенным родился.

— Ой, да не сравнивай, Люб, раньше времена какие были, и сейчас, сплошь химия да канцерогены. Чиститься надо, вот.

— А Ирка дело, говорит, Надь, ты прислушайся, может вам с Лешкой на Алтай махнуть? Говорят, и воздух там чище, глядишь, отдохнете и заделаете ребеночка.

Женщины сочувствовали и давали советы, желали лучшего, а мне было неловко сказать, чтобы они замолчали, не сыпали соль на рану. Благо, к обеду разговоры сменились на обсуждение нового романа технички Зои, так что я смогла спокойно выдохнуть, отвыкнув от подобных разговоров.

— Кстати, Надь, а эта твоя Мирка-вертихвостка, прости господи, что, правда с вами живет? — раздался перед самым обедом вопрос от Любви Павловной, коллеги, сидевшей напротив меня.

— Теть Люб, никакая она не вертихвостка, молодая просто, любит флиртовать, — улыбнулась, а самой внутри было неловко порой за поведение племянницы. Но я списывала ее заигрывания с мужчинами на гормоны. — А так да, пока с нами.

Тактично умолчала, что она беременна, и мы с Лешиком усыновим ребенка. Не хочу породить новые сплетни, достаточно и того, что все знают про мое бесплодие.

— Ну ты, конечно, баба рисковая, — хохотнула тетя Ира, вставая из-за стола и демонстрируя новую блузку, которая еле застегнулась на ее внушительной груди. Вся она была сдобная, как пышка, но с округлостями в нужных местах, так что мужским вниманием не была обделена, несмотря на лишний вес килограммов этак в тридцать.

— Почему? — нахмурилась и встала со всеми, собираясь, впрочем, зайти сначала за Лешей, чтобы вместе отобедать внизу, в столовой. Ничего с момента моего увольнения, казалось, не изменилось.

— Такая молодуха под боком, не боишься, что мужа-то уведет? Ты у нас девушка красивая, Надь, но уж больно правильная да скромная, а вот Мире твоей палец в рот не клади, по локоть откусит.

Я поджала губы. Было неприятно слышать такое, а уж тем более представлять.

— Мира не такая, она вообще ребенок.

Надя сама не заметила, как выпалила эти слова, отмахиваясь от опасений коллег. Вот только в ее голове пока плохо укладывались слова “ребенок” и “беременность”. Казалось, она в параллельной вселенной, откуда никак не может выбраться.

— Ну-ну, ребенок, глупая ты еще, Надь, хотя уже пять лет замужем.

— Ой, всё, Ир, прекращай нам Наденьку стращать, не все такие, как твой первый

муж, — пришла на помощь Любовь, беря Гдальскую под локоток и уводя подалее от кабинета, в сторону столовой.

Ей так и не удалось списаться с мужем, коллеги уволокли ее с собой, не слушая возражений, а затем она окунулась в мир рабочих сплетен. Будто и не было пяти лет перерыва.

Мира в этот момент вышла от Архипова и покрутила головой по сторонам. Работники спешили на обед, а она к кабинету Гдальскому, зная, что он идет кушать обычно чуть позже остальных. Остановилась около закрытой двери и, не став стучать, открыла ее и вошла внутрь сексуальной походкой тигрицы. Ей так казалось, во всяком случае. Возникло вдруг чувство дежавю. Леша сидел за столом практически в той же позе, что и Архипов, перебирал бумаги и ставил свою подпись в нужных местах. Взгляд Миры остановился на его длинных узловатых пальцах и она облизнулась, ощутив странное накатывающее волнами возбуждение. У нее так давно никого не было, а гормоны давали в голову, мешая здраво мыслить. Она прикрыла за собой дверь и хищно улыбнулась.

— Лучше бы ты нашел своим умелым пальчикам лучшее применение, Леша, — выдохнула и скользнула за его спину, разминая тугие жесткие мышцы плеч.

Гдальский дернулся и встал, оборачиваясь к девчонке, возомнившей себя умелой хищницей. Как назло, мужской взгляд остановился на вздымающейся груди, сверху вниз ему открывался великолепный вид на крепкую троечку.

— Застегни пуговицы, Мира, у нас приличный офис, а не бордель. И пошла вон из моего кабинета, еще не хватало, чтобы слухи поползли.

Алексей поправил галстук и возблагодарил богов, что по офису не пошли шепотки про него и Миру. Благо, он старался нивелировать всё их общение, рычал на нее, как на остальных, и заваливал работой, относясь, как и остальные, как к девочке на побегушках. Повезло, что любое панибратство с ее стороны воспринималось сотрудниками адекватно. Многие и вовсе думали, что она его племянница, а не Надина.

— Застегнуть? — Мира прикусила нижнюю губку и глянула на мужчину исподлобья. — Вот так?

Вместо того, чтобы последовать чужому приказу, она наоборот расстегнула блузку еще на две пуговицы, демонстрируя свое кружевное бюстье, без поролона, просвечивающее ее розовые спелые, словно вишня, соски. Гдальский шумно сглотнул. В последнее время у него чуть ли не пар из ушей валил от отсутствия секса, а эта девица всё лишь усугубляла, ходила в квартире чуть ли не голышом, соблазняла своим аппетитным телом. Алексей был не железным, у него периодически вставал, но Миру он считал отвратной беспринципной особой. Жаль, не мог выгнать ее взащей, чтобы не маячила перед глазами.

— Застегнись, дура, если кто-то войдет, то еще не так поймут всё, — прорычал мужчина, как только отмер, а затем сделал большую ошибку. Схватил ее за края блузки и попытался свести их, опасливо косясь на дверь. Понадеялся, что ленивые сотрудники ушли на обед. Дураков в это время работать не было. Кроме него.

— Воу-воу, Леша, ты хочешь прямо здесь? Нагни меня и возьми, я не против.

Руки Миры проворно схватили руки Гдальского, и его ладони вдруг оказались на ее груди, под сводами блузки. И непроизвольно сжали девичье полногрудое богатство. Отшатнулся, как только почувствовал шевеление в штанах, и глянул на девчонку с ненавистью.

— Пошла вон! — процедил тихо и указал на дверь. Встал так, чтобы между ними было его кресло. Еще не хватало, чтобы Мира увидела его бугор в штанах, тогда точно продолжил

осаду. Больше всего Гдальский боялся, что сдастся под напором спермотоксикоза.

— Ох, бедненький дядя Леша, — вместо того, чтобы задрожать от страха, девчонка покачала головой и начала застегивать блузку, к его облегчению. — Не переживай, скоро мы останемся с тобой наедине на целых три дня. Квартира будет полностью в нашем распоряжении, тебе больше не придется думать, увидит ли нас кто-то. Я буду вся твоя.

Развеселившись, Мира направилась к выходу, а вот мужчина нахмурился.

— Что ты имеешь в виду? — злобно крикнул.

Девчонка не отреагировала, и ему пришлось подскочить к ней и больно ухватить за локоть.

— Ауч. Мне больно. Любишь садо-мазо?

— Прекрати паясничать и объяснись!

— Ух, какой ты злой, ничего, скоро поподобреешь.

Мира будто не замечала, что ходит по грани, но ее переполнял восторг. Нужно надавить чуть сильнее, и Леша сдастся, упадет к ее красивым ровным ножкам, как миленький.

— А ты не знал? Скоро она едет в командировку с Михаилом Льво-о-овичем, — имя шефа произнесла с придыханием, особым образом складывая губы в моменте “о”.

Гдальский побагровел, и девчонка воспользовалась паузой и выскользнула из кабинета, никем не замеченная. А как только оказалась в коридоре, ее глаза блеснули хитрым довольством. Леша устроит Наде выволочку, на то и был ее расчет. Тетку она знала слишком хорошо, даже лучше ее самой. Уговоры на нее могли не подействовать, а вот запрет. Не зря говорят, что управлять людьми гораздо проще, если знать их слабости.

Надя сидела в столовой вместе с коллегами и ощущала себя как никогда живой. За заботами о муже совсем погрязла в быту и забыла, что такое внешний мир. Пусть не обошлось и без сплетен, но последние пять лет ее волновало лишь, что приготовить на ужин, как бы успеть забрать костюмы мужа из химчистки и... как забеременеть, конечно же.

Последнее давалось ей сложнее всего: и физически, и морально, но она старалась отгонять эти мысли куда подальше.

— Надя, — вдруг раздался сзади голос мужа.

Женщина с улыбкой повернулась, не сразу заметив, что говорил Леша жестко, но тихо, словно сдерживал себя. Его лицо было напряжено, скулы стиснуты, а глаза метали молнии.

— Леш, ты тут, я хотела тебя позвать на обед, но коллеги меня так быстро утащили в столовую, что я и глазом моргнуть не успела.

— Да, Алексей, намилуешься еще со своей женой дома, не мешай нам тут ей допрос устраивать, — вмешалась Любовь Павловна.

— А ежели есть что сказать, так присаживайся, давно тебя не видели, — взяла Гдальского в оборот уже Ира, и ему не оставалось ничего другого, как расположить пятую точку на выдвинутом стуле.

Он нахмурился и глянул на жену из-под кустистых бровей так, словно она в чем-то провинилась, и ей стало не по себе.

— Что-то срочное, Леш?

— Дома поговорим.

Надя выдохнула, предчувствуя бурю, но была ему благодарна, что коллеги не станут свидетелем их разговора. Пока женщины задавали ему вопросы, она смогла ненадолго выдохнуть, гадая, что же случилось за эти полдня, что сейчас он выглядит раздраженным, словно ему заноза под ноготь вошла. Вот только сколько бы ни гадала, ни к чему так и не пришла.

В этот момент в столовой появился и Архипов, сразу же привлекая к себе всеобщее женское внимание. Подошел сразу же к ним, что не ускользнуло от острого взгляда местных кумушек, и расположил руки на плечах Нади. Последнее особо не понравилось Гдальскому, но он стиснул зубы и промолчал, понимая, как неуместно будет устраивать сцену. Но дома Надю ждет жесткой разговор.

— Любовь Павловна, Ирина Дмитриевна, добрый день, сегодня вы очаровательны, как никогда, — блеснул улыбкой и учтивостью Архипов.

— Ой, Михаил Львович, да вы сегодня льстец, — парировала начальница. — Говорите сразу, чего хотите. Знаете же, что люблю я бельгийский шоколад, так что...

— Вуаля, — на стол тут же легло лакомство в красочной обертке.

— Ох, ну точно что-то надо нашему талантливому юристу, Ирина Дмитриевна, — толкнула в бок подчиненную Любовь Павловна.

— Каюсь, грешен, хотел вас подкупить заранее. Вы же не откажете мне в маленькой просьбе?

— Да как тут отказать, когда такой импозантный мужчина просит.

Надя прыснула в кулачок, ощущая мужские руки на плечах и с опаской косясь на Лешу. Тот прожигал это место гневным взглядом, и Надя не стала сбрасывать ладони Миши.

Отчего-то было приятно, что муж ее ревнует. Такого давно не было, и ощущать себя красивой ей безумно нравилось.

— Так ты согласна, Надь? — вдруг отвлек ее от собственных ощущений вопрос Миши.

— А? — нелепо она открыла рот, но под взглядами коллег не решилась признаться, что всё прослушала. Стало стыдно, что она витала в облаках.

Неужели во всем виноват простой в пять лет?

— Да-да, конечно, поддерживаю, — всё же кивнула с умным видом, чтобы не попасть впросак, но не заметила, как сузились глаза ее мужа.

— В общем, договорились. Надь, не забудь документы в отдел кадров занести. Они всё подготовят, — кивнул ей напоследок Архипов и быстро удалился.

Гдальская пропустила самую важную часть разговора мимо ушей, оттого и не понимала, почему Алексей вдруг разозлился.

— Ты должна была со мной посоветоваться, Надя, прежде чем соглашаться.

— Что? — вытаращила глаза, не понимая, о чем он.

Женщины за столом затихли, и ей стало стыдно, что он показывает им свой характер.

— Ни в какую командировку ты с Архиповым не поедешь, и точка.

— Какую командировку?

Надя в шоке оглянулась на коллег, но те удивленно воззрились на нее.

— Так в рабочую, у нас намечается вроде как новый контракт, нужен взгляд бухгалтера. Мы, конечно, дистанционно все документы просмотрим, но на месте тоже нужен человек.

— А, — Надя только и смогла, что открыть рот.

— А ты, Алексей, не ревнуй, совсем ты нашу Надю замордовал в четырех стенах. Это тебе не дом, а работа. Как начальство скажет, так и будет, — обратилась Ирина к Гдальскому, у которого разве что пар из ушей не шел.

Алексей кипел изнутри, разозленный Мирой. Может, не зайти она к нему недавно и не раздраконь, его реакция была бы другой, но сейчас он не контролировал себя, он любым способом хотел предотвратить ее отъезд. С одной стороны, не желал оставаться с Мирой наедине, а с другой — его разъедала ревность к Михаилу.

— Лучше бы вам, Ирина Дмитриевна, поехать. Вы и специалист опытный, и работник хороший. Надя пять лет сидела дома, толк от нее там будет небольшой.

Воцарилась тишина, во время которой Наде хотелось провалиться сквозь землю. Это что сейчас было? Муж сказал, что сидя дома, она отупела и ни на что не годна, как работник?

— Я справлюсь, Леш, не переживай.

Не понимая причин его поведения, она неправильно расценила его слова и положила ладонь на его лежащую на столе руку.

— Да, Алексей, не переживай за Надю, Михаил Львович ее поднатаскать хочет. И правильно делает, так ты быстро в колею войдешь, Надь, — произнесла начальница, поглядывая на Гдальского с каким-то плотоядным интересом.

— Да, да, Леш, всё хорошо будет. Миша мне поможет.

За последние несколько лет Гдальская отвыкла называть друга по отчеству, вот и сейчас по привычке сказала “Миша”, но именно это подействовало на ее мужа, как красная тряпка для быка.

— Не смей меня, Надь, ты дебет от кредита уже не отличишь. Запишем тебя на курсы, вот тогда и поднатаскаешься, а в командировки нужно дельных спецом отправлять. У нас с

Метдженерс контракт намечается, еще не хватало, чтобы мы его потеряли.

Гдальский хватанул лишку, но не сразу это понял, раздраженный, словно зверь, попавший в капкан и сломавший себе лапу. Он совершенно не соображал где и что говорит, видел только Надю, зная, как переубедить ее от задуманного. Раньше, если он хотел, чтобы был по его, он всегда так поступал, но впервые коснулся работы и ее профессиональных качеств.

Гдальская имела заниженную самооценку и была излишне сердобольна, но вот в чем, в чем, а в своих умениях и знаниях не сомневалась. Но большее всего было не это, ее одолевал стыд, что и остальные коллеги слышали, как в ней сомневается муж. Накатила вдруг злость и желание ударить Лешу. Неужели нужно было вот так унижать ее при всех?

Поехать в командировку ей хотелось, чего уж греха таить, она и забыла, как ей нравилась работа, но если бы Леша попросил ее остаться, она бы нашла способ, но не после того, что он ей сказал. К горлу подкатила желчь, и она сжала в упрямыстве ладони в кулаки.

— Я поеду, Леш, это не обсуждается. Это работа, — сказала холодно, встала из-за стола и направилась к выходу, не в силах сейчас оставаться на людях.

Отчаянно хотелось умыть холодной водой лицо, и она пошла в уборную, по пути сталкиваясь с Мирой. Была так погружена в себя, что не заметила ее злобное, но вместе с тем довольное выражение лица.

Надю трясло, хотя она уже дважды умылась водой из-под крана. Вытерла его бумажными полотенцами и глянула на время на дисплее телефона. Обед закончился пять минут назад.

Коллеги, когда она вошла в кабинет, не стали комментировать слова ее мужа, и она была благодарна им за тактичность. После обеда ее нагрузили работой, и она немного пришла в себя, с удивлением и облегчением понимая, что несмотря на перерыв, почти ничего не забыла. Мозг, конечно, ленился, не желая работать так активно, как раньше, и ее это немного злило, но Надя во что бы то ни стало решила взять себя в руки и снова стать профессионалом своего дела.

С каждым пройденным часом к ней возвращался тот задор и прилив энергии, какой был в молодости, и она снова ощутила себя юной и красивой. Конечно, дело было не только в работе, скорее, во внимании, которое все её выказывали. Мужчины говорили комплименты, а Архипов и вовсе раз пять приходил к ним в кабинет. Наде даже казалось, что пожирал ее взглядом, но она гнала крамольные мысли куда подальше. Такого просто не могло быть. У него ведь есть пассия, он сам сказал. Наверное, удивлен увидеть ее в таком наряде. Раньше она не позволяла себе приходиться в таком виде в офис, носила только брючные костюмы, которые не подчеркивали ее формы, а прятали. Поначалу ей просто хотелось, чтобы сотрудники не смотрели на нее, как на очередную дурочку, как часто бывало в университете, когда люди вокруг считали, что она обычная кукла без мозгов. А после уже привыкла находиться в тени.

— Тетя Надя, ау! — вдруг оторвал ее от эксель-таблицы знакомый голос.

Напротив ее стола появилась племянница. Вид у нее был какой-то недовольный.

— Что-то случилось, роднень? — участливо спросила у родственницы, думая, что что-то произошло.

— Да, я хотела спросить, когда ты освободишься.

— А который час?

Надя удивленно воззрилась на время. Шестнадцать. Она так увлеклась работой, что

потеряла счет времени. Коллег вокруг уже не было, так что она протерла уставшие глаза и встала насилу, решив, что продолжит с таблицей уже утром.

— Давай за Лешей зайдем и домой, что-то я сегодня так устала, — Гдальская потянулась, хрустя косточками, но Мира покачала головой и расстроила ее.

— Он уже уехал, поэтому нам самим придется добираться. Но только после шопинга. Мы же договорились, что подберем тебе наряды для офиса, забыла?

Надя сморщилась, так как идти по магазинам не хотела, но обида на мужа, который уехал, не предупредив и даже не подумав, как они будут добираться, взяла верх. Поставила телефон на беззвучный и взяла племянницу под руку. Пусть муж помучается, гадая, где она.

Мира в это время мысленно поменяла планы. Если утром хотела нарядить тетку в бесформенные костюмы, которые будут скрывать ее весьма, как оказалось, недурные формы, судя по мужским заинтересованным вокруг взглядам и слюням, то после слов Архипова поняла, что это было бы опрометчиво и недальновидно с ее стороны. Раз мужик настолько заинтересован в тете Наде, то нужно заставить его сходить с ума. Леша, конечно же, начнет ревновать, и это внесет раскол в супружескую пару, что и было нужно Мире.

— Ты уверена, что для офиса подойдет? Не слишком откровенно? — спросила у нее тетка, когда они стояли в примерочной бутика в ТЦ. На ней было облегающее тонкое серое платье до колен — с первого взгляда строгое, но если присмотреться, то красивый вырез привлекал внимание к красивым ключицам, а разрез сзади то и дело заставлял опускать взгляд к женским широким бедрам. Мира хмыкнула, точно зная, кто первым оценит этот наряд.

— Ничего лишнего, тетя Надь, ты же хочешь помириться с дядей Лешей?

— Мира!

— Да ладно тебе, я же вижу, что между вами будто кошка пробежала. Я в мужчинах разбираюсь, так что поверь мне, нужно заставить его ревновать, так что никаких брючных костюмов.

— Давай хотя бы один возьмем. Смотри, черный вроде ничего.

— Нет! Знаю я тебя, только его и будешь носить. Всё, я твой стилист, так что не спорь.

Мира веселилась, давая тетке советы по примирению с мужем. Она успела изучить Лешу и понимала, что ревность заставит его совершать необдуманные поступки. Глупая всё же у нее тетка, раз не понимает этого и ведется. В бумажках она может и специалист, но мужчины — не ее конек.

Накупив всё, что нужно, в том числе и обувь, девушки вернулись домой. Мира предвкушала скорый отъезд Нади, уже спланировав, как “поможет” той собрать гардероб, а вот Гдальская с недоумением смотрела на смартфон, который ни разу не завибрировал. Ни одного пропущенного от Леша.

Женщина вздохнула и думала, что бы такое приготовить, чтобы его задобрить, но когда они вошли в квартиру, их встретила гулкая тишина. Ни единого признака, что Гдальский вообще заходил сюда после рабочего дня.

Мира ушла переодеваться, а Надя с порога стала обрывать телефон мужа звонками. В ответ лишь тишина.

— Роднуль, позвони ему ты, мне кажется, на меня он обиделся.

— Думаешь, мне ответит?

Мира закатила глаза, но сама злилась, что Леша куда-то ушел. Женская интуиция подсказывала ей, что в бар, и от этого она бесилась сильнее. Еще не хватало, чтобы там его

окучила какая-то разведенка или особо ушлая дамочка.

Мира сделала вид, что позвонила, но делать этого при тетке, конечно же, не собиралась.

— Не берет, — сказала ей и быстро затараторила. — Слушай, тетя Надь, в город моя одноклассница приехала, позвала меня в кафе. Ты не против, если я схожу?

— Да-да, конечно, — рассеянно махнула рукой Гдальская и отвернулась, снова набирая мужа. На этот раз раздались короткие гудки, будто он сбросил ее звонок.

Мира быстро переделась и прошмыгнула мимо кухни. Посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна увиденным. Животика был пока небольшой, так что она могла позволить себе надеть коктейльное откровенное платье алого цвета. Шпильки, сумочка, и она готова.

Девушка точно знала, куда именно отправился Гдальский. В офисе все мужики знали, что ходить он любил в Бирмингем.

В бар она входила с обольстительной улыбкой на лице и надеждой, что Леша не слишком трезв. У нее созрел великолепный план, как навсегда вбить клин в его отношения с женой. Не зря говорят, что пьяный мужчина своему дружку не хозяин.

Надя долго ворочалась, не могла уснуть, но Леша написал, что ему нужно остыть, и придет он поздно.

“Ложись без меня”.

Спустя несколько часов ее всё же сморило, тяжелый рабочий день давал о себе знать. Надо было, конечно, еду приготовить, но ее так колотило, что сил уже на это не осталось.

Среди ночи ее выдернуло из сна разом. Она открыла глаза и вглядывалась в потолок, пытаясь понять, что ее разбудило. На часах три утра, за окном темно хоть глаз выколи. Перевела взгляд направо, но в постели было пусто: Леша еще не пришел.

Во рту пересохло, так что Надя встала и опустила ноги на ковер. Раз встала, так хоть воды выпьет. Вышла в коридор и замерла, ей показалось, словно в квартире кто-то ест. Отмерла, услышав мужской стон из ванной. Улыбнулась. Видимо, Леша вернулся и отмокает. Он всегда так делал после попойки, чтобы на утро пойти на работу огурчиком.

Прошла на кухню, выпила воды и решила посмотреть, что у него там происходит. Послышался какой-то странный стук.

Гдальская распереживалась, что, может, мужу стало плохо, и ему нужна помощь. Открыла дверь и прищурилась от яркого света. И не сразу увидела, что происходило внутри.

А когда зрение прояснилось, Надя ущипнула себя, пытаясь вырваться из кошмарного сна. Ведь в реальности такое происходить не может.

Ее племянница Мира стояла напротив раковины и упиралась обеими ладошками в зеркало, в то время как Леша, ее муж Леша, держался лапищами за девичьи широкие бедра и активно двигался.

Надя подметила, что рубашка его была расстегнута, а штаны приспущены, оголяя ягодицы.

— Ммм, — вдруг застонала Мира и приоткрыла рот, покрашенный ярко-красной помадой. Размазанной вокруг ее пухлого рта, словно...

— Тихо, — прорычал Леша и закрыл ее нижнюю часть лица ладонью.

Голос выдавал его опьянение, но Надя подмечала это краем сознания. Вглядывалась в их животное совокупление насилу, не могла уйти, а словно запечатлевала этот момент в памяти. Навсегда.

Вот рука племянницы опустилась вниз, и она впила пальцами в бедро ее мужа.

— Ммм, — тонкий писк Мира пробивался даже через чужую ладонь.

— Я же сказал, тихо! — агрессивно снова рыкнул Гдальский, остановился, опустил взгляд и шлепнул ладонью по женской пухлой ягодице. — Не шуми.

В этот момент Мира опустила вторую руку, попытавшись ухватиться за раковину, но задела мыльницу, которая с шумом упала на пол.

Всю мимику их лиц Надя видела через зеркало. Леша оскалился, а Мира вдруг подняла взгляд и замерла, наткнувшись в отражении на Надю.

Гдальский еще не заметил жену и продолжал вбиваться в девчонку, то ли порыкивая, то ли рыча. Таких звуков от него Надя отродясь не слышала. Нет, он всегда был интеллигентным и спокойным, даже во время их супружеского соития. Да. По другому их секс теперь у нее язык не повернется назвать.

— Мм, — Мира шлепнула Алексея по бедру, намекая, что они не одни, но тот

воспринял это, как знак ускориться.

— Мм, — снова застонала девчонка и впиалась в бедро мужчины уже сильнее.

— Что? Мало тебе? Ты же этого хотела, су*ка? Получай, раз хотела. И не реви, что мало.

Уши Нади готовы были свернуться в трубочку, настолько неприятны ей были высказывания мужа. В отношении нее он себе такого не позволял, она даже думала, что он настоящий джентльмен, а не похотливый самец. Оказалось, что просто женщина рядом была не та. Не зажигалочка, а скучная бухгалтерша.

— Я думаю, она хочет о другом сказать, Леша, — вдруг прохрипела, чувствуя, как к горлу подкатил ком, а на глаза навернулись слезы.

Гдальский тряхнул головой, словно пытался развеять мираж, но когда открыл глаза, увидел, что из зеркала на него смотрит его жена. Впал на секунду в ступор, опустил глаза на голую спину Миры и быстро отстранился, поворачиваясь лицом к Наде.

— Без защиты?

Гдальская не знала, почему у нее такая отмороженная реакция. Ей бы расплакаться и закатить истерику с криками и соплями, но ее душа будто онемела. Хотя голос дрожал, выдавая ее неподдельную боль и непонимание.

— Ну да, она ведь уже не забеременеет, — Надя нервно хохотнула.

— Мальщ, — дернулся вперед Алексей, но Гдальская сделала шаг назад и чуть не споткнулась о порог. Удержалась, схватившись за косяк.

— Не подходи ко мне. Не подходи! — закричала и выбежала из ванной, направляясь в сторону спальни.

Заметалась по помещению, не зная, за что взяться. В голове каша, в груди лишь разорванные ошметки вместо сердца. А перед глазами ванная, отточенные движения мужа, собственная племянница. И оба в алкогольном опьянении. Душа малодушно убеждала ее, что во всем он и виноват, пресловутый алкоголь, но сердце не желало принимать никаких оправданий.

— Надь, это не то, что ты подумала, я... — на пороге спальни появился муж. — Черт!

— И что же это? — спросила полумертвым голосом. — Сон? Я проснусь?

Ударил себя по щеке и захохотала. Запоздалая истерика накатывала волнами, отчего тело ее тряслось, словно автомобильный мотор.

— Она сама, Надь! Сама напрыгнула на меня и...

— Связала? Заставила себя шлепать?

Почему-то именно это запало женщине в память сильнее, словно фотокарточка, которую не стереть пальцем.

— Да она вертела жопой передо мной целыми днями, — вдруг прорычал Алексей и подошел ближе, вцепившись руками в женские плечи, даже встряхнул, чтобы она пришла в себя. — Я тебя предупреждал, что ей у нас не место, говорил, что не хочу устраивать ее к себе в офис, а ты...

— То есть, это я виновата?

Голос Нади звучал глухо и потерянно, уголки губ опущены вниз, а из глаз текли тихие слезы.

— Да! Нет! Да послушай же, я пытаюсь сказать, что...

— Что, Леш? Что не топтал мою племянницу? Это ты хочешь сказать?

Слово было мерзкое, но Наде так сильно хотелось задеть мужа, что она не контролировала свой язык.

— Это ведь ты ее привез. Сказал, что она будет жить с нами, — вспомнила Надя, констатируя факт.

Гдальский открыл рот, но ни слова не произнес. Его жена ведь была права. Ему нечего на это ответить.

— Она просто... — осекся, прикусывая пьяный болтливый язык.

Так и подмывало рассказать, что Мира вынудила его сделать это шантажом, но тогда придется рассказать обо всем. О беременности, о том, что это не в первый раз.

Мужчина еще надеялся, что если убедит жену, что это было один раз и по-пьяни, то всё у них наладится. А девчонку сбегит в ту дыру, откуда ее привез.

— Давай выдохнем, малыш.

— Не называй меня так!

Гдальский поморщился, не привыкший, чтобы жена говорила с ним так грубо, но спустил ей это с рук. В конце концов, он и правда накосячил.

— Хорошо, ма..., Надь. Давай поговорим, как ты останешь. А пока я увезу Миру, нечего ей в нашем доме делать.

И именно в этот момент Надя расхохоталась. Да так громко, что и сама испугалась, что сходит с ума. Муж вышел из спальни, прикрыв за собой дверь, а она не решилась пойти следом. Слышала лишь сборы племянницы, которая так и не удосужилась ей ничего пояснить, а сама не решилась ничего спросить. Даже не представляла, как посмотрит на Миру. Не сегодня.

Гдальский вызвал такси. Алкогольные пары еще не выветрились, но проблески трезвости нет-нет давали о себе знать, ужасая свершившимся проступком.

— Лещ, — всхлипнула Мира, сидящая рядом с ним на заднем сиденье.

— Заткнись, — холодно сказал ей мужчина, сил на злость уже не осталось.

Он отвернулся к окну, чтобы не смотреть на девчонку. Опасался, что если взглянет, то начнет рычать на нее, обвиняя во всем, но факт от этого не менялся: они переспали прямо в квартире перед носом у Нади, словно животные. Он даже сексом не мог это назвать. Голимое совокупление на голых инстинктах.

Гдальский по мере движения автомобиля лишь больше распался. Прокручивал в голове события последних часов и не мог понять, когда всё пошло наперекосяк. Хотел спустить пар за выпивкой в баре, но там как нельзя кстати, когда он был уже изрядно поддатый, появилась эта вертихвостка Мира. Подсела к нему, закинула ногу на ногу и отказалась уходить. Всё провоцировала его и соблазняла.

Черт его дернул дать слабину уже дома, когда до кровати было рукой подать. Во всем была виновата злость на жену. И его ревность, которую он испытывал к Архипову. Который, он был, уверен, только и думает о том, как бы залезть в трусики к его, Алексея, жене.

— Когда я могу вернуться?

Из размышлений его выдернул вопрос Миры. Гдальский и не заметил, как они подъехали к хрущевке, где она проживала с матерью. Он не ответил, не собираясь обсуждать что-то в присутствии таксиста, вышел из машины и злобно хлопнул дверью. Девчонка выскочила следом, как ошпаренная, когда мужик внутри что-то пробурчал за дверь, но Алексею было плевать.

— Что ты только что сказала? — процедил он, глядя на Миру.

— Так Надя ведь всё узнала, я думала, может, мы...

— Не надо думать, тебе не идет.

— Но она не простит, вы ведь разведетесь, и мы сможем с тобой воспитывать ребенка.

Мира была немного не в себе от выпитого коктейля. Когда она делала заказ, подспудно ожидала, что Леша вмешается и скажет, что ей нельзя. Заботливые мужчины так и поступали, как она думала, ведь она ждет его ребенка. Но он этого не сделал, только хмыкнул, когда она медленно потянулась губами к трубочке, всё ждала, что он накричит или отберет. Не произошло ни того, ни другого.

— Я решу вопрос с Надей, и мы с ней помиримся, а насчет ребенка не вздумай ей сказать.

— Но как же... — Мира растерялась. — Она ведь видела наш секс, теперь точно вы не сможете ребенка усыновить.

— Значит, аборт, — флегматично произнес Гдальский, не испытывая по этому поводу никаких сожалений. Наоборот, на это он и надеялся сейчас.

В этот момент Мира поджала губы и с горечью признала тот факт, что ее мужчина помешался на своей жене. Ну неужели она, Мира, хуже престарелой Нади? Даже Архипов на тетку слюнки пускает, не замечая ее, более молодую и раскрепощенную, готовую на всё ради мужчины.

— Никаких абортов, я же сказала, — нервно хохотнула и прильнула к Леше, пытаюсь

его задобрить. — Ну чего ты, Леш? Я ведь знаю Надю, не простит она. А я тебе буду хорошей женой, верной, ребеночка будем растить.

— А ты и рада будешь, да? — Гдальский прищурился и девчонку оттолкнул. Нежности с ее стороны ему без надобности. — У нас с тобой был только секс, ничего больше.

— Целых два раза, — Мира возразила, уже не зная, как вразумить его.

— Я был пьян. Оба раза.

— Все вы так говорите, — фыркнула и осеклась, увидев, как сузились зрачки Леша. — Я не то хотела сказать, я...

— То, Мира, то. Наде бы в голову не пришло меня с кем-то сравнивать.

Девушка запыхтела и перестала контролировать свою речь.

— Если ты не бросишь ее сам, я скажу ей, что ты меня споил! — выпалила, пытаюсь ухватить судьбу за хвост, но тот пока причинял лишь ей боль.

— Я? — Алексей оскалился и схватил ее рукой за шею.

Мира захрипела, встала на цыпочки и вцепилась пальцами в его кисть.

— Ты забыла, что ты и твоя мать зависите от моей милости? Не оплачивай я палату Алены, как долго она протянет без нормального лечения? Или ты собираешься устроиться на работу и оплачивать счета?!

На глаза девчонки навернулись слезы отчаяния и обиды. Какой бы вредной не была, а маму любила. И они обе сейчас зависели от денег Гдальского.

— Она бабушка твоего сына, — попыталась его вразумить.

— Поверь, этот факт для меня ничего не значит. Я плачу за нее до тех пор, пока она сестра моей жены. Улавливаешь мою мысль, Мира?

На нее сейчас смотрел не человек, а хладнокровный монстр. Она задрожала, чувствуя холод на коже, покрывшейся испариной от страха, но мужчина не обратил внимания. По отношению к ней он заботы не проявлял.

— Мои условия такие. Сегодня ночуешь у себя, а завтра придешь к нам и сделаешь всё, чтобы Надя меня простила. О ребенке ни слова. Откроешь рот и сболтнешь что лишнее, урою.

— Как ты себе это представляешь? Это невозможно.

Конечно, Мира тетку не понимала. Будь она на ее месте, все лохмы сопернице бы повыдергивала, а та амеба амебой. Ушла плакать в комнату, совершенно не заботясь о благополучии семьи.

— Ты же мастер подстраивать ситуации в свою пользу, так что придумаешь что-нибудь. Скажешь, что у тебя психические проблемы из-за гормонов, а я был слишком пьян и перепутал тебя с женой.

— Меня? С ней? Она не поверит, мы разные и... Это бред! — выпалила, приходя в отчаяние, что ее мужчина никак не отступится.

Гдальский стрельнул на нее хмурым холодным взглядом, словно разрезав ее пополам, и все остальные слова застряли у нее в горле. Она сделала шаг назад, и он, еще раз глянув на нее предупреждающе, ушел. Его новое такси приехало. А вот Мира всё стояла у подъезда, обняв себя руками и не зная, что делать. Думала и так, и сяк, но пришла к выводу, что ее маму тетя Надя не бросит, слишком уж сердобольная. Терять Мире было уже нечего, и сейчас был идеальный момент, как сделать всё так, чтобы навсегда отвадить Гдальских друг от друга.

На часах семь утра. А ей нужна тяжелая артиллерия.

Мира достала телефон и набрала заранее сохраненный номер в телефоне.

— Слушаю, — раздался женский голос по ту сторону.

— Галина Никадимовна, — девушка всхлипнула и разревелась.

— Мира? Что-то случилось? У тебя выкидыш? — предположила мать Алексея страшное.

— Нет-нет, я... Я больше не могу хранить это в секрете... — шмыгнула носом. — Я беременна от Леши, а он не хочет признавать малыша, и они с Надей собираются его забрать себе-е-е.

— Что? — растерялась ее будущая свекровь.

— Мой малыш — ребенок Леши, вашего сына, — чуть более раздраженно произнесла Мира, а затем прикусила язык. Она пожилой женщине нравилась, а вот Надя нет, и на этом контрасте нужно было сыграть, переманив ее на свою сторону. Ведь Надя бесплодна, а Галина Никадимовна очень хочет внука или внучку.

— Так, деточка, бери такси и езжай ко мне. Я пока чай заварю.

* * *

Надя

Несколько часов до рассвета Надя провела на кухне. Трясущимися руками пила горячий чай с лимоном, который помогал ей при любых болезнях, но и он сейчас был не способен унять шок. Тупая боль осела между ребер, отчего ее грудная клетка болела, ныла и не давала дышать полной грудью. Всплипы вырывались у нее сначала тихо, будто неуверенно, а затем полились градом, выливаясь в истерику.

Часам к семи пришлось собираться на работу. Она старалась не смотреть в сторону вещей мужа, заблокировала воспоминания, опасаясь, что не сдержится и разрыдается прямо на рабочем месте.

— Чучело огородное, — простонала, видя свое отражение в зеркале.

Опухшие веки, одутловатое после слез лицо — не осталось и следа от той красотки, на которую пускали слюни все одноклассники мужского пола.

Надя чисто по-женски оглядела себя в отражении, невольно сравнивая себя с эффектной Мирой. Племянницей ее теперь даже язык не поворачивался назвать. Мысли то и дело возвращались к увиденной сцене, и она не могла понять, когда упустила тот самый момент — невозврата. А ведь ее предупреждали коллеги, что молодая родственница в доме — не к добру.

— Неужели она лучше? — прошептала сама себе, зная правильный ответ.

Раз ее муж залез на другую, значит, искал то, чего не нашел в ней.

Гдальская накрасилась, стараясь скрыть следы от рыданий, но на работе все заметили, что она плакала. Косились, пару раз спросили, всё ли в порядке, но в душу не лезли.

Весь день она боялась, что встретится с Лешей или Мирой, но первый, как оказалось, взял отгул за свой счет, а вот племянница работала на другом этаже и на глаза ей не попадалась. Даже в столовую не пришла. И для Нади это стало настоящим облегчением. Не уверена, что смогла бы держать себя в руках, увидь кого-то из них двоих в офисе.

В кабинет периодически заглядывал Архипов, оглядывал ее с головы до ног, шутил с Любовью Павловной и уходил восвояси. А после обеда вызвал Надю к себе.

— У тебя что-то произошло, Надюш?

Мужчина налил воду в стакан и протянул ей, предварительно закрыв дверь перед взором любопытной секретарши.

— Н-нет, всё... все хорошо, — по привычке соврала, как и остальным коллегам, но когда плеча коснулась мужская рука друга, который стоял возле ее стула, расплакалась, чувствуя опустошение.

Сама не заметила, как оказалась на коленях у Михаила, а он сам — сидящим на кожаном диване. Будь она в себе, обязательно устрашилась бы подобной двусмысленной позе и ситуации. Да она никогда бы не позволила себе сидеть на коленях другого мужика, ведь она замужем!

— Леша... Мира... — не могла связать предложение воедино и говорила лишь отрывками, но самое главное Архипов услышал.

Он не смог сдержаться, по его губам скользнула ироничная и довольная усмешка, но он тут же стер ее с лица, когда Надя подняла голову и посмотрела на него вопросительно.

— Я не сплю? Это всё правда?

— К сожалению, да, Надюш, — качнул Архипов головой и стер слезинку с ее щеки большим пальцем. Погладил нежную кожу и залип на припухших розовых губках, которые он так давно мечтал поцеловать, что, кажется, уже начал сходить с ума.

Михаил мысленно дал себе затрепину. Не время и не место. Надя нужна ему навсегда, а если сейчас он ринется в бой, то проиграет, так и не начав его.

— Хочешь, я их уволю?

Гдальская напряглась, услышав вопрос, и отрицательно качнула головой. Она не имела права смешивать работу и личное.

— Прости, Миш, я... — встрепенулась и подорвалась с места, увидев, что сидела на мужских коленях. Щеки ее покраснели от стыда, она кинула опасливый взгляд на дверь. А если бы кто-то вошел? Она ведь замужняя женщина. Точнее, была. Или есть? Ответа на этот вопрос она пока не находила.

— Работник сегодня из тебя аховый, Надь, Любовь Павловна говорит, ты весь день в облаках витаешь.

— Прости, я исправлюсь, я...

— Так, не трясись, не съем же я тебя, — руки Миши обхватили женские плечи. — Я к чему это всё веду. Поехали.

За словами дело не встало. Архипов надел пиджак и кивнул на выход.

— Куда?

Гдальская от его напора растерялась.

— В ЗАГС.

— В ЗАГС? Зачем? — выдохнула и покраснела, подумав не о том.

— Заявление на развод подавать, — Архипов пожал плечами и прищурился, пытливо вглядываясь в глаза Нади. Он знал ее много лет, так что брал быка за рога, зная, какая она нерешительная и мнительная. Если он сейчас не повернет ее мысли в нужное русло, с Гдальского станется навешать ей лапши на уши, что ей всё показалось, и это у нее паранойя, а не он наставил той рога.

— Или ты веришь, что Леша не такой, и это не он шпанил Миру в кабинете? У охраны сохранилось видео наверняка, можем попросить их скинуть мне ноутбук.

Архипов не сразу понял, что сболтнул лишнего. Лицо Нади моментально побледнело,

став похожим на восковую маску.

— В каком кабинете? Они же в ванной, я сама видела, я... — забормотала, схватилась рукой за горло и стала тяжело дышать.

— Так, Надя, выпей-ка водички, что-то ты плохо выглядишь.

Миша засуетился, а сам корил себя за преждевременно сказанные слова. Черт. Получается, Мира соблазнила Алексея повторно, и Надя стала свидетелем. Для Архипова это многое меняло, ведь запудрить ей глаза теперь Лехе не удастся, но от идеи уболтать ее сразу же подать на развод он не отказался. Нечего тянуть. Нужно ее подтолкнуть.

— Я перепутал, подумал, что ты их тут застала, — произнес мужчина, а сам нервно взъерошил волосы. Как бы она не зацепилась за его слова, ведь тогда и он станет виноват в этом любовном треугольнике. Хотя какой там, это целый квадрат. Он влюблен в Надю, та замужем за Алексеем, за которым гоняется Мира, от которой, правда, все хотят избавиться.

— То есть, ты тоже считаешь, что я одна тут слепая дура, которая ничего не видела дальше своего носа? — Надя всхлипнула и осела на диван, прикрывая горящее от стыда лицо.

— Надя, ты влюбленная женщина, а твой муж просто козел, — Михаил сморщился. — Он просто идиот, раз променял тебя на...

— На молодую и сексуальную?

Надя продолжала сравнивать себя и Миру.

— Миш. Она ведь дочь Алены, моей сестры. Моя племянница. Господи, наверняка он совратил ребенка... — застонала. — Как я сестре в глаза посмотрю, когда она очнется? Черт...

— Соблазнить Миру? Эта сама кого хочешь, — на последних словах Архипов осекся, понимая, что выгораживает сейчас Гдальского, а это в его планы не входило. С другой стороны, Наде не стоит питать иллюзий насчет своей родственницы, которая шкурный интерес ставит выше семейных уз. Они оба недостойны внимания Нади.

— Миш, не знаю, что делать. Боюсь придти домой и... Я и Тае пока не говорила, знаю ведь, скажет “а я тебе говорила”, а это меня окончательно добьет, понимаешь? Господи, не понимаю, зачем на тебя свои проблемы вываливаю. Прости, я пойду работать...

Уйти Гдальской Архипов не позволил.

— Надя, — тон его стал чуть строже.

— Ах, да, прости, ты ведь меня по работе вызывал. Прости... То есть, простите, Михаил Львович.

Мужчина вздохнул и посмотрел на Надю, которая мало того, что выглядела потерянной, так и вовсе казалась ему сейчас слабой маленькой дюймовочкой. Вот только выражение лица ее стало донельзя упрямым.

— Я тебя по командировке вызвал. Хотел сказать, что сегодня вечером вылет.

Архипов похвалил себя за предусмотрительность, что тянуть время не стал и организовал поездку так скоро. Как знал, что Гдальский оступится, даст ему шанс отбить Надю. И он, Миша, его не упустит.

— Как сегодня? Мне надо тогда быстро таблицу доделать, вещи собрать и... — Надя испуганно вздохнула, а затем глаза ее заволкло туманом, когда она перечисляла вслух предстоящие дела. Раньше именно работа отвлекала ее от проблем, так что она ухватилась за возможность отсрочки скандала с мужем на неопределенный срок. Даже не спросила, надолго ли они уезжают.

— Так, поехали, Надюш, за таблицу не переживай, бухгалтерия всё доделает, а у нас с тобой и без того много дел.

— Каких еще дел?

— Я же сказал. ЗАГС. Потом вещи. И не спорь. Ты сама не своя, а я твой лучший друг. Желаю тебе всего самого лучшего.

С этим Надя не могла поспорить. Она была в таком раздрае, что позволила Мише рулить, для нее сейчас это было спасением. Остаться наедине с собой боялась сильнее всего, ведь тогда возвращались мысли, самобичевание и воспоминания, куда же без них. Кадры животного совокупления, казалось, отпечатались у нее в голове, не желали уходить.

Конечно, она понимала, что ни от себя, ни от разговора с мужем не убежишь, но ей отчаянно требовалась помощь извне. Возможность собраться с мыслями. И если бы она переживала всё в одиночестве, неизвестно, куда бы это ее завело.

Заявление на развод она подавала сомнамбулой, не до конца осознавая серьезность поступка. Рука ее дрожала, когда она ставила подпись, бумага расплывалась перед глазами, но дело она по итогу довела до конца. Такую гнусную измену Леше она не сможет простить. Да, любила. Да, заботилась. Да, пожертвовала всем ради него, но... Всё это она делала для ее доброго верного Лешки. Не для того животного, которое безжалостно растоптало пять лет их счастливого брака. Да еще и так гнусно. Ей казалось, что такое можно увидеть только в мыльной опере. Подумать только. Только достигшая совершеннолетия племянница и ее муж. Два некогда дорогих ей человека.

— А теперь за вещами, — потянул ее за собой Миша.

Состояние Нади ему не нравилось. Любая другая на ее месте рвала бы и метала, желала выдернуть сопернице космы, отомстить изменщику-мужу, но Надя... Нет, она будто закрылась и ушла в себя. Из глубины ее глаз на него смотрел затравленный побитый зверек. Раньше, до брака, она такой не была, и тем сильнее ему хотелось избить Гдальского. За то, что сломал женщину, которую любил он, Миша Архипов. И судьба в этот день ему благоволила. Когда они подъехали к дому Гдальских, он сразу же выцепил глазом машину Алексея. Он уже был дома.

Надя заметила, как в окне кухни мелькнула фигура мужа. Он отовдинул занавески и посмотрел вниз. Она покраснела, понимая, как двусмысленно выглядит ее приезд, но затем расправила плечи. Ей нечего стыдиться. Она мужу, в отличие от него, не изменяла.

— Миш, во сколько у нас самолет?

— В двадцать три тридцать.

— Ты езжай домой, встретимся в аэропорту. Мне нужно поговорить с Ле... Алексеем, собрать вещи и... В общем, я на такси приеду.

— Напишешь, как будешь готова. Я за тобой заеду.

Надя знала упрямое выражение, застывшее на лице Архипова. В этом был весь он. Всегда приходил к ней на помощь в самые трудные дни. Когда он нехотя уехал, она всё еще продолжала стоять около подъезда. Встала под козырек, чтобы муж не видел ее, обхватила себя руками и решалась сделать шаг в подъезд. Неизвестно, сколько бы она так простояла, но в какой-то момент скрипнула металлическая дверь, выпуская наружу пожилую пару из квартиры напротив. Чтобы не вызывать лишних вопросов, Надя скользнула внутрь и вынужденно поплелась к лифту.

— Долго ты поднималась, — хмыкнул Гдальский, как только она переступила порог квартиры.

Надя промолчала, не зная, с чего начать разговор, но вся та неуверенность и апатия, которая охватила ее вне дома, вдруг куда-то испарилась. На место опустошению при виде неверного мужа пришло негодование, прорезавшее ее горло ровно поперек.

— Я подала на развод.

Надя не ожидала, что скажет это так обыденно, словно сообщила просто о погоде или же каком-то рабочем моменте, не стоящем внимания. Но слова вылетели у нее машинально, будто в ответ на претензию, с которой на нее набросился Алексей.

— Что?

Его брови удивленно улетели вверх, а затем лицо посмурнело. Брови насупились, глаза заматали молнии.

— Давай после командировки поговорим. Мне нужно вещи собирать.

Женщина прошла мимо мужчины в спальню, стараясь не соприкоснуться с ним даже кусочком ткани, и он это заметил, чувствуя накатывающее раздражение. Чувство вины и цветы, которые он купил ей, тут же позабылись. В нем снова разыгралась ревность. Дикая. Разъедающая, словно азот кожу.

— К Мишке своему уходишь? Нашла хахаля побогаче? — съязвил и встал на пороге спальни, схватившись руками об косяк. За флегматичными сборами жены наблюдал с нескрываемой прерывистой злостью.

— Что? — выдохнула Надя и вскипела. — Не смей спихивать на меня свою вину! Это не ты меня, а я застала в ванной с другой!

— И это повод для развода?! Да многие семьи так живут, и ниче! Хочешь, как мать моя, у разбитого корыта остаться?! — прорычал Гдальский, забыв о своих изначальных планах извиняться и умолять о прощении на коленях.

— Вот только мать свою приплетать не надо. Она-то как раз мужа-изменщика не простила, или тебе память отшибло, дорогой?

Надя не ожидала, что будет бросаться такими хлесткими фразами и колкостями, но она столько лет терпела и прикусывала язык, что сейчас взорвалась, выплескивая наружу накопившийся за эти годы гнев. От криков ей даже будто становилось легче. Словно она сбрасывала тягостный груз, державший ее всё это время в клещах.

— Напомнить тебе, что ни ей, ни мне это счастья не принесло? — съязвил Гдальский, распаляясь сильнее. — Я без отца рос, а мать всю жизнь жалела о своем поступке. Замуж не вышла и одна живет на старости лет. Хочешь такой же убогой жизни?

— Матери своей скажи про убогость ее жизни, а мне не смей! Слава богу, детей у нас и нет, так что сиротами никого не сделаю, — хмыкнув, наконец, высказала то, что давно хотела. Казалось, будь здесь сама свекровь, она бы и ей не отказалась повторить пару ласковых.

— Конечно, нет, ты-то мне их родить не сподобилась, — хмыкнул Гдальский, ударяя по больному.

Надя дернулась, не ожидая, что прилетит с этой стороны. Ее глаза наполнились слезами, те покатались по щекам. Она прикусила губу и отвернулась, отрывистыми рваными движениями закидывая вещи в вытащенный из шкафа черный чемодан. Обычно им пользовался муж, так что с момента покупки она впервые достала его для себя.

Наступила тишина, наполненная лишь шмыганьем Нади и шумом падения вещей о дно сумки. Она даже не смотрела, что именно кидала. Просто взяла первое, что попало под руку.

— Надь, прости, я не хотел, — раздался вдруг голос Алексея, полный раскаяния.

Когда его рука коснулась ее плеча, Надя дернулась, желая отстраниться от него, закрыла чемодан на молнию со свистом.

— Не прикасайся ко мне, — произнесла с болью.

— Ты моя жена, Надь, — тихо сказал Гдальский, но послушно отстранился.

Она стояла к нему спиной, опираясь ладонями о чемодан. Зажмурилась, желая, чтобы эти гребаные слезы прекратили литься. Как же она ненавидела свою слабость. Как хотела быть сильной: гордо сказать “ненавижу”, гордо хлопнуть дверью, злобно закричать и устроить истерику с битьем посуды. Но всё, на что ее хватало — это плакать даже во время криков.

— Я тебе цветы купил, малыш.

После слов зазвучали его удаляющиеся шаги. Гдальская открыла свои глаза и обернулась, когда услышала его приближение.

Муж появился на пороге спальни снова уже с охапкой бордовых роз в руках.

— Бордовые, — пробормотала тихо, но Алексей услышал и гордо улыбнулся.

— Твои любимые, — произнес с таким намеком, будто это должно было смягчить ее обиду и гнев. Будто этим поступком мог смыть всю ее боль и стереть гнусные воспоминания.

Наде вдруг стало смешно. Слезы трансформировались в смех.

— Нет, Леша, нет, — качала головой с истеричной улыбкой на лице. — Я не люблю бордовые розы. Нет. Неправильно. Я их ненавижу.

— Я всегда их тебе дарил.

Гдальский вдруг растерялся, ощущая себя уязвимым, но Надя и не думала больше щадить его чувства.

— Ты знаешь, я вдруг поняла, что ты никогда меня не слушал. Дарил и дарил эти розы,

хотя я много раз тебе говорила, что это полная вульгарщина. Боже...

Надя осела на кровать, в конечностях возникла слабость, а тело стало ватным. Она посмотрела на мужа совершенно другими глазами. А Леша ведь и правда никогда не интересовался, что ей нравится, что она любит, чем бы хотела заниматься. Нет, какие-то вопросы задавал, но тут же их забывал. В одно ухо влетело, с другого вылетело. В то время как она помнила не только все его предпочтения, но даже любимые блюда его матери. Господи... И на этого человека она потратила лучшие годы своей жизни.

— Не любишь розы, значит, другие подарю. Нет, охапку. А хочешь, цветочный ларек тебе купим, как ты мечтала, м?

Гдальский упал на колени, подползая к ней, словно нашкодивший щенок. Нассы он ей в тапки, она бы простила. Но ее муж не животное, а человек. Изменивший ей в их же доме. Чуть ли не на супружеской кровати.

— Нет, Леша, не мечтала. Ты меня с кем-то перепутал, — грустно улыбнулась и посмотрела вперед, сквозь него. — И как давно ты мне начал изменять? Ну да... Тая права была. Все эти отговорки про работу, задержки... Я такая дура...

— Кроме Миры, я тебе ни с кем не изменял! — воскликнул Гдальский и сразу же прикусил язык.

Лицо Нади мгновенно посерело при упоминании племянницы, и она опустила голову, не давая ему прочесть мысли, светившиеся в ее глазах.

В комнате еще долго царила тишина. Только плечи Нади тряслись, и Алексей подумал, что она снова плачет. Смотрел на нее и горел от желания потрясти ее, чтобы пошла ему навстречу. Он ведь извинился и готов умолять о прощении еще долго. Да все так жили. Да, он оступись. Да, изменил. Но разве это повод рубить с плеча и разводиться?

Прозвучавший в этот момент лязг ключа в замочной скважине входной двери избавил его от дальнейших нелепых оправданий.

— Леш, ты уже дома? Надя уехала с Архиповым.

Глаза Гдальского расширились, а вот Надя встрепенулась, подняв голову. Голос Миры звучал бодро, словно ничего этой ночью не произошло вовсе.

— Надь, я выгоню ее.

Алексей вскочил с колен и вышел в коридор.

— Кто разрешил тебе приходить?!

Надя вздрогнула. Никогда еще не слышала голос мужа таким жестким и гневливым. В нем отчетливо звучала неподдельная ненависть.

— Я соскучилась, любимый.

Сердце Гдальской сжалось. Получается, это был не разовый перепихон, а полноценная интрижка? У нее под носом.

Надя вышла в коридор почти сразу. Уставилась на парочку и прищурилась.

Мира в это время стояла за его спиной и гневно поджимала губы. Она надеялась, что Надя уже уехала, ведь все в офисе видели, что после обеда ее забрал Архипов.

Мира по его приказу самолично покупала авиабилеты, бронировала отель. Специально заказала номер для молодоженов, чтобы уж точно исключить любые возможности для примирения Нади с мужем. Вот только ее наличие в квартире портило все ее планы. Разве что...

— Как давно ты спишь с моей племянницей, Леш? — прозвучал вдруг надломленный голос Нади.

Вопрос заставил Алексея дернуться и сделать шаг назад, вот только когда его спина коснулась груди Миры, он как ошпаренный отскочил вперед.

— Это была ошибка, малыш, — осторожно повторил Гдальский. — Всего раз. Я был не в себе. Пьян. Ты ведь видела. Будь я трезв, никогда бы у меня на нее не встал.

— Не называй меня так. И не оправдывайся. Выглядишь жалко. Еще скажи, она тебя заставила заниматься с ней сексом.

— Да, то есть, нет. Нет, я... Я ее с тобой перепутал, честно. Со спины ведь вы похожи. Обе блондинки, да и... Я был не в себе...

Как бы ни пытался, он не смог сказать в свое оправдание ничего внятного, кроме первой версии, которую преподнес Мире. Вот только по мере речи понимал, как же слабо и глупо это выглядит со стороны.

Надя переводила взгляд с него на Миру, которая сделала шаг в сторону и решила пойти ва-банк. Сейчас самый лучший момент, чтобы повернуть ситуацию в свою сторону. Никто не заметил, как ее взгляд скользнул к приоткрытой входной двери.

Алексей смотрел на жену, а Надя была слишком подавлена, чтобы обращать на такие мелочи внимания. Ее взгляд в это время упал на живот Миры.

— Тебя даже не смутило, что она беременна от другого? Или это тебя наоборот возбуждает? Поэтому ты привел ее жить к нам? Она тебе из-за ребенка понравилась?

Она готова была прикусить себе язык за подобный вопрос. Тема беременности Миры заставляла ее чувствовать себя неполноценной. Племянница ведь получила всё — и будущего ребенка, и мужчину. И всего этого не было у Нади. Теперь не было.

— Не говори чушь, Надя. Это тут вообще причем? Не я, а ты хотела этого ребенка. Я потакал твоим капризам! — прорычал, стискивая изо всех сил кулаки.

Надя не заметила, как налились кровью его глаза при упоминании отца ребенка Миры. В этот момент она смотрела на девичий округлый живот.

Дочь ее старшей сестры всё это время стояла в стороне, наблюдая за их с мужем перепалкой, и с гордостью гладила его ладонями. Взгляд Нади волей-неволей опускался вниз.

Заметив это, Мира вдруг сделала шаг вперед, вставая вровень с Алексеем. И открыла рот, но не ради извинений. Нет, ее взгляд не выражал раскаяния. Наоборот. Она даже не постеснялась нагло обратиться к ней с вопросом. словно издевалась над ее горем.

— Так у нас всё в силе? Вы усыновите ребенка, тетя Надя? Мы договаривались. Я ведь понимаю, что маме нужно лечение, а у меня нет таких денег.

Мира вдруг опустила глаза и всхлипнула, строя из себя великомученицу. Гдальский удивленно посмотрел на нее. Ожидал, что она начнет кричать, что они с ним любят друг друга, чтобы очернить его перед Надей и заполучить себе мужика, но всё вышло наоборот. Гадать, для чего она устроила этот спектакль, долго не пришлось.

— Никто не отнимет у тебя ребенка, дорогуша. Мой внук разменной монетой в чужих гнусных руках не станет.

Голос Галины Никадимовны звучал холодно и жестко, но смотрела она при этом только на Надю, будто с точностью определила источник заразы. Наступила гулкая ледяная тишина.

Наде казалось, что ей снится кошмар. Ничем иным она объяснить сложившуюся ситуацию не могла. Взгляд свекрови вымораживал ее внутренности, и она силилась не скрутиться калачиком, вот только в позе стоя это было невозможно. В не меньшем потрясении находился и Гдальский, которому вообще казалось, что он попал в ад.

— Мама, что ты тут делаешь? — спросил он родительницу, надеясь, что ослышался.

Только Мира чувствовала облегчение. Нет, она знала, что Галина Никадимовна стояла на лестничной площадке. Именно для нее и затевался ее спектакль. Пожилая женщина так сильно хотела внуков, что поверила ее жалостливой истории. По идее, Мира не соврала, только немного опустила подробности и кое-что поменяла местами. В ее версии изувером она выставила Надю, которая отказывалась оплачивать счета сестры Алены, если Мира не отдаст им с Алексеем малыша. И плевать ей, любит ли Мира Лешу, хочет ли этого. Но больше всего поражена мать Гдальского была не этим, а тем вероломством, с каким Надя собиралась соврать ей, что ребенок от неизвестного мужчины, а не от Лешки. В общем, женщина была полностью на стороне Миры.

— В-ваш внук? — заикаясь от шока, пришла в себя Надя.

В ее сердце образовалась пустота, а желудок свело от спазмов. Она посмотрела на мужа, который вдруг виновато отвел взгляд, затем на племянницу, ожидая, что и она последует его примеру, вот только Надю ожидал неприятный сюрприз.

— Вот только не нужно сейчас разыгрывать передо мной самую невинность. Мне Мира-лапушка всё рассказала. И как ты ее подложила под моего сыночка, и как воспротивилась, когда она его искренне полюбила. А я-то жалела тебя, думала, бедная Надя, женского счастья познать не может. А ты!

— Что я?

Голос у Нади звучал сипло, сама она еле сдерживала слезы. Чувство несправедливости встало в горле комом, но она никак не могла обрести хладнокровное спокойствие и дать желанный отпор.

— Хотела такую аферу перед моим носом повернуть. Еще и Лешу уговорила пойти на преступление. Да он бы никогда не бросил любимую, если бы не жалость к тебе.

Галина Никадимовна смотрела на Надю с презрением, как всегда выгораживая собственного сына. Надя же никак не могла понять, что происходит. У нее вдруг закружилась голова, а во рту пересохло. Казалось, еще секунда, и она потеряет сознание.

— Что за бред ты моей матери сказала, Мира?! Надя! — заметил неладное Гдальский и отвлекся от беременной, когда Надя прислонилась к стене.

Ее лицо побледнело, в ушах зашумело, и несмотря на ненависть к мужу, бокал холодной воды она приняла с благодарностью.

Свекровь что-то кричала, размахивая руками, но Надя не слышала. Вроде бы та пеняла на симуляцию, псевдоневинность и прочий бред, но постепенно Гдальская пришла в себя и посмотрела на всех новым взглядом. Больше не было той наивности и веры в людей. Розовые очки разбились стеклами внутрь.

— Мама, хватит! Что ты себе там напридумывала?!

Алексей впервые повысил голос на мать, отчего та застыла, хватая ртом воздух. И, конечно же, даже в этом виноватой оказалась Надя.

— Ты только посмотри, сын, как она на тебя плохо влияет. Никакого уважения к матери! Я на тебя всю жизнь положила, все деньги в дом, на твое образование потратила все сбережения. Никакой личной жизни, а ты...

Последняя фраза была произнесена многозначительно. Гдальский покраснел — то ли от злости, то ли от стыда, сделал шаг вперед, но когда к его матери подскочила Мира, подхватывая ее под локоток, остановился. Лицо его стало озлобленным, взгляд приобрел агрессию, и он впервые не стал извиняться перед матерью, как это обычно бывало после ее манипуляций, когда она пыталась вызвать в нем жалость и чувство вины.

— Получается, ты соврал?

После всего увиденного все части мозаики сошлись у Нади в голове, и она повернулась к мужу, желая, наконец, узнать правду. Внутри ее трясло, а внешне она выглядела потерянной и бледной.

— Надь...

— Это что же получается, мало того, что ты уже давно спишь с моей племянницей, заделал ей ребенка, так еще и на меня повесить его хотел? Чтобы я приняла его, как своего? Считала его отцом другого мужика?

Голос женщины дрожал, срывался при каждом слове, но вопросы свои она озвучила до конца. Она смотрела мужу в лицо, прямо в глаза, требовала честного ответа, но всё, на что он был способен — это тяжело вздохнуть и отвести взгляд, словно его одолевал стыд. А вот Надя расхохоталась, понимая, какой же слепой душой она была.

— Нет, ну вы только посмотрите, на моего Лешу хочет вину возложить за свой грех.

Поскольку никто, кроме Миры, на Гдальскую-старшую внимания не обратил, она перестала притворяться, что ей плохо, и напала на невестку. Всё ее негодование было направлено на Надю, которая внезапно перестала смеяться и прищурилась, глядя на будущую бывшую свекровь другими глазами. — Так это я виновата? — выдохнула, не веря своим ушам. — А кто, милочка? Я, что ли, интриги развела тут? Не знала, что пригрела на груди змею. — На груди? Уж точно не меня.

Надя не узнавала тон, которым сама же и заговорила. Раньше она не позволяла себе спорить и отстаивать свою точку зрения. А сейчас у нее за спиной будто выросли крылья, некогда связанные мужем-изменщиком и властной свекровью. И если раньше она прикусывала язык из любви к Леше и желанию угодить новой семье, то теперь у нее не было никаких причин сохранять хорошие отношения. Настоящее облегчение. — Алексей, ты почему молчишь? Ты слышал, как она меня оскорбила? — Мама! Не лезь не в свое дело! И нечего слушать рассказы Миры. Она всё врет.

Гдальский ни на секунду не поверил в тот бред, который налила в уши его матери эта вертихвостка Мира. Надо же, как повернула ситуацию в свою пользу. Обрела защитницу в лице его матери, которая так сильно одержима внуком, что поверит чему угодно.

— Леш, ты что? Почему Надю защищаешь? Я ведь люблю тебя.

Мира в этот раз играла на все сто. Не будь он уверен, какая она стерва, и сам бы поверил, что девчонка здесь — пешка и жертва обстоятельств вероломной тетки, настолько желавшей ребенка, что подложила племянницу под своего мужа. Еще и заплакала, когда он агрессивно рыкнул.

— А ну умерь свой отвратительный нрав! Весь в отца! — запричитала Галина Никадимовна и спрятала за свою спину Миру.

Гдальский застонал, стискивая переносицу. Совершенно не понимал, как разрулить

сложившуюся ситуацию. Он ведь планировал спокойно поговорить с Надей, помириться, а уж с остальными они бы вместе справились. Если бы не мама... Чертова Мира!

Пока он стоял напротив двух женщин, Надя вернулась в спальню, схватила чемодан и выкатила его в коридор.

— Ты уже собрала вещи? — первой заметила изменения свекровь. — Вот и правильно, это Лешина квартира, здесь будут жить Мира и мой внучок. А ты возвращайся в свой клоповник, откуда мы тебя подобрали.

Едкий голос матери Алексея не ранил Надю. Она вдруг взглянула на нее совсем другими глазами. Эта женщина выпила столько ее крови, что дополнительного удовольствия своим унижением она ей не доставит. — Какой из внучков-то, а? — не преминула Надя съехидничать. — Не нужно давить на жалость. Мы все тут знаем, что ты пустоцвет, — неправильно поняла ее слова пожилая женщина.

— А я не на себя намекала. Надя перевела взгляд на Лешу, который отвел свой, когда на него посмотрела и мать. — Ты не сказал ей? Правда? — Гдальская улыбнулась, хотя внутри ощущала себя опустошенным сосудом, из которого выкачали все соки. — Давайте все успокоимся, — примирительным тоном произнесла Мира, словно не хотела, чтобы свекровь узнала о старшем внуке. Вот только Надя не собиралась молчать. — У Карины, бывшей девушки вашего Леша, пять лет назад родился сын. Внук, которого вы так хотели, Галина Никадимовна. Дима. Дмитрий Алексеевич, если быть точнее. Или ты не дал ему своего отчества еще, м, Леш?

Слова Нади стали спусковым крючком. Лицо Миры исказилось от гнева, она с тревогой посмотрела на старушку, ожидая ее реакции едва ли не больше Алексея, который застыл соляным столбом, представляя, как мать вскоре насядет на него и станет клевать мозг.

И только Надя заметила, как открылась и без того приоткрытая дверь, и на пороге квартиры возник Архипов. От его появления она испытала небывалое облегчение. Сейчас он казался ей спасителем, который увезет ее из этого дурдома.

— О чем она говорит, Леш? О чем? — крикнула вдруг свекровь, отчего у Нади заболели уши, и она прикрыла ухо.

Даже Архипов сморщился и прочистил свое ухо пальцем.

— Ты готова? — проигнорировал всех остальных людей и обратился к Наде Миша. Даже с Гдальским не стал здороваться. Выглядел хмуро, словно слышал многое из того, что здесь было произнесено.

— Да.

Надя кивнула и потянула за ручку чемодан. Покраснела от стыда, что он стал свидетелем этого некрасивого скандала.

— Так она еще и хахаля себе нашла? А я тебе говорила — не женись на этой лимите, проблем не оберешься!

Надя потеряла дар речи, хватая ртом воздух, но Архипов пришел ей на помощь снова. Схватил у нее из рук чемодан и заслонил от всех собой, поворачиваясь к Галине Никадимовной лицом.

— Приструни свою мать, Гдальский, раз ей родители не дали воспитания.

Надя не знала, вступился бы за нее Алексей, или кинулся бы в драку с Мишей, защищая мать, но в этот момент свекровь увидела лицо Архипова и отчего-то вскрикнула и завалилась назад, на Миру. Прикрыла глаза и, кажется, потеряла сознание. Будто призрака увидела.

Гдальский сразу же кинулся к матери, взял ее на руки и понес в гостиную. Несмотря на обиду и горечь, Надя была человеком, так что последовала следом, обеспокоенная состоянием пожилого человека.

— Видишь, до чего довела ее? — вдруг застонала Мира и прошла мимо, толкая бедром.

Надя удивленно посмотрела ей вслед и даже не стала препятствовать, когда та села около Галины Никадимовны.

— Надя, дай нашатырный спирт, — нервничая, произнес Леша и махнул ладонью.

Теперь этот жест показался ей признаком пренебрежения, но она проглотила язвительные слова и подошла к шкафу. Только убедится, что со свекровью всё в порядке, и уедет.

— Надя, вызывай скорую.

Приказной тон Гдальского начал вызывать у нее раздражение. Руки Миши в этот момент обхватили ее за плечи в поддерживающем жесте, и она глубоко задышала, вглядываясь в побледневшее лицо свекрови. Вроде не притворялась. Потянулась к телефону в кармане джинс, но женщина застонала и приоткрыла глаза.

— Не надо скорую, я... — слабо просипела и посмотрела поверх головы Нади. — Ле-е-ев.

Все замерли, не понимая, что происходит.

— Я вызываю скорую. У Галины Никадимовны бред, — нахмурилась Надя и стала набирать цифры на телефоне.

— Ле-е-ев.

Голос у свекрови был тихий и сиплый, но в тишине все отчетливо слышали ее слова и совершенно ничего не понимали. За исключением Архипова.

— Лев? — его брови удивленно приподнялись. — Вы знали моего отца?

Надя замерла, так и не нажав на сенсорную кнопку вызова. Алексей и вовсе с вопросом в глазах посмотрел на мать, но та не отрывала своего взгляда от Миши.

— Лев — это мой отец. Мама говорит, я его полная копия, — пожал он плечами и пояснил нам.

Надя нахмурилась, чувствуя внутри странное оцепенение. Ей казалось, что сейчас она ухватит мысль за хвост, но сколько бы ни думала, так и не поняла, что же именно ее смутило.

— Так, мам, лежи, врач же сказал, что тебе нельзя нервничать. Проблемы с сердцем — это не шутки.

Алексей завертелся вокруг матери, положил ей под голову еще одну подушку и будто забыл о ситуации, которая царила вокруг. Мира сидела с гордо выпрямленной спиной, наслаждаясь тем, что за руку ее держала Галина Никадимовна. Смотрела на Надю, взглядом говоря, что свекровь поддержки ищет у нее, у Миры, а не у Нади.

Хотела бы Надя сказать, что ее это не цепляло, но было неприятно, что всё сложилось настолько некрасиво. Впервые порадовалась, что сестра находилась в коме. Увидь она, что учинила ее непутевая дочь, слегла бы с инфарктом или инсультом от стыда. И где же они с Аленой упустили девочку? Разве ж не давали ей всё самое лучшее, как единственному ребенку в семье? Разве этому учили? Чужих мужей из семьи уводить?

— Надя, мы на рейс опаздываем.

Хриплый тон Архипова выдернул женщину из тягостных дум, и она подорвалась с облегчением. Видя, что свекрови лучше, и с ней ее состояние никак не связано, Надя

позволила Мише взять ее чемодан, а сама пошла следом.

Гдальский и не заметил ее ухода, обмахивая мать журналом, а вот Мира, под предлогом принести воды с кухни, вышла за ними и прикрыла дверь в гостиную.

— Удачной вам командировки, — девчонка улыбнулась Архипову, демонстрируя белоснежный оскал.

Надя поморщилась, слыша этот неприятный голос, излишне манерный и чересчур доброжелательный, когда его хозяин переступил черту, за которой видно, что он неискренен. Да и эта странная интонация при слове “командировка”, что она имела в виду?

— Миш, ты иди, я догоню.

Архипов ушел нехотя, но препятствовать разговору родственниц не стал.

— Что с тобой произошло, Мира? — выдохнула Надя, пытаясь отыскать на лице племянницы хоть каплю раскаяния. Она ожидала, что та извинится и скажет, что всё вышло случайно, но как только мужчина ушел, оставив их наедине, выражение лица девушки моментально изменилось, словно она сбросила маску, которая ей порядком надоела. Глаза стали холодными, лицо злым. Такой Миру Надя никогда не видела.

— А с тобой, Надя? Ты в зеркало на себя давно смотрелась?

Девушка вздернула бровь и презрительно обвела тетку взглядом. Теперь ей не было нужды притворяться. Самое главное, на ее стороне Галина Никадимовна, и уж с ее помощью они вставят Леше мозги на место.

— Мира, — Надя ахнула от прозвучавшего оскорбления.

— Что, Мира? Я молодая, красивая, к тому же не бесплодная, как ты. А ты чего хотела, своими борщами удержать такого мужчину, как мой Леша? Каждый должен знать свое место, Надя. Если ты неполноценная женщина, то грех тянуть за собой вниз мужика, который может осчастливить достойную женщину.

Наде стало так больно, как не было даже при виде их соития с ее мужем. Слова, казалось бы, родного человека, которого ты практически вырастила, ранили сильнее. Рукоять, которую племянницы воткнула в ее грудь, всё поворачивалась, касаясь зазубринами органов, но Надя моргнула пару раз и прогнала слезы. Будто бы выплакала уже почти все.

— Достойную? — прохрипела. — Это тебя, что ли?

Голос звучал тихо и безлико, без капли злости.

— Естественно.

Воцарилась недолгая тишина. Надя вглядывалась в лицо Миры и не находила там ничего, что могло бы удержать ее от последующих слов.

— С этого дня ты для меня умерла, Мира. Когда я приеду из командировки, чтобы духу твоего в моем доме не было. Я ясно выразилась?

На этот раз голос звучал четко и равнодушно, как говорят с незнакомцами, от которых хотят поскорее избавиться.

— Не смей, — фыркнула девчонка, еще не понимая, куда себя загнала своими же руками. — Но я спишу это на шок, Надюш. Не переживай, когда ты вернешься, твои вещи будут ждать тебя у порога. А нет, я попрошу Лешу отвести их к маме. Я не такой изверг, ты же моя тетья, можешь пожить там, пока не обустроишься. Чао.

На этой ноте Мира ушла в кухню. Надя еле сдержала порыв броситься следом и схватить ее за наглуую волосню и оттаскать по всей комнате, но напомнила себе, что племянница беременна. Такой грех на душу Надя брать на себя не хотела.

— Ты меня услышала, Мира, — прорычала напоследок и злая выскочила из квартиры,

громко при этом хлопнув дверью. Даже лифт ждать не стала и на всех парах сбежала по лестнице.

Ее одолевала злость, ярость, ненависть, но когда она спустилась вниз и вышла на улицу, нацепила на лицо маску безразличия. Миша не виноват, что в ее жизни такой бедлам. Будет нечестно с ее стороны вешать на него свои проблемы. Вот только Архипов слишком хорошо знал женщину, так что его было напускным равнодушием не удивить. Он прекрасно видел, как Наде плохо, и лучшее, что мог сделать — молчать, позволить ей успокоиться. Так и они поехали в полном молчании до аэропорта.

Как только за Надей захлопнулась дверь, Мира вышла из кухни с бокалом воды. В этот же момент из гостиной выскочил Алексей. Глаза навывкате, вид ошарашенный, словно за ним гнались черти.

— Леш?

Голос девчонки неуловимо изменился. Стал игривее и мягче. Не узнать той стервы, которая позволила себе нагрубить старшей родственнице.

— Где Надя?

Гдальский был настолько раздавлен, что сил на агрессию в сторону Миры уже не оставалось.

— С Архиповым пять минут назад уехала, — пожала плечами и преувеличила, чтобы Леша не вздумал бежать за своей будущей бывшей женой. Уж она-то, Мира, к этому руку приложила и еще поднажмет.

— С Михаилом? — побледнел Гдальский и осел на пол, хватаясь за голову. Пропустил сквозь пальцы волосы и потянул их в разные стороны, словно не мог переварить вываленную на него информацию.

— Ну да, еще вчера решено было. Командировка, ты забыл?

Мира, не понимая, что отсутствие нападок на нее никак не связано с потеплением в их отношениях, сделала оплошность, подойдя к мужчине и положив ладонь на его плечо.

— Всё хорошо, Леш, я поговорила с ней. Она поживет пока в квартире моей мамы. А насчет Галины Никадимовны не переживай, сейчас воды ей дам, а потом чай заварю.

Гдальский дернулся и поднял голову, отчего Мира отшатнулась. Не ожидала увидеть в его глазах бездну ненависти.

— Собирай свои вещи и убирайся. О своей матери я позабочусь сам, — произнес он холодно и кивнул в сторону гостевой спальни, намекая, чтобы девушка занялась этим немедленно.

— Но... — схватилась руками за живот. Демонстративно. Но Алексея было не пронять.

— Знаешь, Мира, я даже скандалить с тобой не хочу. Уже понял, что ты пиявка, которая высасывает кровь. Хотя нет, неправильное сравнение, пиявка ведь плохую кровь отсасывает, а ты жилы и энергию тянешь. Настоящий вампир. И не голливудский, а стокеровский.

Мира поначалу улыбнулась, вспомнив Розали из Сумерек, а затем нахмурилась, не понимая, о чем он говорит. Гдальский и не удивился. Девчонка явно не обременена интеллектом и о слове книги знает лишь из чужих уст.

— Спасибо, ***, что втянула мою мать, век не забуду, — Алексей поднялся и сделал шутливый поклон, тон у него был издевательский. — Но не думай, что так лихо всё провернула. Думаешь, рассорила меня с Надей и будешь жить припеваючи за мой счет? Здесь? В квартире, которую я покупал вместе с ней?

Судя по обескураженному выражению лица Миры, именно так она и думала.

— Но ты ведь один платил, — подала тихо голос.

— А ты в мой карман не лезь! — мужчина рявкнул, заставив ее втянуть голову в плечи. — Собирай манатки и проваливай!

— Но Галина Никадимовна...

— Что Галина Никадимовна? Нашла себе защитницу в ее лице? Мама!

От его рыка, казалось, даже стекла задребезжали. Не прошло и десяти секунд, как из гостиной появилась пожилая женщина. От той бледности и следа не осталось. Наоборот, выглядела она зло и рассерженно.

— Хотела внука?! — Гдальский впервые так едко разговаривал с собственной матерью. — Так, вперед, и с песней. Вот тебе Мира, вон в той комнате ее вещички, в ее утробе твой внучок, она теперь будет жить у тебя. Этого ведь ты хотела?

Мира в шоке открыла рот, но даже произнести ничего не могла. Такой расклад ее категорически не устраивал.

— О чем ты говоришь, Алексей? У ребенка должна быть полноценная семья. Мама и папа.

— А, то есть, об этом ты думала, когда сказала мне, что отец умер?

Гдальская-старшая посмурнела, не верила, что ее сын посмел такое сказать ей в лицо.

— Я считала, что поступаю правильно! — гордо вздернула подбородок. — Но, видимо, где-то упустила тебя, раз его кровь выиграла в тебе, и ты пошел по его стопам. Благо, у вас с Надей нет детей. И я не позволю тебе совершить ту же ошибку, что и я. У вас с Мирой будет полноценная семья!

— А почему же с Мирой? Про Диму уже забыла? Твой первый внук, мой первенец от Карины, если что.

— Мальчик уже взрослый, тебя никогда не знал, а сейчас у тебя есть возможность всё начать с нуля, сын. Ты сможешь увидеть, как твой сын делает первые шаги, как он родится, в конце концов. Еще неизвестно, от кого эта Карина нагуляла своего Димочку. Может, и не от тебя вовсе. Ты ДНК делал?

Галина Никадимовна не желала признавать свою неправоту, но сейчас всю себя оправдывала. Да, поначалу, увидев молодого Льва, своего бывшего мужа, воочию, потеряла сознание от потрясения, но когда расспросила у Лешки, что да как, окончательно убедилась, что этот Архипов — плод любви ее Льва с той потаскухой, к которой он и ушел, когда она, Галина, его спалила и выгнала с вещами. Обида жгла ее изнутри, и она ни за что не призналась бы сыну, что это она его выгнала, а не он сам ушел. Влюбился, видите ли, но готов был остаться в семье ради сына. Вот только она так сильно злилась, что видеться с Лешей не разрешала, еще чего, вот если вернулся бы, тогда и зажили бы, как ни в чем не бывало.

— Я плачу официальные алименты, мама. Как ты думаешь, делал ли я ДНК-тест?

Гдальский злился и не мог найти выхода для своего гнева. Прошло почти тридцать лет, а мать ошарашила его таким заявлением. Даже не покаялась, что стала виновницей того, что он никогда не знал собственного отца.

— Почему ты не сказала мне, что он жив?

— А зачем? Чтобы ты что сделал? Пошел к нему на поклон? За тридцать лет он тебя ни разу не навестил, ты ему и сейчас подавно не нужен. Вон у него есть сынок, Михаил, думаешь, нужен ты ему? Хочешь милости выпрашивать, да?

В Галине Никадимовне до сих пор говорила обида. Но сейчас превалировал стыд. Она ни за что бы не призналась Леше, что Лев долго пытался наладить контакт, увидеться с ним, и только она виновата в том, что этого не произошло. Нет, качнула она головой, не она виновата, а он, который не смог удержать свой стручок в штанах.

— А я тебя люблю, Алексей. Я твоя мать. Мира тебя любит, мы обе тебя любим. Так что не глупи и дай мне корвалолу, что-то сердечко у меня расшалилось.

Она часто раньше манипулировала здоровьем, когда хотела добиться чего-то от сына, но в этот раз Гдальский был слишком зол.

— Двойные стандарты в тебе говорят, мама. Я уже и не знаю, могу ли верить твоим словам, — произнес он с горечью. — Но я больше на поводу у тебя не пойду. Нужна Мира и внук? Забирай. А я умываю руки. И не вздумай звонить Наде, я тебя знаю. Больше не смеё вмешиваться в мою личную жизнь. Я сам разберусь. Чтобы когда я вернулся, вас обоих не было.

Высказав всё, что накипело, Алексей надел обувь и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

Мира хлопала непонимающе глазами, но одно поняла точно. Алексей и Михаил — единокровные братья. По сплетням из офиса она знала, что отец у Архипова весьма состоятельный. То есть, если Леша начнет с ним общаться, то... Крамольные мысли так и вертелись в голове у девчонки, которая не обратила внимания на крики Леша. Она уже столько раз слышала его категоричные слова, и что с того? Вон где она сейчас, завладела поддержкой Галины Никадимовны. Никуда он от них не денется.

— Идем, Мира, завтра вернемся, сегодня Леша не в духе, — грузно вздохнула и накинула на себя шаль женщина.

— Вы идите, Галина Никадимовна, а я дождусь любимого. Приготовлю ему плов, который он так любит. Не переживайте, я ведь его ребенком беременна, он просто злится, что всё пошло не по его плану. Вы же знаете этих мужчин. А насчет Димы мне кажется, что эта Карина его обманывает. Ну шесть лет прошло, разве ж стала бы она столько лет скрывать? Наверняка просто деньги с него сосет. Давайте вместе завтра сходим к ней, я и адрес раздобыла.

— Адрес? Да-да, хорошо, — рассеянно кивнула Гдальская и вышла, оставив Миру одну в квартире сына.

В иной раз она бы разозлилась на самоуправство своей будущей молодой невестки, но ей было не до нее. Внуки для нее отошли на второй, даже на третий план. В ее сердце снова началась неразбериха. Казалось, воспоминания о Льве она похоронила давным-давно, но теперь он явился к ней в виде молодой копии. Интересно, как Лев поживает? Она даже разозлилась, когда поняла, что все ее пожелания ему вслед не сбылись. Это что же получается, она всю жизнь жила впроголодь и воспитывала сына одна, в то время как какая-то потаскуха наслаждалась благами, которые ей организовал Лев? Если всю жизнь Галина могла тешить себя надеждой, что Лев спился, изменил новой женушке и бросил ее, то теперь реальность приобретала иные очертания, где лишь она осталась у разбитого корыта.

Мира готовить плов не стала. Еще чего. Для этого есть доставки, которые работают, благо, круглосуточно.

Ждать пришлось долго. Еда приехала за час, а вот Леша не было часа три, не меньше. Вернулся он за полночь, Мира успела даже прикорнуть.

— Леш, — выскочила из супружеской спальни плавно, стараясь продемонстрировать все прелести жизни с молодой.

Пока его не было, успела поменять постель, так как спать на простынях Нади не собиралась, надеть на себя красный сексуальный пеньюар и даже накрутить волосы. Брак ей виделся именно таким.

— Что ты тут делаешь? Я неясно выразился? — грозно произнес Гдальский, надвигаясь на девчонку в плохом расположении духа.

К разочарованию Миры, он был трезв. Будь иначе, она бы попыталась его соблазнить, но в таком состоянии он бы вряд ли поддался, слишком уж тяжелый был день.

— Ты сам меня привел сюда, и я никуда не уйду. У нас была договоренность, что вы с Надей заберете ребенка, а раз этого не будет, то воспитывать я буду сама.

— Воспитывай, — насмешливо сказал Гдальский и сложил на груди руки. — Кто ж тебе мешает? Я тут причем?

— Так это же Надя отказалась, а ты отец, значит, должен взять на себя ответственность.

— Может, тебя вниз головой в детстве роняли, скажи мне? Ты запомнила, что именно ты виновата в том, что никто твоего ребенка усыновлять не будет? И не нужно сейчас разыгрывать спектакль, зрители разъехались. Ты противоречишь сама себе.

Мира открыла и снова закрыла рот, понимая, что окончательно запуталась в линии поведения, которую стоило избрать с Алексеем.

— Давай не будем ругаться. Я плов приготовила.

— Я не слепой и видел визитку доставки на тумбе. К твоему сведению, Надя всегда сама готовила. Даже если предположить, что я был бы с тобой, как ты себе представляешь брак?

Мира, услышав заветные слова, пропустила самое главное и воспряла духом.

— Я бы никогда тебя не разочаровала, Леш. Всегда бы красиво одевалась, красилась, ухаживала за собой. Мы бы няню для Макарички наняли, уборщицу и кухарку еще, конечно.

— А губа не треснет?

Гдальский скривился.

— Зачем ты грубишь, любимый? Это же всё для тебя, чтобы я красивой всегда оставалась. Сразу же после родов в спортзал пойду, чтобы быстро прийти в форму. Ты не пожалейшь, что меня выбрал, Леш.

— Выбрал? Я тебя не выбирал. Я лишь раз оступился и обрел столько проблем, — мужчина качнул головой и стиснул пальцами переносицу.

— Два раза, — возразила Мира, выставя два пальца перед собой.

— Два...

Гдальский выдохнул, желая испариться с лица земли. Как никогда, он сейчас сожалел, что позволил девчонке войти в его семью. Как знал, терпеть ведь ее не мог, а всё равно поддался уговорам Нади. А ведь в этом и доля ее вины есть. Не доверяй она слепо своей племяннице, ноги бы ее не было ни у них в квартире, ни в офисе. Вот только что уж теперь...

— Дура ты, Мирка, просто дура набитая.

Даже злиться у него не было сил. Он понял, что девчонка перед ним — непроходимая тупица в розовых очках. Вот так походя разрушила несколько судеб и даже не понимает, в чем не права. Да и он тоже хорош. Не мог орудие в штанах удержать.

— Леш. Даже Галина Никадимовна на моей стороне. Видит, кто тебя ценит сильнее. Она мать, плохого тебе не пожелает.

— Не обманывайся, Мира, она просто хочет внука, на тебя ей плевать. Уж поверь, вздумай я на тебе жениться, брак — это не то, что ты там нарисовала у себя в голове. Никаких тебе уборщиц, кухарок и тем более нянек. Мать меня одна вырастила, так что всё равно этого не одобрила бы.

— Я не позволю ей вмешиваться в нашу жизнь, — выпятила внушительную грудь девчонка, а Леше вдруг стало ее жаль. Жизнь ее еще не помотало, но она сама ворвалась в это адское колесо. Вот только это нелепое чувство было быстро вытеснено агрессией, когда

он вспомнил, что ценой тому вся его семейная жизнь, которая улетела коту под хвост.

— Бог тебе мозги при рождении не дал...

Алексей на секунду прикрыл глаза. У него разболелись виски, он их помассировал и отстранился, когда почувствовал, что Мира захотела его коснуться.

— Я просто люблю тебя, Леш.

Мира, видя тоску на лице любимого, распахнула перед ним душу, но в ответ мужчина лишь усмехнулся и скривился, словно напился лимонной кислоты.

— Ты хотя бы знаешь, что такое любовь, Мира? Вот мы с Надей любили друг друга, а ты влезла своими погаными лапами и всё испортила. И как? Нравится тебе то, что получилось? Чего же ты хотела?

Мужчина наседавал на девицу, заталкивая ее внутрь спальни. Подметил и чистые только застеленные простыни, и внешний вид Миры, и всё это вкупе разозлило его сильнее.

— Любили? — вдруг взбрыкнула девчонка. Как же ей надоело сдерживать свой нрав. — Не смей меня! Если бы любил свою клушу, не залез бы на меня даже по пьяни! Тебе ведь нравится мое молодое тело, красивое, сочное, не то, что у Нади твоей, да? Вот где ваша мужская любовь заканчивается! Вот!

Вместе с криками она срывала с себя одежду, пока окончательно не осталась полностью обнаженной, даже без трусиков. Глаза Гдальского потемнели, он волей-неволей скользнул взглядом ниже, упираясь в заветный треугольник волос между женских ног. Усилием выдержки поднял взор выше, но всё равно засмотрелся на стоячие груди. Су*ка.

— Не сравнивай похоть с настоящим чувством, Мира. Такая, как ты, никогда этого понять не сможет.

Не став испытывать судьбу, Гдальский ушел в самую дальнюю комнату. Как назло, это была та самая, которая принадлежала девчонке. Ему бы выгнать ее в зашей из дома, но он был обессилен и хотел спать. К тому же опасался, что мог наломать дров и загреметь в тюрьму. И только в глубине души признался себе, что больше всего боялся залезть на девчонку. В последнее время им всё больше завладевала похоть.

Мира была слишком расстроена, чтобы заниматься соблазнением Леша, оделась и легла спать. Решила оставить все вопросы на утро. Подметила в голове перед сном, что Михаил с Надей должны были только вылететь, и лишь через три часа их ожидал сюрприз, который она им устроила. С последствиями, конечно же.

Надя

Весь полет Надя не могла не уснуть, чего не скажешь о Мише. Всё время она вертела в голове произошедшее и так, и эдак, и каждый раз возвращалась к одной и той же теме. Миша ведь и правда Львович. А Галина Никадимовна, когда говорила об отце Леша, называла того Львом. Неужели...

Надя не решилась ничего спросить у Архипова. Слишком личный вопрос. К тому же откуда бы Мише знать подробности почти тридцатилетней давности.

— Прилетели, Надь, просыпайся.

— Я не сплю.

Надя, услышав голос друга, сразу же подорвалась и чуть не ударилась о багажный отсек сверху.

— Осторожнее.

Архипов был тут как тут, сразу же подставил ладонь, избавив ее от тупой ноющей боли от удара. Он всегда таким был. Внимательным, заботливым. И почему Надя раньше не обращала на это внимания? По молодости ей казалось, что дружбу лучше не портить отношениями, вышла замуж по зову сердца, не глядя на совместимость между ней и Лешей, и что она получила в итоге? Только разбитое сердце.

— Спасибо, Миш... То есть, Михаил Львович.

Надя даже оглянулась по сторонам, проверить, не заметил ли кто. Сразу и не поняла, что они не в офисе, а вокруг множество незнакомых людей, которым не до них.

— Брось это, Надь, мы же не на работе.

Мужчина насмешливо изогнул бровь. В его взгляде, которым он смотрел на нее, женщине чудились бесенята. Те самые, которые когда-то горели и в ее глазах.

— Но командировка у нас рабочая, как никак.

Она поджала губы, но препятствовать помощи друга и по совместительству начальника не стала. Пока они ждали чемоданы, пока добирались до отеля, Надя держалась изо всех сил, чтобы не показать, как ей плохо, больно и страшно из-за неизвестности. Ближайшие несколько дней она будет вся в работе, а затем ведь на нее обрушится ужасающая реальность. Они вернутся в город, ей придется приехать в квартиру, в которой она прожила последние пять лет, а дальше что?

Да, она подала на развод, им дадут месяц, это обычная процедура, но вот что ей делать? Раньше она никогда не думала, что ее настигнет участь разведенки, и плана Б на всякий случай у нее не имелось.

— Будешь хмуриться, морщинки раньше времени появятся, Надюш.

Голос Архипова раздался, когда они как раз оказались перед входом в помпезный отель. Ну да, другого от Миши нельзя было ожидать. Только самое лучшее, дорогое и качественное.

— Да как тут не хмуриться, когда жизнь летит в бездну.

— В бездну? Слишком громкое слово для развода, — хмыкнул мужчина.

— Тебе не понять, Миш. Ты ведь не женщина. Тем более, не та, которая сидела пять лет дома, даже не в декрете.

Горечь так и проскальзывала в женском голосе, с чем она ничего не могла поделать. Эмоции всё равно прорывались наружу, как бы она не пыталась их гасить.

— Так, Надь, — Миша остановился, поставил оба чемодана и обхватил девичье лицо крупными ладонями. — Не вздумай себя винить. В этой истории козлы Гдальский и твоя даванница.

— Чего?

— Ну давалка-племянница, как ее еще назвать, если не так, м?

Не знаю, почему, но его самобытное слово, которое он явно неудачно придумал на ходу, Надю развеселило, и она расхохоталась. На грани истерии, но выплескивая при этом застоявшийся внутри негатив. Аж слезы на глазах от смеха выступили.

— Прости, это нервное.

Надя пальцами вытерла влагу с уголков глаза и подняла взгляд вверх. А Миша высокий, даже выше Леша. И глаза у них чем-то схожи. Почему она раньше не замечала, что Гдальский похож на Архипова? Такой же широкоплечий, фактурный, вот только с возрастом Мише уступал, ведь последний, кажется, делал упор на физику, не только качался в тренажерке, но и занимался единоборствами. По нему сразу видео, тело не просто для красоты.

— Всё хорошо, Надь. Ты молодая здоровая женщина. Всё у тебя получится, и забеременеть, и родить.

— Не надо, Миш, я похоронила эту идею. За пять лет не вышло, ни к чему снова раны беречь.

— Мужчина рядом просто не тот, — флегматично ответил Миша и пожал плечами, после чего подхватил чемоданы и занес их в фойе отеля, где к нему сразу же подбежал сотрудник, перехватывая сумки.

Гдальская вошла следом, озадаченная его словами. Ей показалось, или это был жирный намек на себя? Надя встряхнула головой, прогоняя эти бредовые мысли. У Миши девушка есть, он сам сказал. К тому же, она и правда уже не та молоденькая девочка, вид у нее не тот. Если уж муж, который клялся ей в верности перед алтарем, изменил с более красивой и эффектной, то чего ожидать от других. Не мог Миша на нее смотреть таким плотоядным взглядом, словно хотел ее съесть. Не мог и всё тут.

— Добрый день! Вот ваша ключ-карта, пятый этаж.

Девушка на ресепшен вежливо улыбнулась, поглядывая на Архипова с интересом, сразу же подметила и отсутствие кольца, что не очень понравилось Наде, но она промолчала, лишь обратила внимание на самое важное.

— У нас один номер? — задала вопрос и нахмурилась.

— Да, для новобрачных, как и заказывали.

— Что?

Всё это время Михаил молчал. Крутил в руках карточку, а затем увидел панику на лице Нади. И выдохнул, прогоняя мечты из мыслей.

— Скорее всего, произошла ошибка. Проверьте еще раз. У нас рабочая командировка, и наша сотрудница должна была заказать нам два отдельных супер-люкса.

Брови Нади от удивления улетели вверх. Супер-люкс? Она и раньше ездила по командировкам, да и частенько Лешу отправляла в путь, но таких шикарных условий ни ей, ни ему не предоставляли. Странные дела.

— Ошибки нет. Бронь зафиксирована даже официальным письмом. Это ваш электронный адрес?

К ним повернули монитор, и Архипов кивнул.

— Видимо, произошла ошибка в нашей компании, — произнес Миша, не став спорить, а пытаясь выкрутить из сложившейся ситуации как можно плавнее. — Предоставьте нам два свободных номера.

— Супер-люкса больше нет. Только номер для новобрачных.

— Люкс?

— К сожалению...

— Хорошо, стандарт?

— Нет.

— Эконом?

Порядком раздраженный, Архипов застучал пальцами о столешницу.

— К нам приехала делегация из Кореи, так что свободных номеров нет, остался только номер для новобрачных, — качнула головой девушка.

Даже Надя начала закипать. И зачем сотрудница вообще тратила их время, сразу нельзя было сказать всё это?

— Надь? — посмотрел на нее вопросительно Архипов.

— Ну если это единственный вариант.

Голос Гдальской звучал неуверенно, но она всё равно пожала плечами, принимая действительность, как она есть. Нет, не будь разлада между ней и мужем, она бы категорически отказалась, чтобы не вызывать в Алексее ревность. Но сейчас Наде было не за что цепляться. И она так сильно хотела спать, что в сущности ей было плевать, что в одной комнате с ней будет спать Миша. Ему она доверяла, так что страха не было.

— Хорошо, давайте его.

Они уже расположились в номере, когда Надю посетила мысль. А кто делал бронь? Кто этот бестолковый?

В это же время Архипов мылся в душе и улыбался, радуясь мерзопакостному характеру Миры, которая хотела скомпрометировать тетку перед мужем, но вместо этого сделала одолжение ему, Мишке Архипову. Конечно, приставать он к своей девочке не будет, но вот вдыхать аромат ее волос во время сна — лучшее, что случится с ним за последние годы. Все эти временные спутницы — ничто по сравнению с Надей, о которой он так долго грезил. И если Алексей такой идиот, что упустил ее, то Миша дураком не будет и не предоставит ему и шанса загладить свою вину.

Пока Архипов мылся в душе, Надя разбирала чемодан. Когда открыла его, вся покраснела, кляня на чем свет стоит собственное зрение и Тайку. Черт, захватила с собой только сексуальные пеньюары, которые они вместе с подругой купили, чтобы Надя могла соблазнить Лешу, а вышло так, что придется Мишу. Она покраснела, прикусывая язык, который был тут не при чем, ведь всё это пронеслось только в ее буйном воображении. Гормончики на фоне стресса-то поди шалят, Надежда Гордеевна. Успокоительное, что ли, принять.

— Добрый день, подскажите, у вас не найдется валерьяночки? — позвонила на ресепшен, и нужное принесли как раз до того, как из душа вышел Миша.

Вот только за суматохой и принятием таблетки она забыла, что так и не распаковала сумку, так что когда Архипов вышел из ванной, ему открылся прекрасный обзор на разложенные на единственной двуспальной кровати тряпочки и кружева, гордо именуемые нижним бельем. Мужской кадык дернулся, но он был бы не собой, если бы не улыбнулся и не открыл рот в привычной ему манере.

— Воу-воу, Надюш, тяжелая артиллерия? Обижаешь, я всегда из без этих штучек готов. Хотя должен сказать, что буду не прочь увидеть тебя, скажем, в этом безобразии, — подошел к постели и задумчиво подцепил пальцем красный комплект.

— Миша! — прошипела, покраснела Надя и попыталась вырвать у него из рук белье. — Отдай! Сам же сказал, что безобразии. Я случайно понапихала всё это в чемодан. Кто ж знал, что первое, что попадет в шкаф — обновки.

— То есть твой муженек тебя в этом не видел?

Морда Архипова стала весьма довольной, весь он аж загордился, грудь колесом, а в глазах засияло торжество и предвкушение. Вот только всего этого Гдальская не увидела, всё ее внимание было сосредоточена на кружевах, которые он продолжал держать в руке, которую поднял так высоко, что с Наде с ее ростом было даже в прыжке не достать.

— Не видел, — выдохнула она, изрядно запыхавшись и не заметив в чужом вопросе подвоха.

— Великолепно.

Мужской голос охрип, а кулак сжался сильнее. Отчего-то Наде померещилось, что Миша боролся с желанием поднести белье к носу, до того сильно крылья его носа раздувались. Вот только когда она столкнулась с его взглядом, лишь подняв голову, все сомнения отпали прочь. Оттуда на нее смотрел зверь, голодный до плоти.

— Миша, — просипела и вскинула руки, которые так и зависли в воздухе. То ли хотела обнять мужские плечи, то ли оттолкнуть друга, ударив ладошками в грудь. Надя не знала, что могло произойти дальше, но в этот момент их единение прервал стук в дверь.

— Еду привезли. Держи, соблазнительница, я открою.

Архипов подмигнул ей как ни в чем не бывало, отдал белье и зашагал к двери. И только сейчас Надя обратила внимание, что всё это время он был обнажен. Только полотенце держалось на узких бедрах, грозя вот-вот свалиться на пол. Мужские пальцы поправили махровую ткань, запахивая плотнее прежде, чем открыть дверь доставщику, а затем Надя отвернулась, быстро складывая вываленное на постель белье. И ничего она на ямочки над его ягодицами не пялилась. И на полуоткрытые из-за спущенного полотенца полупопия тем более. Кто ж виноват, что взгляд машинально опустился, стоило ткани слегка соскользнуть. И стекающие капли по коже спины не провожала взглядом. Глупости!

— Я всё, — утрамбовав вещи в чемодан, Надя решила заняться распаковкой позже. Когда рядом не будет Архипова, который, казалось, зыркает тут коршуном.

— Что это?

Миша вертел в руках таблетки, которые ей принесли сотрудники отеля, и хмурился.

— Успокоительное, написано же.

— Могла бы лучше меня попросить, чем травить себя химией.

— В смысле?

Друг не ответил. Только характерно двинул бровями, намекая на то самое.

— Миша! — возмущенно крикнула Надя и замахала руками. — Как был пошляком, так им и остался. И не стыдно тебе? Почти тридцать, а всё туда же.

— А с возрастом я должен превратиться в пенсионера, у которого аллергия на секс? Весьма приятное занятие, должен тебе напомнить, Надюш.

— Ой всё.

Надя сморщилась и закатила глаза, а сама направилась к аппетитно пахнущему уже накрытому столу. Время, конечно, четыре часа утра, но встреча у них завтра назначена на

восемь утра, а кушать среди незнакомцев ей особо не нравилось. Так что, когда Архипов предложил то ли поужинать, то ли уже позавтракать, отказываться не стала. Казалось, с самого обеда у нее и маковой росинки не было во рту.

— Надю-ю-юш?

Пока она садилась, Архипов подошел к ней ближе и положил ладони ей на плечи. Она напряглась, чуя подвох в его голосе. И не ошиблась, так как следующий вопрос вогнал ее в краску. Благо, сидела она к Мише спиной, и он не увидел, как сразу же запунцовели ее щеки.

— Странная у тебя реакция. А ты с Лешкой удовольствие-то получала? Или так? Потыкались и баиньки?

Гдальская открыла рот, судорожно хватая ртом воздух, но опровергнуть чужое предположение не могла, ведь так оно и было. Нет, секс — это приятно, но ничего особенного, чтобы посвящать этому событию песни и стихи. А уж о пресловутом оргазме и говорить нечего. Это было не для нее. Надя уже давно смирилась, что частично фригидна.

— Твои красные щеки говорят за тебя лучше всяких слов.

Пока она вспоминала, Миша уже сел напротив и с интересом наблюдал за мимикой ее лица.

— Это тебя не касается.

Женщина поджала губы и схватила приборы, сразу же протыкая вилкой отрезанный кусок стейка. Набила им рот, чтобы не пришлось ничего говорить.

— Ох, Надь, ты не представляешь, чего тебя лишил Гдальский.

Миша никак не желал утомиться и продолжал ее подначивать, и на это ей даже сказать было нечего. Не защищать же изменника и предателя, правда?

— Закрыли тему, Миш. Моя личная жизнь тебя не касается.

— Зря.

— Ешь молча, — раздраженно уже произнесла Надя и не нашла ничего лучше, как свою вилку с наколотым на острие мясом поднести ко рту Архипова и протолкнуть между его губ. И только когда его глаза сверкнули в ответ обжигающим огнем, поняла, что натворила. Ох, Надя-Надя.

— И таблетки эти брось, ты знаешь, куда обратиться за успокоительным. Лучше всяких лекарств помогу, — заиграл бровями и посмотрел на кровать.

Надя снова покраснела, словно девочка в пубертате, и потянулась к бокалу с вином. Несмотря на излишнюю словоохотливость Архипова, за дамой ухаживать он умел.

— Черт, — поперхнулась она, вспомнив, который час. — Михаил Львович, побойтесь бога, почти пять утра, какой алкоголь? Не забывай, что у нас в восемь встреча рабочая.

— Не переживай, я перенес на час дня. Как раз пообедаем с ними в ресторане.

— И когда ты только всё успеваешь, — пробормотала Надя и расслабилась, стараясь не акцентировать внимание на кровати.

— Не мужчина, а находка, Надюш.

Гдальская промолчала, а сама насторожилась, впервые начиная думать, что все эти шуточки, которые всегда были свойственны Архипову, сейчас принимали совершенно иной оборот. А может Наде не показалось, и он всерьез?

— Твоей девушке очень повезло, Миш, так что тебе лучше поспать на полу, иначе она будет ревновать.

В груди Нади заворочались отголоски ревности, на которую она не имела права, но она списала это на привычку, что друг всегда рядом и никуда не денется. Раньше у него никогда

не было серьезных отношений, сколько бы она не спрашивала, есть ли кто на горизонте, он всегда пожимал плечами и убеждал, что умрет бобылем.

— И не жалко тебе мой позвоночник, женщина?

— Поверь, больным позвоночником ты не отделаешься, если она узнает, что мы с тобой спали в одной кровати. Мне-то ладно, всё это уже неважно, брак и так трещит по швам, а ты впервые завел серьезные отношения.

— Мы расстались, так что давай проявим друг к другу солидарность и сладко поспим, окей?

Гдальская не успела даже кивнуть, как Архипов встал и потянулся, хрустя позвонками и вытягиваясь вверх.

— Мог бы и одеться для приличия, — буркнула, делая поспешный глоток стоявшей на столе бутилированной воды. Скрывала за псевдогневом чувство неловкости за реакцию своего организма на чужое обнаженное тело. И не просто тело, а мужское. Рельефное, гладкое, к которому так и тянуло прикоснуться пальчиками. Проверить, такой ли он твердый на ощупь, как на взгляд.

— Я привык спать голым, Надюш, люблю, чтобы тело дышало, знаешь ли. В общем, я в постель, а ты присоединяйся, как будешь готова.

На этой ноте Архипов снял полотенце и кинул его на тумбу, расправил кровать и как ни в чем не бывало скользнул под одеяло.

Совершенно голый!

Даже без трусов!

И нечего думать об этих накачанных ягодицах, Надя! Ты всё еще замужняя дама! Мысленно кричала у себе в голове Гдальская, а сама нет-нет бросала торопливые взгляды на Мишу, который прикрыл себя ниже бедер, оставив обнаженным торс, запрокинул одну руку за голову, подложив ее под затылок, отчего бицепсы стали еще рельефнее и соблазнительнее. Вторая же рука покоилась на животе, аккуратно над пупком, привлекая внимание к жесткой поросли волос, уходившей прямо под простынку.

Пока она пялилась, не имея сил отвернуться и пользуясь тем, что глаза у друга закрыты, он в этот момент убрал с торса расслабленную ладонь и похлопала около себя, по второй половине ставшей вдруг крохотной из-за его габаритного тела кровати.

— Идем спать, Надюш, завтра тяжелый рабочий день.

— Я... Я... — в горле у женщины пересохло, она его промочила и продолжила сиплым голосом: — Я в душ, позже вернусь.

Надя сбежала в ванную комнату и быстро залезла под прохладные струи воды, пытаясь себя таким образом успокоить. Даже не знала, почему терпела подобное отношение Архипова. Будь на его месте кто другой, она бы ни за что не поселилась с ним в одном номере, а уж тем более, не позволила бы какому-то мужлану спать с собой в одной кровати. Еще и голым! Какое бесстыдство! Даже Леша себе такого не позволял, всегда надевал шелковые пижамы, которые она ему покупала.

При воспоминаниях о былом у Нади защемило в груди, защипали глаза, и она зажмурилась, прокручивая кран и делая воду более горячей. Казалось, что влага смывала всю ее боль, невзгоды и горечь, осевшую не только на языке, но и за ребрами, в самой сердцевине ее тела.

Надя старалась отгонять все горестные мысли куда подальше, так как не была уверена, что выстоит, если начнет копаться в прошлом.

Помывшись, Надя больше не могла оставаться в ванной. В конце концов, она взрослая женщина, и глупо с ее стороны чего-то стесняться. Она ведь уже почти разведенка. Нервно хихикнула, выжимая волосы. Единственное, чего удалось избежать из-за этого брака, так это звания “разведенка с прицепом”. Тоскливо вздохнула, ведь она бы с удовольствием обрела бы это грубое прозвище, которым окрестили женщин мужики, не желавшие брать на себя ответственность не только за женщину, но и за ее ребенка.

А вот Миша бы не отказался, вдруг мелькнула у Нади крамольная мысль в голове, и она шикнула на себя, понимая, насколько кощунственно так думать.

И только ступив голыми ступнями на кафель, Гдальская осознала, что впопыхах вещей-то с собой не захватила. Поскольку выбора не было, пришлось обмотаться коротеньким полотенцем и осторожно выходить из ванной.

— Миш? — прошептала, первым делом высунув только голову.

В ответ прозвучала лишь тишина, даже легкий храп. В комнате царил приглушенный свет от прикроватного ночника, шторы были закрыты, так что, еще раз убедившись, что друг спит, на цыпочка скользнула к чемодану.

Наклонилась и быстренько стала перебирать вещи, надеясь найти что-то, хоть отдаленно смахивающее на приличное. Вот же бестолочь, нет, чтобы тщательно собрать чемодан, сейчас бы не пришлось страдать. Из более-менее закрытого для сна была лишь домашняя футболка, которую она чудом привезла с собой. Трусики пришлось надевать кружевные, но черные, красные Надя посчитала слишком провокационными. И только с ними она ощутила себя не падшей женщиной.

Прикрыв чемодан, положила сверху футболку и стянула с себя полотенце, наклонилась и стала обтирать им волосы. И только после кинула его на тумбу, схватила верх и выпрямилась. И дернул же ее черт в этот момент обернуться. А там картина маслом. Михаил смотрел на нее не мигая. Зрачки расширены, грудь часто вздымается.

— Я думала, ты спишь, — испуганно ахнула Надя и стала быстро-быстро искать ворот футболки. Как назло, она была перевернута наизнанку, так что по привычке первым делом вывернула ее, а уже после натянула на себя сверху. Вот только этого времени для Миши было достаточно, чтобы подробно рассмотреть богатство Нади и даже присвистнуть.

— Знал бы, что за твоим шмотьем скрывается такая аппетитная прелесть, давно бы вызвал тебя работать. Поверь, из командировок мы бы не вылезали.

— Пошляк, — раздраженно кинула ему Надя и резво юркнула под одеяло, пряча под ним свои оголенные бедра, на которые с плотоядным интересом совсем не по-дружески пялился ее, между прочим, друг. — Если бы я не знала тебя столько лет, подумала бы, что подкатываешь ко мне. И вообще, надень трусы!

На этом посчитав разговор завершенным, Гдальская отвернулась, взбила еще раз подушку и прикрыла глаза. Ей бы высушить волосы, чтобы утром они не напоминали воронье гнездо, но к стыду, ей было слишком страшно пошевелиться. Казалось, сделай она хоть одно лишнее движение, и на нее набросится зверь. Женщина стиснула бедра, ощутив странные покалывания между ними, но насилу закрыла глаза. И одобрительно улыбнулась, услышав за спиной мужское ворчание, а затем шуршание ткани, после чего кровать снова прогнулась под весом Миши.

Из-за странных телодвижений друга в ее сторону о предательстве мужа и племянницы Надя думала в последнюю очередь. Всё, что ее волновало — это горячее дыхание Архипова ей в затылок. Но оборачиваться и проверять, насколько плотно он лег рядом, Надя не стала.

Струсил.

Она по максимуму расслабила лицо, чтобы быстрее уснуть, и на удивление, ей это удалось довольно быстро. Может, тому виной долгий перелет и усталость, а может, сладкий трепет в груди, о котором за долгие годы унылого брака она успела позабыть.

Надя проснулась в кровати одна. Не сразу это поняла. Сначала напряглась, опасаясь поворачиваться, но не услышала ни шума, ни дыхания Миши. Но когда услышала звуки воды из ванной, обернулась и с облегчением осознала, что Архипов в душе. Вот же русалка. Лешка так часто не мылся. Встряхнула головой, прогоняя мысли о почти бывшем муже прочь.

— Встала? Умывайся, и идем завтракать. Я голоден как волк. Так бы и съел что-нибудь аппетитное.

Пока Надя лежала, ее друг успел помыться и даже выйти. В его голосе отчетливо звучали двусмысленные намеки. И если ночью она списывала произошедшее на свое буйное воображение и усталость, то сейчас, при свете дня, больше не могла обманываться. Миша всегда славился своими шутками с двойным дном, но так явно флиртовать и делать почти прямые намеки никогда себе не позволял.

— Миш? — подала напряженно голос, но когда он вздернул бровь, прикусила язык.

— М?

— Одевайся, я скоро, — буркнула Надя, укуталась в простыню и поплелась в ванную.

Вот только вместо того, чтобы благородно отойти, Архипов и не думал сдвинуться с места. Как стоял недвижимой глыбой, так и продолжал это делать. Будто испытывал ее нервы на прочность.

— Я в душ.

Надя остановилась на расстоянии вытянутой руки от Миши, даже произнесла фразу с намеком, чтобы он отвернулся или отошел, но он сделал вид, что не понял.

— Иди, Надюш, я как раз для тебя ванную нагрел паром.

Гдальская покраснела, щеки обожгло жаром, и она не смогла ответить ему достойно. Так что пришлось Наде молча запыхтеть и протискиваться мимо, касаясь обнаженной кожи Архипова.

— Не знал бы, что ты была замужем, решил бы, что ты невинна, персик.

— Что? — завопила она, услышав ласкательное прозвище, которое раньше себе друг никогда не позволял. Да, флиртовал, но не так откровенно. Никогда не позволял себе переходить грань.

— М?

Не успела Гдальская сделать ни шагу вбок, как споро была заграбастана загребущими руками мужчины. Она оказалась вдруг в опасной близости от его груди и тому, что ниже. Опасалась опустить взгляд. Ей показалось, словно белое полотенце опало к мужским ногам, оставив его полностью обнаженным.

— Что ты делаешь, Миш? Мы же с тобой колле... друзья.

— А что я такого делаю, Надюш? Тебе не нравится, когда я называю тебя персик? Может, пэрсик?

— Миша!

Надя даже улыбнулась, когда услышала его пародию на грузинский акцент. Напряжение слегка ослабло, и она немного успокоилась, всё же к юмористическому другу привыкла больше, чем к флиртующему.

— Мы с тобой не просто коллеги, Надь, — Миша посерьезнел, глаза перестали лучиться весельем. — Мы с тобой — неженатые коллеги, а что еще лучше, многолетние друзья. Ты

знаешь, что самые крепкие браки создают лучшие друзья?

Надя была настолько ошарашена прямым заявлением Архипова, что растерялась и сказала то, что первым пришло в голову.

— Я замужем.

Поморщилась, услышав собственные слова, но Мишу было этим не пронять.

— Ключевое слово, которое ты пропустила — пока. Пока еще замужем, Надюш. Считай это незначительным пустяком, который скоро разрешится.

— Нам дадут месяц на размышления, — женщина пожала плечами, не обращая уже внимания на близость.

— То есть насчет остального ты против ничего не имеешь?

Гдальская замолчала и замерла, понимая, что он поймал ее в ловушку слова. Открыла-закрыла рот, из него вырвалось нечто нечленораздельное. Задумалась. А ведь и правда. Не это откровение, которое далось ей вот так с наскока, настолько ошеломило ее саму, что Надя не нашла ничего лучше, как толкнуть Архипова и скрыться в ванной, закрывшись на щеколду. Оказавшись внутри, прислонилась лбом к двери, сделала пару вдохов-выдохов и после пошла под прохладный душ, чтобы взбодриться и остудить разгоряченное тело.

— Успокойся, Надь, у тебя проблем выше крыши, какие еще новые отношения?

Всё шептала себе под нос, убеждая себя саму не бросаться в омут с головой. Да и чего греха таить, не считала она себя достойной Миши. Будущая разведенка, да еще и бесплодная. У него весьма состоятельные родители, которые явно будут не рады сироте, к тому же с такими гнилыми родственниками. Стыд опалял щеки за Миру до сих пор.

Немного отстранившись от ситуации с Алексеем, она посмотрела на всё это под другим углом. Гдальский со временем забудется, его измена быльем порастет, а вот Мира... По крови она ведь навсегда останется ее племянницей, как бы Надя ее не ненавидела. И Алену в этом винить тоже не могла, та и вовсе ведь в коме. И с этим им всем придется жить.

А привносить в семью Архипова свои жизненные неурядицы — совсем его не уважать. Что уж говорить о родителях Миши, если даже мать Леши ее особо не принимала, хотя тот и сам был полусиротой. И это было еще одним камнем преткновения между Надей и Мишей. Если она права, то они с Гдальским — кровные братья. И что же получится, из постели одного брата она прыгнет в постель другого?

Нет-нет. Настолько низко опустить Надя не могла.

— Надюш? Ты долго еще русалочкой притворяться будешь?

Стук в дверь отрезвил ее и заставил в панике открыть глаза. Показалось, будто голос Миши прозвучал прямо над ухом. Вот только он был джентльменом и даже в шутку не стал ломиться внутрь. Надя вдруг вспомнила, что в начале отношений подобное вытворят Алексей, и это та черта, которая ей не нравилась, хотя со временем их семейная жизнь превратилась в многолетний быт без встрясок, и она про это забыла. А сейчас вдруг всплыло в памяти. Как назло, возвышая тем самым Мишу в ее глазах. Надя нахмурилась.

— Я почти всё. Ты иди, я сама, — крикнула, а сама выключила кран и отжала волосы. Делала всё медленно, надеясь, что когда выйдет, Архипова не окажется в номере. Так и вышло. Он не стал ее смущать. Иногда он всё же понимал, какие границы переступать не стоит.

Выбор одежды оказался невелик. Нет, всё было новое, красивое, но совсем не подходило ни для завтрака, ни для рабочей встречи. Если бы вчера Надя так сильно не переживала, то взяла бы с собой старые костюмы. Пусть немодные уже и неказистые, зато в

самый раз для официальной встречи. Ей ведь, в отличие от некоторых, никого соблазнять не надо. Во рту снова собралась горечь, и Надя ее проглотила вместе со слюной.

— Ты... прекрасна, — первое, что выдавил из себя Миша, увидев ее на пороге ресторанчика на первом этаже. Сообщение о том, где он, она получила почти сразу, поэтому проблем с геолокацией не возникло.

— Спасибо.

Надя покраснела, но не от смущения, а от странного чувства непонятливости. Леша никогда так не реагировал на ее наряды, даже когда она старалась. А тут она всего лишь слегка посушила волосы, надела короткое платье, к тому же немного помятое, даже не накрасилась, но в глазах Миши видела себя настоящей богиней. Непонятное для нее ощущение. Такого она не испытывала со времен студенчества, когда за ней ухаживали желторотики, которым за радость было даже увидеть ее голую коленку.

— Ты подумала насчет моего предложения? — сразу же взял в оборот ее Миша. Он и не думал давать ей передышку, догадываясь, что если даст слабину, Надя быстро придумает сто и одну причину, почему им нельзя быть вместе.

— К-какого?

— О том, чтобы начать встречаться.

— Встречаться? Мы ведь взрослые люди. Говоришь так, будто мы школьники какие, — женщина хмыкнула.

— Слышала выражение “Любви все возрасты покорны”? И потом, нам еще и тридцати нет, о какой старости может вообще идти речь?

— Еще скажи “Мы еще ого-го”! — воскликнула женщина и даже рассмеялась. Архипов всегда мог поднять ей настроение.

— И скажу. Глядя на твою улыбку, готов говорить всё, что угодно, даже всякие глупости, — тихо хриплым тоном сказал Михаил, и Надя осеклась, видя его взгляд, полный тех чувств, которых она раньше не видела. Или боялась видеть, подсказало ей сознание. Последнее было более вероятным объяснением.

— Миш, — накрыла его руку своей. — Я...

— Знаю, пока еще Гдальская, что ты собираешься сказать, но это не оправдание. Или ты любишь Алексея? Только скажи, и я отступлю.

Надя было открыла рот, чтобы сделать то, что он просил, но замолчала и долго посматривала на Архипова. У нее язык не поворачивался соврать. Но и быть с Мишей ей казалось неправильным. Ее сердце сейчас словно решето или разбитое стекло с осколками. Дотронься, и поранишься.

— Так, Надь, стоп, давай пока поставим на паузу. Сначала займемся твоим разводом, а уже потом поговорим о нас. А пока... Что ты будешь на завтрак?

Надя вздохнула с облегчением и расправила плечи, подтягивая к себе меню. На это она была согласна. Ей и правда нужна передышка. Хотя бы пока она не разберется с мужем и племянницей, ведь эта проблема, к сожалению, никуда не делась.

Как только Архипов предложил сделать перерыв, его поведение моментально изменилось, и Наде это понравилось. Он перестал так нагло флиртовать, но при этом шутил, как прежде, поднимал ей настроение и кидал на нее особенные взгляды, от которых у нее поднималась самооценка. То, чего ей так не доставало в эти дни.

— Так, Надюш, надеюсь, ты не собираешься в этом платье на встречу идти? Наши партнеры, конечно, мужики, но брать их штурмом я планирую с помощью ума.

Если бы Миша сказал это принципиальным и недовольным тоном, Надя бы заупрямилась и пошла бы в этом даже вопреки собственным желаниям, но голос друга был весел, всё сказанное он преподнес, как балагурство. Так что она вздохнула и качнула головой.

— Вчера я была такая опустошенная, что вообще не заметила, что накидала в чемодан, первое попавшееся взяла, забыла, что недавно закупалась. Ты же видел мое белье, это всё Тайка уговорила накупать, чтобы... — осеклась, понимая, что заболталась, воспринимая Мишу, как безумно родного человека. Так же она бы говорила и с подругой Таей, но сейчас вдруг осознала, что Миша ведь не девушка, он мужчина, которому нравится... она. Надя.

— Мне льстит, что Алексей этого бельишка не видел, но до бутика мы прогуляемся. Купим тебе что-нибудь не менее красивое, но более подходящее для бизнес-встречи.

Не слушая ее возражений, Миша повел ее в торговый центр. Никто раньше не уговаривал ее и не говорил безапелляционным тоном, что купит ей обновку, и в какой-то момент Надя сдалась, зная друга. Если он вдруг решил что, то остановить его не способен был даже танк. А она была всего лишь уставшей девушкой, даже не легковушкой.

Ходили они недолго, сразу же зашли в самый дорогой на вид бутик. Раньше она бы ни за что в такой не пошла, помня о семейном бюджете, а сейчас даже выступать против не собиралась. Раз Архипову так хочется растратить на нее бабки, с чего она будет ему мешать? Это всё равно бесполезно.

— Мы берем, — кивнул он сотруднице, когда Надя красовалась у зеркала в голубом шелковом брючном костюме. Она смотрела на себя и удивлялась той девице в отражении, которая предстала напротив. Никогда она себя такой красивой и легкой не видела. Впрочем, и в такие дорогие заведения раньше она не ходила, так что откуда ей знать, какой она может быть? К тому же, Миша так часто шутил, а она смеялась, что на ее лице проступил румянец, который скрыл следы ее горя.

— Вам так повезло. У вас такой щедрый мужчина. Правильно говорят, вид женщины — отражение отношения к ней ее мужа.

Девица на кассе кивнула на ее кольцо, которое Надя, как оказалась, так и не сняла. Вдруг стало неловко, но она промолчала, не собираясь ничего отрицать. Еще не хватало, что малолетка стала к Мишке клеиться. Отчего-то в груди у Нади от представления этой картинке заболело, закололо, и она решила, что ничего плохого в том, что какая-то посторонняя девчонка решит, что они супруги. В конце концов, консультантша не во вкусе Миши.

На этой ноте они ушли из бутика: Надя в обновке, а Архипов с похудевшим кошельком, но оба при этом выглядели настолько довольными, что никто бы не усомнился, что между ними явно есть химия.

Встреча с партнерами прошла так, как Миша и планировал. А вот Надя особо и не поняла, что ее услуги тут совсем не обязательны, так как за годы работы Архипов освоил многие функции и знал довольно много во всех сферах, касающихся их компании. Но он всё же грамотно подводил Надю к мысли, что она здесь — весьма нужная единица. Советовался с ней по поводу финансовых операций, демонстрировал сотрудникам другой фирмы, что ее мнение важно для компании и для него, в частности. И сразу же замечал, как Надюша расцветала. А вот он с каждым часом злился, но не на нее, не на себя, а на Гдальского, который настолько плохо относился к Наде, что ей хватало даже этой малости с его стороны, чтобы чувствовать себя незаменимой.

Пару раз ее настроение падало, когда ее телефон вибрировал, но она твердо игнорировала звонки. Ей названивал Гдальский, который всё никак не мог успокоиться и принять тот факт, что отныне Надя не будет его рабой. Отныне она свободная женщина, которая имеет право делать всё, что ей заблагорассудится. В том числе, и развиваться в профессиональном росте. И Миша ей отлично в этом поможет, даже ускорит процесс ее становления. Конечно, в глубине души ему хотелось взять ее в оборот сразу же, пока она не возвела между ними непробиваемую стену, но признавал, чтобы получить в жены цельную уверенную в себе личность, ему нужно отпустить вожжи и подтолкнуть ее к самостоятельности. Это было самое важное. А время... Время у него теперь было в неограниченном количестве.

Пока Надя и Миша находились в командировке, Мира решила не терять представившегося времени. Проснувшись она раньше Гдальского, как ей показалось — в квартире царила полная тишина.

Что ж, она будет воспринимать это, как репетицию их брака. Что там нужно сделать, чтобы задобрить мужика? Нет, конечно, Мира знала, что, но с самого утра ее подташнивало и штормило, так что всё, что касалось горизонтальной плоскости — временно отпадало. А значит, нужна еда.

Только хотела заказать доставку, как вспомнила вчерашнюю реакцию Лешки. Аж злость взяла на него.

— Фрукты нарежу, — кивнула сама себе Мира и отправилась хозяйничать на кухню.

Готовить она особо не любила. Этим всегда занималась мама, а когда она переехала к Наде, то тетка. Как по мнению Миры, женщина вообще таким заниматься не должна. Всё, что она должна — это быть красивой для своего мужчины, а всё остальное приложится. В конце концов, у Лешки отличная должность, денежки, судя по машине, тоже водятся отличные.

— Снова ты, — вдруг процедил Гдальский, появившийся на кухне где-то через полчаса после Миры.

Вид у него был недовольный и помятый, сказывалась тяжелая ночь. Весь небритый, какой-то неприятный, но Мира не стала морщиться, чтобы не выбешивать мужика. Ничего, она приучит его быть всегда опрятным для нее.

— Умывайся, Леш, и давай кушать.

Девчонка старалась говорить максимально ласково и мягко, но когда лицо мужчины стало еще более суровым, положила руки на живот, чтобы он помнил, что она носит его ребенка, и вел себя осмотрительно. Мира вдруг впервые распереживалась, что он ее ударит, уж слишком спокойно он себя вел. Пока не кричал. Вот только его глаза ее не обманывали, в них царили презрение и ненависть.

— Мне уже заранее жаль твоего мужа, — Алексей качнул головой, глядя на стол, и развернулся, направляясь в ванную и не желая с утра пораньше скандалить. У него и без того от практически бессонной ночи раскалывалась голова. Он долбил жене на телефон, но она не брала. А он, Гдальский, был вынужден беситься и гореть от злости и ревности. И вот умом вроде понимал, что Надька-то не такая, относится к своему Архиповку, как к другу, но Михаил... О нет, Алексей на его счет не обманывался. Он был полностью копией своего отца, Льва, генерального директора и ведущего акционера их компании, который пер напролом и всегда добивался своей цели.

На этом моменте Алексей замер напротив зеркала, откуда на него смотрело его грубо высеченное лицо. И как он раньше не замечал, что они с Архиповым чет-то неуловимо похожи? Поначалу их и правда принимали за братьев, что очень злило Гдальского, но способствовало тому, что он довольно быстро обрел вес в коллективе. Люди до сих пор шушукались, что он какой-то дальний родственник владельцев компании.

Гдальский стиснул ладони, а затем, толком не подумав, в порыве гнева ударил кулаком в зеркало. То треснуло, а вот на его костяшках проступила кровь. Вот только никакой боли он не чувствовал, его изнутри разъедала душевная. Отравляла кровь и застилала агрессивной

пеленой глаза. Он не знал, на кого больше всего злился: на мать, совравшую о смерти отца, или на отца, который бросил его и даже ни разу не попытался с ним общаться.

Гдальский поднял голову и впился взглядом в свое кривое отражение в осколках зеркала. О нет. Он знал, на кого таил большую злобу. На Михаила, у которого было всё: его, Алексея, отец, сытая богатая жизнь, и даже сейчас именно он украл у него жену. И пусть всего лишь в командировочную поездку, но злость Леша это не уменьшало.

В это время Мира пыталась совладать с плитой. Пыталась сварганить яичницу, но пользоваться электрической не особо умела, у них с мамой была газовая. Так что к приходу Гдальского на кухню его встретил запах гари.

— Ты криворукая, раз даже такое простое блюдо сварганить не можешь. Ни один адекватный мужик замуж тебя не возьмет. Так что умерь аппетиты и проваливай.

— Зачем ты так говоришь, Леш, я ж... О боже, у тебя кровь!

— Хватит верещать, и без того голова болит, а твои визги только на нервы действуют.

— Я принесу аптечку.

Мира убежала, а Гдальский, не обращая внимания на кровь, налил себе свежесваренный чай. Это было единственное, что ей не удалось испортить. Вот только когда он сделал глоток, поперхнулся, а затем выплюнул варево в раковину.

— Садись, Леш, — подскочила с аптечкой в руке Мира. — У тебя может быть заражение, что случилось?

— Что это?! — прорычал. Чай был последней каплей.

— Ч-чай.

— Нет, Мира, это не чай, это говно.

Стал выискивать по шкафчикам ту заварку, которую всегда заваривала Надя, но нигде не мог ее найти.

— Старый я выкинула, он дешевый. А этот с бергамотом, я в специальном салоне покупала.

Раздалось мужское сипение. У Гдальского раздулись ноздри, но он прикрыл глаза, опасаясь ударить девчонку.

— Считаешь себя хозяйкой? Ты ошибаешься. Собирай манатки и вызывай такси. Жить со мной тут ты не будешь. Эта квартира принадлежит в равной степени мне и Наде, так что ты тут приживалой была и приживалой осталась. Думаешь, раз сумела настроить Надю против тебя, я как осел позволю тебе наглаживать мне рубашки? Проваливай!

Глаза Миры наполнились слезами, она прикрыла уши ладонями и расплакалась. В последнее время ее одолевала чувствительность.

Пока Гдальский гремел на кухне, она сбежала в ванную комнату. Всё пошло совсем не так, как она себе представляла. Ей казалось, что как только Надя исчезнет из горизонта, Леша наконец обратит на нее внимание и оценит ее старания, но всё происходило ровным счетом наоборот. Он стал более грубым и злым, словно его подменили.

Мира побоялась повторно посмотреть на себя в разбитое зеркало, ведь по поверьям тогда ее семь лет будут преследовать несчастья, но когда вошла, взгляд первым делом упал на следы злости Гдальского. Она опустила глаза, как только всё поняла, и умылась горячей водой, пытаясь успокоиться. Дождалась, когда раздастся хлопок входной двери, и только после вышла.

Подошла к зеркалу в коридоре и оглядела себя в полный рост. Животик у нее уже появился, но на ее взгляд это не умаляло ее красоты. Вот и что Леше надо? Она молодая,

красивая, даже беременность ее красит, в отличие от многих клуш, которых разбарабанило с первых же недель. А она совершенство. Вот только... Живот ведь будет еще расти. А если она потолстеет? Нет, бред, с ней такого точно не произойдет.

Материнских чувств у Миры пока не появилось, но она всё чаще задавалась вопросом, а нужен ли ей ребенок. Успеет ли она приручить Гдальского до того, как станет поздно делать аборт. Если же вдруг он откажется от нее, то и беременность, выходит, была напрасной. Надо бы сходить в консультацию, всё же ей необходимы пути отхода.

— Ты только и занимаешься, что смотришь на себя в зеркало? Я же с самого начала знал, что ты зациклена чисто на внешности.

Гдальский вернулся из магазина с заваркой, которую всегда покупала Надя. Даже успокоился и не стал кричать на девчонку, которую, как обычно, проигнорировала его приказ.

— Если бы я не была красивой, ты бы на меня не посмотрел. А так, ты только посмотри, какая прелесть у нас вышла, — Мира демонстративно выпятила животик.

Алексей промолчал, лишь сморщился и прошел мимо. Попытка вызвонить Надю, не бесполезно.

— Она тебя не простит, — сразу подметила его настроение девчонка.

— А ты и рада, верно? — съязвил.

— Не вижу причин рыдать. Так зачем ты цепляешься за нее, Леш, не пойму. Она не простит, ни одна женщина бы такое не простила, а Надя, какой бы клушей не была, но не совсем же пропащая. Так смысл нам убиваться? Лучше построить семью. Ты ведь сам рос без отца, хочешь, чтобы твой сын без отца рос?

— Ну один же растет, — мужчина усмехнулся, козыряя старшим ребенком.

— И? Думаешь, он этому рад?

— А знаешь, Мира, с чего ты взяла, что если я решу повторно жениться, то выберу тебя? В конце концов, мне тогда проще взять в жены Карину, ее я хотя бы уважаю.

— Ты не можешь! — ахнула Мира и топнула ногой.

— А кто мне запретит?

Гдальский ничего из перечисленного делать не собирался, троллил племянницу Нади. Не всё ей как сыр в масле кататься.

— Но там ты опоздал, мальчик уже тебя не будет любить так, как наш сыночек. Ты будешь для него божеством, ты... Я...

— Уволь от своих умозаключений. И тему отцовства затрагивать больше не смей. Всё это не твоего ума дело.

Мира обиженно надула губы, выдавила из себя театральную слезу, но Гдальский отвернулся и заварил себе нормальный чай, безжалостно выкинув содержимое заварника.

— С*ка Архипов!

Гдальский уже был на пределе. Кровь на его руке засохла, но он никак не мог дозвониться ни до жены, ни до Михаила. Мысли одна хуже другой стали бурить его разум, и он никак не мог отделаться от мысли, что в эту секунду он теряет почву из-под ног. Всё, что было наработано годами, улетело в трубу, и он не знал, как починить некогда целую жизнь.

— Леш, ты только с ним отношения не порть. Он ведь твой начальник.

— Тебя забыл спросить, как с этим утырком общаться! Ты почему всё еще тут? Забыла, что я сказал тебе проваливать?!

— Не кричи на меня. И вряд ли генеральному понравится, что ты Михаила называешь

утырком.

Мира быстро поняла, что со стороны Нади к Леше не подобраться, и решила сменить тактику. И сделала правильно.

— Еще я не спрашивал у этого уroda, как себя с его убл***ом вести.

По губам девчонки скользнула улыбка. Вот она, та нить, за которую нужно почаще дергать.

— Он твой брат? — наигранно ахнула Мира и кинула удочку. — Но если ты старше, разве не ты должен возглавлять компанию после...

Замолчала, прикрывая рот. Гдальский прищурился и вышел, толкая ее плечом. Но Мира не сомневалась. Он быстро забудет, что выгонял ее. Она давно заметила, что тема отца для Лешки триггерная, так что вся его злость будет направлена на генерального и Михаила, а уж она будет на стороне Гдальского и расположит его к себе.

Хм... Получается, когда она станет женой Лешки, она будет женой старшего сына генерального, а если Архипов окучит Надьку, то та будет в ее подчинении, так как будет женой всего лишь младшего, не наследника?

Мира помусолила эту тему в голове и решила заручиться поддержкой Галины Никадимовны для начала. Этот Лев наверняка задолжал семье Гдальских кучу бабок, так что придется ему и его жене поделиться и с ними.

Девчонка улыбнулась, что всё так хорошо придумала, и даже повеселела, решив научиться готовить борщ. Надо ведь как-то задабривать Лешку едой, раз он такой любитель.

Надя

К вечеру они с Мишей решили пойти в ресторан на ужин. Ну как, Миша ее пригласил, а она закивала болванчиком, соглашаясь. Больше всего ей хотелось остаться наедине с собой и поплакать, выплеснуть страдальческие и упаднические эмоции, но она была не уверена, что не вылетит из обоймы и сможет быстро привести себя в норму. А на завтра была назначена еще одна деловая встреча, и ей никак нельзя было предаваться апатии.

— Знаешь, новая Надя мне нравится, — хмыкнул Архипов, оглядывая девушку взглядом перед тем, как галантно отодвинуть ей стул.

— И чем же?

— Гардероб другой, в нем ты настоящая, а не та зажатая мышка, какой стала в браке с Алексеем.

Надя надела платье, которое они покупали с Таей. Облегающее, подчеркивающее все ее формы. Длинное, с провокационным разрезом, на который ни один мужчина в ресторане не смог не обратить внимание. Архипов всё подметил, но сдержал рык ревности. Он уже пять лет варился в агонии, так что еще немного потерпит.

— Миш.

— Понял-понял, не хочешь, чтобы я плохо отзывался о твоём бывшем.

— Не в этом дело, просто не хочу вспоминать обо всем. Я и так наконец открыла глаза на себя, а ты добиваешь.

— Прости, я не думал, что это так выглядит со стороны. Хотел тебя подбодрить.

— Всё нормально. Не ты же пять лет потратил впустую.

Надя вздохнула и коснулась пальцами ножки бокала. Сейчас она как никогда ощущала себя никчемной и пустой. Ей почти тридцать, а похвастаться нечем. Она только начинает карьеру, будущая разведенка, к тому же, без детей. Не состоялась ни как профессионал, ни как домохозяйка.

Постепенно за разговором Надя не заметила, как ее развезло от нервов. Она алкоголя не пила, но состояние было такое, будто ее разум находился в тумане.

Вместо того, чтобы направиться на поиск приключений, как это часто бывало в университетские годы, она молча расплакалась, когда Миша отошел в уборную. Жалела себя, но увидев мужской силуэт на горизонте, промокнула слезы салфеткой и пошла танцевать, чтобы забыться. Архипов был тут как тут. Его руки легли на ее бедра, будто там им было самое место. То плавные, то резкие и рваные движения, тяжелое дыхание, кожа к коже. Ее развозило всё сильнее, и она с радостью теряла разум. Это то, что было способно сейчас принести ей облегчение.

Дальше всё было, как в тумане. Ей чудилось, будто в номере она танцевала стриптиз, а Миша активно пытался ее уговорить. А потом она отрубилась. Проснулась рано, с чувством чего-то необычного, давно забытого. Странное ощущение.

— Ой, — пискнула, увидев, что под одеялом она полностью голая.

Всё бы ничего, но на бедре ощущалась непривычная тяжесть. Надя опустила глаза и увидела мужскую руку. Знакомую такую. Мишину. И лежала она так по-хозяйски, будто Архипов был в своем праве.

Надя застонала.

Черт. Неужели у них что-то было ночью? И почему она ничего не помнит? Она же даже не пила, была трезва как стеклышко.

Чертовы нервы сыграли с ней злую шутку.

Надя лежала еще минут десять, раздумывая, как бы встать так, чтобы не разбудить друга, и ускакать в ванную, привести свои чувства в порядок. Вот только друга ли? После этой ночи между ними ничего не останется, как прежде.

— Ты уже проснулась, Надюш?

В тишине неожиданно прозвучал хриплый голос Архипова, а затем ее ягодиц, обнаженных, между прочим! коснулся... Господи, у него что там, вместо достоинства кувалда?

Надя поерзала слегка, проверяя, не болит ли у нее ничего между ног, но всё было неплохо. Надо же.

— Заказать завтрак в номер, стесняшка?

Мужская ладонь двинулась вверх, касаясь талии и подбираясь опасно близко к груди. Надина рука машинально шлепнула по наглой конечности Архипова, и прозвучавший удар отрезвил ее, вызволил из оцепенения. Она подорвалась, попутно подхватывая простынь и прикрываясь ей аки броней.

Архипов встал неспеша следом, так что когда она подбежала к двери в ванную, он уже был на ногах.

Надя подметила, что Миша в боксерах, не полностью обнаженный, но мысль улетучилась, сменившись другой. Интересом. Какой же он там под тканью. Прямой, длинный, с венами? Толстый ли? Господи, Надежда, о чем ты думаешь? Надя приструнила свои похабные мысли и зарождающееся томление. Ей было не до этого. Она отныне падшая женщина. Ничем не лучше Алексея. И как теперь всем в глаза смотреть после такого? Ладно бы после развода, она бы ощущала себя в полном праве, а так...

— Я... Я... Я не хотела, Миш... Это... — промямлила, активно запахивая простынку плотнее.

— Правда?

Архипов совершенно не помогал. Стоял около кровати в полный рост с насмешливо изогнутой бровью и будто потешался над ее падением и затруднением. Надя разозлилась.

— Да! — рявкнула. — Я не такая!

— Ладно-ладно, Надюш, не такая, так не такая. Хотя... — задумчиво прищурился. — Ночью ты иное говорила.

— Архипов!

Злость постепенно овладевала Надей, и стеснение начало куда-то исчезать, уступая место тигрице, которую с удивлением обнаружила в себе женщина.

— А ты горячая штучка, Надюш, не ожидал, — вместо того, чтобы испугаться ее грозного тона, мужчина качнул головой и цокнул. — Но должен признаться, меня это заводит.

— Архипов!

Голос Нади звучал уже глуше и более грозно, но на Михаила ее тон не действовал. Он, в отличие от нее, вовсе веселился, наблюдая за ее потерянными видом.

— Как насчет на бис?

Он дернул бедрами, отчего ее глаза рефлекторно опустились к его боксерам, и она покраснела, убедившись, что его утренняя эрекция выше всяких похвал. Ее покрасневшие

щеки лучшее тому доказательство.

— Ладно, Надюш, не красней так, ничего ж не было.

Вместо того, чтобы что-то пояснить, Миша направился в ее сторону и прошел мимо, первым входя в ванную.

— Что? Что ты имеешь в виду? Почему я тогда голая?

Надя опомнилась не сразу, но заскочила следом за другом. Но тому было всё равно на приличия. Он, казалось, не знал, что такое стеснение и стыд. Ловко скинул боксеры и остался полностью обнаженным. Ее взгляд скользнул к крепким ягодицам, во рту аж пересохло от рельефов мужского совершенного тела. Надо признать, тако-о-ого Гдальская еще не видела.

— Тебя, видимо, от стресса развезло, ты правда ничего не помнишь?

— Как отрезало. Будто под градусом была.

— Мы как в номер вошли, ты сразу раздеваться начала, кидалась на меня аки мартовская кошка, просила покрыть тебя, лапала меня бессовестно, склоняла к сексу. А я мужчина не такой. Самых честных правил. Ай-яй-яй.

Надя слушала Архипова и краснела еще сильнее. Но не замечала, с каким интересом наблюдал за ней Миша.

— Ужасно. Прости меня, я была не в себе.

— Эх, жалею, что не согласился на твое выгодное предложение.

— Мужчина честных правил? — съехидничала Надя, услышав противоречие.

Но в ответ воцарилась тишина. Глаза мужчины скользнули вдоль ее прикрытого простыней тела с таким намеком, что Наде моментально стало жарко.

— Миша!

Женщина топнула ногой, выказывая капризность, которой сама от себя не ожидала. И быстро выскочила, когда мужчина вдруг решил повернуться к ней передом. Вот только она успела всё увидеть. Архипов был великолепно одарен. Природа была к нему благосклонна. Зато точно убедилась, что между ними ночью ничего не было. С такой кувалдой у нее между ног сейчас бы был дикий дискомфорт. И такого соития она никогда бы не смогла забыть.

Интересно, почему ей не стыдно за свои мысли?

Надя

После утреннего инцидента больше таких эксцессов не происходило. Деловой обед прошел, как и прошлый, а к вечеру у них был запланирован рейс домой.

Надя мандражировала, не готовая к тому, с чем столкнется дома. Нет. Не дома. Это больше не то место, которое она может окрестить оплотом. Пока она решала, что будет делать по приезду, Миша уже всё распланировал.

— Надь, тебе вещей на сегодня хватит, или заедем за ними к Гдальскому?

Пока они после прилета ждали чемоданы, Архипов стал заваливать ее вопросами.

— За ними?

— Ты же не собираешься жить с ним в одной квартире до развода?

— Н-нет.

Голос ее звучал неуверенно, так как она только написала Тая, но та еще не ответила.

— Вот и славно. Значит, будешь жить у меня.

— Не хочу тебя стеснять.

— Глупости. У меня двухэтажный коттедж, скорее уж, ты меня спасешь от одиночества.

— Разве что если так...

В этот момент Тая ответила Наде, но последняя передумала напрашиваться к ней в гости. Тогда ей придется рассказать подробности, а пока она была морально к этому не готова. Слишком тяжело. Плюс не хотела беречь раны Таи, у которой ситуация случилась едва ли не хуже моей. Я всё ей расскажу, но не сегодня.

— Значит, решили.

Забрав чемоданы, они поехали к нему. Денег у Нади на новую одежду не было, но ехать сейчас в квартиру Алексея она не собиралась. Не сомневалась, что там жила Мира. Ее поведение раскрылось для женщины в новом свете. Столько лет она привечала в доме змею, которая всё просчитывала наперед. Безжалостно. Полностью лишенная каких бы то ни было моральных принципов.

— Черт, я совсем забыл, — вдруг взъерошил волосы Миша, и Надя приготовилась услышать, что всё отменяется, но он смог ее удивить. — Я домработницу на неделю отпустил, так что нам придется еду на дом заказать. Или в ресторан?

Гдальская вздохнула от облегчения.

— Никаких ресторанов, Миш, я и сама способна что-нибудь приготовить. В конце концов, должна же я отблагодарить тебя за гостеприимство.

— Глупости, Надь, ты гостья, так что никакой готовки. Я тебя серьезно предупреждаю, не вздумай даже подходить к плите. Лучше я сам.

— Хей, боишься отравиться? Должна тебя предупредить, со школьных времен мои способности к кулинарии улучшились.

— Даже проверять не собираюсь, — грозно нахмурился Архипов, и Надя рассмеялась, чувствуя себя так, будто снова стала юной.

Ощущала себя невероятно легко, чувствовала во всем теле жизнь.

Откровенно говоря, Надя порадовалась, что стоять у плиты ей не придется, поэтому настаивать не стала. Хватит. Наготовилась на несколько лет вперед. Пора начать заниматься чем-то иным, помимо уборки и готовки.

Всё то время, что они ехали до дома Миши, ее телефон разрывался от звонков Алексея. Поднимать она не собиралась, но когда осталась наедине с собой в комнате, которую ей выделил Архипов, решила на непростой разговор.

— Слушаю.

— Надь, наконец-то.

Голос Алексея звучал устало, но он был трезв. Надя ожидала ощутить боль или злость, но внутри нее царила лишь опустошенность.

— Что ты хотел?

— Я жду тебя в аэропорту? Ты уже получила багаж?

— Я уже уехала.

Тон у нее был равнодушный, но Алексей этого будто не заметил.

— Ты уже дома? Я сменил замки, оставил твои ключи у соседки. Ты меня дождись только, хорошо? Никуда не уходи, я скоро буду.

— Нет.

— Что? Если хочешь, сегодня я останусь у мамы, но нам нужно поговорить.

— Делай что хочешь, в квартиру я не вернусь, а вещи заберу на выходных. Надеюсь, ты проявишь чувство такта и уйдешь на это время. А к разговору я пока не готова. Сама свяжусь с тобой.

— Надь, прошу...

Гдальская не дала пока что еще мужу договорить. Закончила разговор первой. Впервые с тех пор, как они поженились. Облегчение, которое накрыло с головой, было таким опьяняющим, что Надя легла спиной на кровать и прикрыла глаза. Растеклась блаженством. Вот он. Вкус свободы.

— Миш, — обратилась к другу, как только спустилась вниз.

Вот только дальнейший вопрос озвучить не успела, прыснула со смеху.

— М?

— Тебе идет этот розовый фартук, Миш. Это что, слоники?

— Ты на их хоботки смотри лучше, Надюш, смекаешь, о чем я?

— Пошляк.

Надя закатила глаза и удобнее устроилась за столом.

— Так что ты хотела спросить? — вздернул Архипов бровь и поднял крышку казанчика, в котором уже тушилось мясо.

— Помнишь, ты говорил как-то, что у тебя есть знакомые в ЗАГСе...

— Хочешь ускорить процесс развода?

— Да, — Надя кивнула. — Хочу получить его как можно раньше. Алексей будет против, но я не уверена, что выдержу все эти многомесячные тяжбы.

— Я твое желание услышал, Надюш, оставь решение проблемы мне. Станешь свободной женщиной со дня на день. Только дай мне паспорт.

— Хорошо.

На этом и условились.

— Ах да, — добавила вдруг. — Мне от него ничего не нужно, пусть... подавится...

Архипов никак не прокомментировал ее желание, но по его губам скользнула довольная улыбка. Он сам всем обеспечит Надю, и никакой балласт в виде имущества Гдальского им был не нужен. Так даже лучше.

Мира

Мира негодовала, разглядывая обшарпанные стены материнской квартиры. Ее сумки были небрежно разбросаны в коридоре, а сама она сидела на скрипучем старом диване, который всей душой ненавидела еще со школьных времен.

Пока она была в офисе, Гдальский вывез все ее вещи и сменил замки, и сколько бы она ни стучала в дверь, никто ей так и не открыл. Пришлось ей несолоно хлебавши уезжать домой к матери.

Вот только сдаваться она, конечно же, была не намерена. Взяв отгул на работе, с самого утра решила с вещами заявиться к Галине Никадимовне. Вместе они продают Гдальского.

К тому же, так Мире удастся больше разузнать про его отца Льва. Если не получится уговорить будущую свекровь надавить на бывшего мужа, то к гендиректору компании она заявит сама. Уж он от внука не откажется, в компании давно поговаривают, что он ждет не дождется, когда Михаил женится и заведет детей.

Так даже лучше. Мира станет матерью первенца и любимца, а тот со временем и унаследует многомиллионное состояние деда. По другому и быть не может.

На следующее утро Мира первым делом направилась к Галине Никадимовне. Чего у нее было не отнять, так это решительности и быстрого принятия решений. Родись она мужчиной, в мире бизнеса ей не было бы равных. Она бы перла напролом. Вот только она девушка, и жизнь устраивать ей нужно было в другой плоскости. К тому же, работать — не ее конек. Такие шикарные девочки, как она, должны греть попки на Мальдивах, одеваться в элитных бутиках и радоваться подаренным бриллиантам от мужа. Таковы были установки Мира, на которых зиждились ее принципы.

— Мира? Почему ты с вещами? Неужели этот паршивец посмел тебя выгнать?

Девушка оказалась права. Свекровь приняла ее сторону безоговорочно.

— Ночью из командировки вернулась Надя, вот он и вывез мои вещи к маме.

Мира всхлипнула и понуро опустила голову. Ей нужно казаться как можно более оскорбленной и уязвленной. Слабой. Это единственное ее оружие в данной ситуации.

— Вот же паршивка. Ну-ка, оставь здесь свои сумки, и поехали. Раз она такая упертая, то ее вещи полетят с лестницы.

Галина Никадимовна злилась, когда ее приказы не исполнялись, а в ее нервном состоянии всё ее внимание сосредоточилось на семье сына. Вскрытые многолетние раны кровоточили, и она не знала, как справиться с бушующими внутри эмоциями, ведь давно закрыла свою боль под замок. А сейчас вскрылась не только ее ложь сыну. Она воочию увидела доказательство шикарной жизни Льва, бывшего мужа.

— Он сменил замки, так что вряд ли мы войдем, Галина Никадимовна. Давайтеждемся, как они вернуться с работы.

— Сейчас позвоню Алексею, пусть отпрашивается с работы и везет мне комплект ключей.

Пожилая женщина была полна решимости продемонстрировать свой контроль.

— Он не сможет. Сегодня важное заседание у генерального, Льва Николаевича... Архипова.

Мира осеклась и прикусила губу, якобы случайно проболталась, но мысленно похвалила себя за острый язычок. Глаза свекрови загорелись яростным огнем.

— Архипова... — прошипела женщина и приняла решение, которое зрело в ней все эти несколько дней.

— Д-да, он отец Михаила Львовича, вы его видели. Единственный наследник компании.

Слова Мира ложились на благодатную почву ровно, прямо в нужный момент, так что глаза пожилой женщины всё сильнее загорались решимостью.

— Наследник, — прошипела Гдальская-старшая и стиснула ладони в кулаки.

Женщина ушла к себе в комнату, переоделась и вышла оттуда, будучи полна решимости высказать предателю всё, что она о нем думает. Больше хранить в себе обиды и злость она была не в силах.

Мира усиленно скрывала довольную улыбку всё то время, что они на такси ехали к зданию, где находилась компания, в которой работала и она. Ну и пусть ее уволят. Трудиться на замшелой должности — не ее уровень.

Галина Никадимовна совершенно не замечала перемен в лице будущей невестки, вся была сосредоточена на собственных переживаниях. Прошло около тридцати лет, и она

впервые увидит Льва. Казалось, вся та грязная большая история произошла только вчера, но вместо той молодой задорной женщины из зеркала на нее смотрела уже старуха. Та, которая так и не смогла наладить свою личную жизнь. Не сумела довериться больше ни одному мужчине. Та, что посвятила всё свое время сыну, который... Оказался полной копией своего гнилого отца-изменщика. Другая на ее месте встала бы на сторону Нади, ведь роль жертвы была так хорошо знакома Галине, но сделать это означало бы признать и свою слабость. К этому она была не готова. Ее оплот — ее семья. Ее семья — это ее сын, его дети. Ее внуки.

— Прости, Мир, но мы не можем пропустить ее, сама понимаешь, нужен пропуск.

Галина Никадимовна очнулась в холле внушительного здания от чужих мужских голосов. До того упорхнула воспоминаниями в прошлое, что двигалась практически на автомате.

— Но мальчики, дело не терпит отлагательств. Всё будет. Вы же знаете, что я с начальством на короткой ноге. Думаете, меня только за красивые глазки снова в фирму взяли?

Мира вовсю кокетничала, проявляя чудеса флирта. Самый молодой охранник готов был пойти на уступки, но те, что постарше, имели головы на плечах, чтобы понимать: всякие красотки — явления временные, а нарушение устава равно увольнение. А им еще семьи нужно было кормить.

— Есть пропуск — значит, есть допуск. Нет пропуска, не загораживайте проход, — хмыкнул главный среди охраны, и тут Галина Никадимовна выпрямилась и стукнула кулаком по стойке.

— Звони своему главному! — рявкнула с такой силой, что все вокруг шарахнулись в сторону.

— Да, звоните, — поддержала ее Мира, видя перед собой обиженную женщину, желавшую возмездия.

— И что сказать? — пришел в себя главный, сложил на груди руки и насмешливо хмыкнул.

— Что его жена придти изволила.

Галина прищурилась, будто забыв, что они лет тридцать в разводе.

— Ага, вторая, — хохотнули охранники. — Вы с ума сошли, бабушка? Мы Элеонору Павловну прекрасно знаем в лицо. Вот до чего аферистки дошли, парни. Вот если бы ты, Мира, тут нам лапшу на уши вешала, что ты новая возлюбленная нашего главного, это бы хоть так смешно не звучало. Всё же молодая, красивая, а бабка... Идите лучше отсюда, пока мы вас обоих не вывели.

— Я тут работаю, — прошипела Мира.

— У тебя отгул. Ты знаешь правила.

В это время Галина Никадимовна тряслась, ведь впервые услышала имя разлучницы. Даже тогда не решилась узнать его, посчитав это выше своего достоинства. А теперь... Элеонора... Не какая-то там обычная Галина, а... целая Элеонора. Еще и Павловна.

— Я мать Алексея Гдальского, первая жена Льва Николаевича. Звоните ему!

Голос пожилой женщины звучал скрипуче, но мужчины вокруг после сразу переглянулись. Слухи про родственные отношения Алексея с их генеральным стали обретать весомую форму. Вот только беспокоить генерального никто не решился. Они позвонили Гдальскому.

Миру и Галину пропустили в здание спустя пять минут. Первая знала, куда идти, и

служила проводником в дороге к святой святых. Кабинету Льва Николаевича. И если Галина Никадимовна тряслась из-за будущей встречи, то вот Мира сходу подметила слова охранников и их переглядывания. И когда они подошли к кабинету, увидела то, что и ожидала. Девичьим взглядом подметила по приемной и поведению секретарши, что генеральный в кабинете не один, а с женщиной. Своей законной женой.

Мира выпятила живот, который особо и не выделялся, но своим видом она сразу хотела показать, что она беременна и носит будущего наследника Леша. Стиснула челюсти, когда в голове возникли неуместные мысли о его первенце. Ничего, и с этим она как-нибудь разберется. Главное, поддержка Галины Никадимовны.

— Сюда нельзя! Лев Николаевич занят!

С места подорвалась лопоухая секретарша размера так XXL, и Гдальская скривилась, уже по ней догадавшись, что Лев как был гулякой, так им и остался, раз взял такую сотрудницу к себе в офис. Секретарь ведь лицо компании, а раз оно такое непрезентабельное, это значит, что его жена держит руку на пульсе. В душе у пожилой женщины возникло удовлетворение. Не всё же разлучнице все эти годы жить припеваючи и кататься, как сыр в масле.

Она успела заметить, насколько велико здание, да и со слов Леша помнила, что компания у них весьма преуспевающая. И это послужило очередным уколом, от которого у нее болело нутро. Такая несправедливость, что всеми этими благами богатых всегда пользовался Михаил, а не ее Леша. Это ведь он первенец Льва! Он! А не какой-то там Михаил.

— Женщины, вы записывались? Я же сказала, Лев Николаевич занят!

Голос секретарши звучал уже испуганно, всё же выражение лица Галины было настолько кровожадным, что даже ее проняло.

— Для меня не занят, — проскрипела Гдальская и отпихнула тучную тетку, которая отлетела от удара и нервно поправила очки.

— Арина, я же сказал, не беспокоить, я с женой.

Седовласый мужчина, сидевший за дубовым столом, выглядел моложе своего возраста. Некогда черные пряди всё еще выбивались из шевелюры, твердая волевая челюсть по-прежнему привлекала женский взгляд, а широкие плечи и бесовские глаза, в которые Галина когда-то влюбилась без памяти, с возрастом ни капли не поблекли. Так что женщина волей-неволей чуть не поддавалась соблазну поправить собственные волосы. Пожалела, что не посмотрела перед выходом из дома в зеркало.

— Львенок мой, может, это по делу. Ничего страшного, я посижу на диванчике и подожду.

Мягкий женский голос заставил двух посетительниц кабинета повернуть голову в сторону источника. На коленях Льва сидела эффектная черноволосая женщина лет на десять моложе самой Галины. Насколько помнила Мира, Элеоноре Архиповой только недавно стукнуло пятьдесят. Выглядела она ухоженно, наверняка не вылезала из салонов. Вся тонкая и звонкая, словно молодая девчонка, что еще больше взбесило Гдальскую. Еле подавила порыв спрятать свои грубоватые грабли вместо рук себе за спину. Горечь растеклась по горлу, обжигая внутренности, но она сделала уверенный шаг вперед.

— Уважаемые, вы не видите, что я занят? — вздернул бровь Лев, останавливая свою супругу, когда она собралась встать с его колен. — Арина! Что происходит?!

Секретарша вбежала в кабинет следом.

— Простите, Лев Николаевич, я предупредила их, что вы не можете их принять, но они прорвались с боем. Я сейчас вызову охрану.

— Что, так постарела, что не узнаешь меня? — хмыкнула Галина и подошла к столу, за ней следом юркнула и Мира, зыркнув при этом на Арину предупреждающим взглядом.

— А должен? Вы мать этой особы?

Взгляд хозяина кабинета скользнул по Мире, его губы скривились, словно он быстро составил о ней свое мнение.

— Если она сказала вам, что якобы беременна от моего сына, то не советую верить, и нам лапшу на уши вешать также не нужно. Уверяю вас, мы будем проводить тест ДНК.

Холодный тон Архипова-старшего не сулил им ничего хорошего. Даже Арина остановилась, не став пока вызывать охрану. А вот Галина Никадимовна всё сильнее злилась, видя, с какой заботой придерживает за талию свою жену Лев. И как смотрит на нее. Холодно, безразлично, будто они чужие друг другу люди. Точно не узнал ее.

— Мира не моя дочь, но в одном ты прав, она беременна от твоего сына.

В кабинете временно воцарилась тишина.

— Лев, — встревоженно посмотрела на мужа Элеонора.

Они привыкли, что к их семье часто хотели подобраться через сына, пытались врать про беременность, шантажировали различной информацией, и всё для того, чтобы получить с них как можно больше денег. Вот только в этот раз сердечко женщины встревоженно встрепенулось. Интуиция подсказывала ей, что сегодня была нетипичная ситуация. Не вранье.

— Барышня, а вы чего молчите? Неужто от Михаила беременны? Ни за что не поверю что он посмотрел на такую, как вы.

Грубость генерального возмутила Миру, но она прикусила свой острый язычок. Ей ни к чему с ним ссориться.

— Нет. Беременна она от Алексея.

Галина говорила лаконично. Распрямила плечи, чтобы не казаться бедной родственницей или жалкой бывшей, которая пришла сюда с протянутой рукой. Нет. Она пришла за тем, что принадлежало ее сыну по праву рождения.

По мере всеобщего молчания лицо Архипова-старшего кардинально менялось. В его глазах засияли проблески понимания, вот только, к огорчению Галины, узнавания там не было. Видимо, она и правда сильно постарела. От бывшей красоты не осталось и следа. Ей ведь почти шестьдесят. О чем говорить. Тем большее было смотреть на более молодую соперницу, которой досталось всё то, о чем когда-то мечтала Гдальская.

— Галя? Это ты? — выдохнул, наконец, Лев и подался вперед.

Элеонора встала с его колен, и мужчина поднялся следом. Уперся кулаками об стол и прожигал ее взглядом. В них царили шок и неверие.

— Что? Мечтал, что я уже умерла?

— Столько лет прошло, а ты всё такая же брюзга, — хмыкнул Лев, а вот Элеонора прищурилась, впервые видя бывшую жену своего мужа вживую.

Мира наблюдала за троицей с интересом. Никакая тв мелодрама не могла сравниться с тем, что разворачивалось на ее глазах.

— А ты такой же хам и грубиян. Познакомься, это моя невестка Мира. Будущая жена Алексея, твоего сына, если ты помнишь.

Элеонора после слов Галины с тревогой посмотрела на своего мужа. У нее всё сжалось

внутри от неприятного предчувствия. Ничего в их жизни уже не будет, как прежде. Первое время, когда бывшая Льва заартачилась и не позволяла сыну видеться с отцом, Элеонора испытывала, с одной стороны, облегчение, что ее мужчина не будет видеться с бывшей женой, а с другой, у нее болело сердце за Льва, ведь он страдал, лишенный самого дорогого. Потом у них родился Миша, и вся его отцовская любовь перетекла к их общему сыну, что не могло не радовать Элю. Тридцать лет они жили душа в душу, а теперь на пороге появилось прошлое. В лице не только Галины, но и этой Миры, взгляд которой Архиповой совершенно не понравился. Алчный и хитрый. Лишь одно вызывало у нее облегчение. Что эта девица залетела не от ее Миши.

Надя всё утро скрывалась от Алексея, который будто вознамерился взять ее штурмом. Вот только он ошибся, посчитав, что офис — наиболее безопасное место для разговоров.

У Нади внутри словно что-то умерло. Стало плевать, что подумают о них другие. Всё равно скоро отдел кадров увидит, что она возьмет девичью фамилию, а значит, и сплетни про их развод — дело времени.

— Надя, может, прекратишь убегать от меня? Здание не бесконечное, бегать весь день не получится.

Голос Гдальского начал ее уже раздражать. Вот угораздило же принтер в их отделе бухгалтерии сломаться. Если бы не эта оказия, сидела бы она сейчас перед рабочим компом, а не стояла в общей проходной и не копировала бумаги.

— Шли бы вы, Алексей Жданович, — длинная пауза, которую она выдержала специально. И не сдержалась, посмотрела мужу в глаза, с удовольствием подметив, каким недовольством блеснули его зрачки, — работать. У меня сейчас дела, и вам я также советую заняться своими, или у вас их нет? Смотрите, бездельников в нашей фирме нет, так и до увольнения недалеко.

Надя произнесла фразу, особо не раздумывая, и не сразу поняла, что ее слова прозвучали угрозой. Будто она собралась просить Михаила уволить ее будущего бывшего. Конечно, так опускаться она и не думала, однако плохо себе представляла, как они будут уживаться в одной компании втроем. Она, Алексей и Мира, которой, к облегчению Нади, сегодня на месте не оказалось.

— Хватит, Надь, — Гдальский устало сжал переносицу. — Ты ведешь себя так, будто произошло что-то непоправимое. Мы же оба хотели ребенка. ЭКО. Чем тебе Мирина матка не ЭКО?

Женщина потеряла дар речи от наглости Алексея, но быстро взяла себя в руки и прищурилась.

— Ты серьезно держишь меня за дуру? — процедила, не веря в то, что он посмел такое ей сказать. — Адюльтером бьешь по самому дорогому.

Надя боялась, что ее голос в любой момент задрожит, а сама она сломается и расплачется. Горький ком встал поперек горла, и она опустила глаза на копировальный аппарат. Рваными движениями стала перебирать листы, проверяя, всё ли сделала. Дерганья и выдавали ее с головой. Уж слишком нервно она себя вела.

— Надь, вот только давай без драмы. Я тоже не железный. Думаешь, мне было легко? Да ты помешалась на ребенке, совсем перестала смотреть на себя в зеркало, обо мне забыла. Я, в конце концов, женился на тебе не из-за детей. Я их и вовсе...

— Что, Леш? Договаривай. Не хотел, верно?

Голос Нади был пропитан ядом. Если до этого она боялась расплакаться, то после агрессии Гдальского всё ее нутро моментально наполнилось злостью к нему.

— Да, Надя, — стиснул челюсти. — Не хотел.

— Какая ирония, правда? Я хотела, а у меня ни одного. Ты не хотел, а у тебя двое. Будет... — последнее произнесла с надрывом, до сих пор не представляя Миру и Лешу в одной кровати.

Вот только воспоминания подкидывали гнусные и мерзкие кадры один за другим. Она

ведь сама была свидетельницей грязной измены. Даже если бы Надя захотела обмануть себя, что всё это ей показалось, обман зрения, что злые языки оклеветали Лешу, завидуя их счастьем, но нет. Она своими глазами всё видела. И отныне этого не стереть из памяти, не забыть уже никогда.

— Будет, Надь, Мира аборт отказывается делать. Но это к лучшему. Мы ведь хотели усыновить ребенка. Ты будешь ему мамой, я отцом. У нас будет полноценная семья, как мы и хотели. И ребенок будет нашей крови. А с Мирой я разберусь, она нас больше никогда не побеспокоит.

Надя удивленно воззрилась на Гдальского, не веря в то, что слышит. Он серьезно?

— Ты себя слышишь, Леш? Я сама видела, как ты... как ты ее... как вы в ванной...

Она часто задышала, чувствуя, как из ноздрей чуть ли не пар идет от злости и боли, но словно мазохистка продолжала смотреть на мужчину, который когда-то был ей дорог.

— Я же сказал, это была ошибка. Ты прости меня, Надь, такого никогда, слышишь, никогда больше не повторится. Ты только прости, Надь, прости. Хочешь, я на колени встану? Никогда не стоял, но ради твоего прощения встану. Хочешь?

Каждое слово Алексея вызывало у Нади омерзение. Он смотрел на нее вопросительно, словно готов был встать, только если она подтвердит, что на этом вся их ссора закончится. И глядя на это жалкое зрелище, всё, чего желала Надя — чтобы их поскорее развели, и всё это закончилось.

— Да, два раза ошибка... — пробормотала, напоминая себе, что душой ее выставили дважды.

— Надь... Я...

У мужчины закончились слова, он стиснул кулаки и двинулся вперед, желая действовать, но не понимал, что нужно делать. Он никогда раньше не косячил настолько сильно, однако был твердо уверен, что всё поправимо. Отшатнулся, когда жена подняла глаза и окатила его ушатом ледяного презрения. В груди его моментально всё вскипело, и он начал злиться на ее упрямство.

— Не совершай ошибку, Надь, мы прожили в браке пять лет, ты хочешь, чтобы у этой профурсетки вышло нас разлучить? Она ничего не значила для меня, да, я дурак, соблазнился на ее подкаты и флирт, но...

— То есть в твоей измене виновата одна Мира?

Надя посмотрела на супруга новым взглядом. И как раньше не замечала, что он избегал ответственности? Даже сейчас пытался огородить себя, прикрываясь Мирой.

— Или я, Леш? Ты же сам сказал, что если бы я не привела ее к нам в дом, то ничего этого бы не было, верно?

— Верно.

— Ты смешон, просто смешон.

Гдальская зажмурилась, чтобы предательские слезы не вздумали покинуть пределы глаз, но одна слезинка прорвалась и покатилась по щеке.

— Надь, — растерянно дернулся Алексей, протянул руку, которая так и зависла в воздухе, ведь он не знал, как его жена отреагирует на его прикосновение.

— Нас разведут в ближайшие дни, Леш. Вещи я чуть позже заберу.

— Оглянись вокруг, все так живут! — не выдержал мужчина и рывкнул, желая растормошить жену и заставить вести себя, как нормальная баба, а не отмороженная селедка. — Все мужики — полигамные ходоки. Это биология, в конце концов! Я всего лишь

один раз оступился, разве это повод ставить на нашей любви крест? Ты совершаешь ошибку, Надя.

— Ошибку я сделала, когда в ЗАГСе тебе сказала да, а сейчас я принимаю лучшее решение за всю свою жизнь. И я не все, не путай меня со своими... — хотела сказать “профурсетками”, но свечку не держала, — со своей Мирой. Совет вам да любовь. Надеюсь, ты не такой козел, Леш, и примешь правильное решение. Ребенок всё же твой, не виноват же он, что родители его — изменщик и разлучница.

Надя сама не ожидала, что будет так уверенно разговаривать с почти бывшим, но злость сделала свое дело. Плечи ее расправились, она прижала документы к груди и двинулась к выходу, не собираясь больше говорить с Алексеем.

Последний стиснул челюсти и смотрел ей исподлобья вслед. Подбирал слова, но в этот момент у него зазвонил телефон. Он бы с удовольствием послал звонившего на три буквы, вот только номер был ему слишком хорошо знаком. Звонили из приемной генерального. — Алексей Жданович, срочно зайдите к генеральному, — голос секретаря отдавал настоящей паникой, — тут ваша мама и... невеста.

Последнее женщина произнесла с заминкой, ведь прекрасно знала его жену Надю. Черт! Теперь весь офис будет гудеть об их семейных проблемах. Еще и мама так некстати решила разворошить осиное гнездо.

Гдальский хотел пока повременить со знакомством с отцом, думал и подбирал слова, но решил придти к нему после того, как помирится с Надей, вот только, видимо, уже не получится. Мать как обычно всё решила сама.

* * *

Михаил в этот момент сидел в кабинете и подписывал договоры. Весь он светился от переизбытка положительных эмоций, так что нерадивым сотрудникам, которые халтурили в его отсутствие, удалось избежать нагоняя.

— Ирочка Тимофеевна, — вызвал по селектору своего секретаря, строгую женщину лет пятидесяти, которая свою работу выполняла едва ли не резвее всяких молодых, стремившихся в свое время занять это место подле Михаила. Но Архипов придерживался четкого правила: никаких отношений на рабочем месте. И только один раз готов был сделать исключение. Для Нади.

— Что-то вы сегодня больно бодрый, Михаил Львович, — с подозрением хмыкнула секретарша, как только вошла в кабинет. — Неужто жениться изволите?

Это была уже приевшаяся в коллективе шутка, ведь все знали, что его родители уже не чаяли женить его и увидеть долгожданных внуков. Если раньше мужчина отшучивался и даже крестился при упоминании брачных уз, то в этот раз расплылся в улыбке, чем немало удивил Ирину.

— Изволю-изволю, так что вы закажите самый лучший букет цветов на мой адрес. И не как обычно, а что-то особенное, — только он отдал распоряжение, как тут же передумал. — Хотя нет, с цветами я лучше сам, а вы закажите столик на Смоленской на сегодняшний вечер.

Женщина лишних вопросов задавать не стала и ушла, преисполненная задумчивости, а вот Архипов никак не мог сосредоточиться на бумагах. Все его мысли занимала Надя.

О ее разводе он уже договорился, так что за свидетельством дело не станет. И в скором времени она выпорхнет из ЗАГСа абсолютно свободной женщиной. Ненадолго, как надеялся Миша. Делать ей предложение так рано смысла не имело, но вот обозначить свои намерения нужно сразу, пока на горизонте не появился очередной Леша.

Больше Михаил не станет топтаться на месте и сомневаться, ответит ли она взаимностью. За эти пять с половиной лет он оброс броней и давно понял, что женщины любят напористых и наглых, а не романтичных ботаников, которые могут признаться в любви в стихотворной форме.

Глянув на часы, Архипов засобирался. Скоро начнется собрание, на котором он не мог не присутствовать. В конференц-зале собрались почти все начальники отделов и ключевые сотрудники, кроме Гдальского и самого генерального. Время перевалило за десять, а их всё не было.

Народ расшумелся, а вот у Михаила неприятно засосало под ребрами. Предчувствие привело его в кабинет отца, и он не ошибся, за несколько метров услышал женский плач, крики и рык Алексея.

Секретарша отца стояла в коридоре, будто следила, чтобы никто посторонний не подходил к приемной ближе, чем на пять метров, и Архипов оценил ее преданность.

— Что здесь происходит? — спросил у нее прежде, чем войти к отцу.

— Там бывшая жена вашего отца, — в ужасе прошептала женщина и кивнула в ту сторону, откуда раздавался шум.

Михаил напрягся и, долго не раздумывая, шагнул внутрь. Неожиданно обнаружил, что участником безобразной сцены, развернувшейся перед ним, стал не только отец, но и мама, выглядевшая весьма обеспокоенно.

— Всё до копейки ему возместить! — кричала сбоку пожилая женщина, размазывая по лицу слезы. В ней он узнал мать Алексея, которую он видел в его квартире, когда забирал Надю.

— Мама, хватит! — процедил сам Гдальский, и вот за его спиной Михаил, наконец, увидел Миру. Она, казалось, была единственной, кто не выглядел обеспокоенно.

Отец в это время осел в свое кресло, и мама с тревогой во взгляде сразу же подскочила к нему. Налила воды в стакан и поднесла к его губам. Вид у него и правда был бледный и измученный, словно он постарел за те несколько дней, что они не виделись. И это совершенно Михаилу не понравилось.

— Что происходит? — зычно рыкнул и прошел вперед, встал так, чтобы загородить родителей от этой ненормальной семейки Гдальских.

Архипов-младший глянул твердо и вопросительно на Алексея, который смотрел на него волком исподлобья. Будто знал что-то, чего пока не понимал Михаил.

— Так вот оно, твое отродье, — хмыкнула Галина, мать Алексея. Окинула Михаила пренебрежительным взглядом и чуть ли не сплюнула, выказывая ему презрение.

— Следи за своим языком! — крикнула вдруг Элеонора, и мужчина удивился, ведь никогда мама не позволяла себе повышать голос. Нет, она была женщиной интеллигентной, всегда говорила спокойно и рассудительно.

— А ты заткнись, прошмандовка! Разлучница, лишившая моего сына отца!

— Угомони свою мать.

Нижняя челюсть Михаила выдвинулась агрессивно вперед, кулаки сжались до хруста пальцев.

— А ты чего прячешься за чужими спинами? Что, стыдно правде в глаза посмотреть? Пока твой сын жил впроголодь, ты по курортам да морям жопу грел, да?! Что, заменил одного сына другим?! — снова заголосила Галина Никадимовна, она будто вошла в раж, выплескивая многолетнюю злость на бывшего мужа.

Михаил знал, что мама была второй женой отца, но не думал, что когда-то столкнется с той, первой, вживую. Его мозг работал довольно быстро, так что он почти сразу сложил два плюс два. Отец никогда не говорил, что у него была не только жена, но и еще один сын.

Его взгляд моментально скользнул по Алексею, выискивая сходство с отцом. И к сожалению, находил. Да, он не был точной копией, как Миша, но родство было бесспорным. Даже ДНК-тест не требовался. Михаил обернулся к родителям и первым делом подметил бледное лицо матери. Подскочил к ней и заставил усесться на стул.

— Всё хорошо, мам, выпей воды, я сам во всем разберусь.

На отца старался не смотреть. Был зол на него за то, что втянул во всю эту историю мать. Миша пока не знал, была ли она в курсе, но сейчас для него это не имело значения. Все посторонние вызывали у него настороженность и заставляли его мобилизовать защитные силы.

Он обернулся к посетителям и подметил выражение лица Миры. Эта хитрая дрянь наверняка давно об этом знала и всё подстроила, чтобы присосаться к деньгам Архиповых. В отличие от Нади, в этой девчонке он никогда не заблуждался. Встречал таких на своем пути в большом количестве. Все они хотели лучшей жизни за чужой счет и готовы были идти по головам.

— На выход, — Михаил кивнул троице, не собираясь с ними церемониться.

— Нет, ну ты посмотри на него, он еще рот разевает. Наверняка весь в мать, такой же...

— Мама, — процедил Гдальский, видя выражение лица Архипова-младшего.

Несмотря на чувство злости и несправедливости, Алексей всегда побаивался Михаила и не шел с ним на открытую конфронтацию. Ощущал подспудную угрозу. Понимал, что в случае драки не вывезет и опозорится при других, а этого он боялся больше всего на свете.

— Не мамкай! — зашипела на сына Галина Никадимовна. — Хватит молчать, Лев! Хоть раз в жизни будь мужиком! Возьми на себя ответственность!

Михаил было собрался вызвать охрану, чтобы они вывели эту скандальную женщину, но неожиданно из кресла подал голос его отец.

— Что ты хочешь услышать, Галя? Ты сама препятствовала нашему общению, а теперь, почти тридцать лет спустя, хочешь, чтобы я стал взрослому сыну отцом?

Голос Льва Николаевича Архипова звучал устало и тоскливо, он не скрывал, что его тяготит прошлое и его собственные поступки, но прошлое на то и прошлое, что его нельзя поменять. Больше всего он стыдился посмотреть Алексею в глаза. Считал себя виноватым, и от этого чувства было никуда не деться.

Искал ли он себе оправданий? Давно уже нет, не мальчик ведь, а мужчина. Вот только стыду, который растекался по его телу алым узором, этого всего не объяснишь.

И что он мог сейчас сказать своему первенцу? Что никогда не любил его мать и женился по залету, а спустя несколько лет впервые по-настоящему влюбился? Он был козлом, да, но не хотел очернять Галину перед Алексеем. Пусть гнусная история причины их брака останется только между ними.

Галина ощущала себя одновременно опустошенной и злой. Чувство несправедливости разъедало ее внутренности, отравляла разум, и у нее просто упало забрало.

— Ничтожество, — прошипела на бывшего, который смел сейчас смотреть на нее взглядом, полным превосходства.

— Ты сама не разрешала мне видеться с сыном!

— Мам, это правда?

Галина Никадимовна вдруг замолчала, весь ее пыл стух, и она горько расплакалась, практически падая на диван. Нет, она много лет держалась, делала вид, что это было ее решение гордой женщины, но когда увидела Михаила, то полезла в интернет, а там узнала о смерти отца Элеоноры. Того, кого также считала виновным в том, что ее Лешик рос без отца.

Все застыли в ступоре, и только Мира держала себя в руках. Ей было интересно, чем закончится эта драма, она будто напитывалась энергией от скандала, но старалась этого не показывать, держала улыбку в себе. Замахала руками, пытаясь успокоить свекровь, но та довольно быстро взяла себя в руки. Встала на ноги и сверкнула глазами в сторону Элеоноры.

— Мама? — голос Леша стал злее, но она могла его понять.

— А ты у новой женушки своего отца спроси, сынок, — ядовито произнесла Галина.

Лев усмехнулся, даже не удивленный, что всю ответственность за свои гнусные поступки Галина перекладывала на них с Элей, вот только внезапно заметил, как задрожали руки его жены, и как она опустила глаза. Он слишком хорошо знал ее, чтобы обманываться.

— Эль? Всё хорошо? — тронул ее пальцы, ужасаясь тому, какие они холодные.

— Д-да.

Даже голос ее дрожал.

— Что, стыдно за прошлое, змея?

— Угомони свою мать, Алексей, — кинулся на защиту собственной семьи Михаил.

Начался гомон, крики, плач. Никто не мог успокоиться, а Лев Николаевич вращал глазами, не понимая, как обычный день превратился в хаос. Не знал, что делать, пока его Эля вдруг не стала оседать на пол. Подхватил ее на руки и посмотрел на незваных гостей.

— Хватит! — рявкнул так, что аж будто стекла задрожали.

Женщины замолчали, и Миша, наконец, заметил состояние матери.

— Давай после поговорим, Галь, одни. Это касается только нас троих, не вмешивай в это мою семью.

Пожилая женщина промолчала, но на ее глаза навернулись слезы, ведь ей стало обидно при виде Леша, на лице которого она увидела желваки и взгляд побитой собаки. Сейчас она видела перед собой не взрослого мужчину, а маленького мальчика, который так и не дождался отцовской любви. И как же ей хотелось сохранить тайну прошлого, но в то же время она рвалась изнутри, словно стрела, выпущенная луком.

— Идем, мам, ты выглядишь неважно. Измерим давление.

Алексей не собирался унижаться и просить о чем-либо отца, прекрасно видел, что в его жизни есть место только для новой семьи. Когда-то он сделал выбор, и Гдальский вдруг понял, что ни в чем не винит мать. Только что стал свидетелем того, что не очень-то Лев Николаевич и хотел общаться с сыном, раз лишь одного запрета со стороны Галины

Никадимовны оказалось достаточно, чтобы упорхнуть к новой жене и новому сыну.

Когда они оказались в его кабинете, он не сразу заметил, что Мира всё это время кротко следовала за ними по пятам. Когда состояние матери улучшилось, Алексей присел на диван около нее и взял ее руки в свои ладони.

— Не нужно было этого делать, мам. Видишь же, что ему плевать на нас.

Как бы он ни пытался скрыть горечь, она прорывалась в каждом его действии, слове. Боль разъедала его изнутри, преумноженная чувство вины перед Надей. Всё навалилось на него скопом, и он ощущал себя жертвой, заваленной проблемами по самую макушку.

— Не смей так говорить! — вдруг прошипела Галина и обхватила сына руками за щеки. — Когда-то я испугалась, что тебя у меня отнимут, и лишила тебя отца, но теперь всё по-другому, никто больше не посмеет нам угрожать, так что не вздумай отказываться от того, что принадлежит тебе по праву. Понял меня? Обещай мне.

Взгляд у женщины был будто безумный, так что Алексей побоялся ее волновать и кивнул, хотя не до конца понял, чего именно она от него хотела. Но одна фраза заставила его напрячься.

— Что ты имеешь в виду, мама? Отец угрожал, что отнимет меня?

Ярость вспыхнула в его груди моментально.

— Этот тюфяк? Не смей меня, он даже хозяйством в своих штанах управлять не умеет. Больше Гдальская-старшая ничего не сказала, поджала губы и взглянула на него так, будто пожалела о своих словах. Он знал это выражение лица и понял, что на этом ее словоохотливость улетучилась, но сдаваться был не намерен.

— Слушай, у меня вопрос. В моем первом свидетельстве о рождении в графе отец указан Лев Николаевич Простаков, а у генерального фамилия Архипов, там ошибка?

Мира всё это время стояла неподалеку, как вдруг наострила уши, чувствуя, что может извлечь пользу из этой ситуации. А вот Галина Никадимовна вся побледнела.

— Первое свидетельство? Откуда ты...

Господи, она же надежно спрятала его, бережно хранила и лишь изредка доставала его из чердака отцовского старенького дома, откуда они съехали лет пятнадцать назад.

— Когда стал совершеннолетним, хотел найти родственников отца, подумал, что... — Леша покаянно опустил голову и зажмурился, не желая вспоминать о прошлом. — В общем, копался в твоих документах и нашел. Не стал тебе говорить, чтобы ты не расстраивалась, да и не нашел я ни его могилы, ни его родичей. Я так понимаю, что он даже в этом тебя обманул и женился на тебе под липовым паспортом?

Несмотря на ужас ситуации, Галина Никадимовна рассмеялась, хоть звук ее голоса и напоминал карканье обиженной вороны.

Когда Галя выходила замуж за Льва, знала, что он ее не любил, и что женился только из-за того, что она забеременела. Брак по залету, как тогда шептались все кумушки в округе. Да, знала, но была счастлива, ведь стала женой любимого человека. Была уверена, что стерпит-слюбится, а ребеночек их сблизит. И так и было поначалу. Бабушка Льва подарила им однушку, так что им не пришлось мотаться по коммуналкам. Он работал, она вышла в декрет и активно готовилась к рождению ребенка. Тогда наступили лихие девяностые, жили хоть и не богато, но совсем уж не голодали, родители присылали им с деревни соленья-варенья, а распашонки-пеленки по возможности Галя шила сама, очень уж любила это дело.

Когда родился Леша, всё ее внимание сосредоточилось на ребенке. О близости с мужем пришлось забыть, ведь все ее бессонные ночи были отданы Лешеньке, а потом ей как-то всё

это особо и не надо было. Они ведь с мужем притерлись, полюбили друг друга, и ей казалось, что секс раз в месяц — отлично. Ведь все так жили, они уже были не молодыми и глупыми, чтобы только этим и заниматься. Как же потом корила себя, что запустила себя, превратившись в домашнюю клушу, которая не следит за своей внешностью. Впрочем, писаной красавицей она никогда и не была, но ведь любят друг друга люди за душу.

Так Галя и не заметила, в какой момент Лев отдалился, стал задерживаться на работе, уезжать в командировки с шефом. Ох, знала бы она тогда, что все его восхищения дочерью босса и ее образованностью вызваны не лизоблюдством, как она тогда думала, а настоящим адюльтером. Нет, Галя понимала, что та нравится ему, как женщина, но считала, что дочка такого богача и бандита никогда не посмотрит на такого простака, как Лев. Уж слишком большая разница в статусе и финансах между ними была. Ни один состоятельный отец не позволил бы своей кровиночке выйти замуж за обычного парня, выходца из села.

Спустя годы она поняла, что то утро, когда Лев пришел после ночной работы и даже не заметил красную губную помаду на воротнике рубашки, было подстроено, причем им самим. Видимо, устал ждать, когда она, наконец, сама раскроет глаза.

— Прости, Галь, не люблю я тебя. Но у нас сын, так что жить мы будем вместе, я вас не брошу.

Его слова тогда, тридцать лет назад, отпечатались в ее сознании на всю жизнь, ни буквы не забыла она. И так горько было от того, что он даже не попытался тогда оправдаться, а признался сразу, будто только этого и хотел.

— Но к ней ходить будешь, да? Ее любишь?

Лев тогда на ее требовательные вопросы промолчал, но ответы ей и не были нужны. В порыве гнева и боли она выкинула все его вещи с балкона, закатила истерику и разбила стекла его Волги. Он лишь молча стоял в стороне и не мешал, тем самым еще больше раздражая ее.

Тогда она думала, что он стыдился своего поступка, считала, что он еще вернется, ведь всё это не могло случиться с ней, Галей. Это тогда она была наивной дурехой, и уже после поняла, что всё это он делал специально, не хотел быть негодяем, который бросил семью. И гнусно переложил ответственность на ее плечи.

Мать Галины капала ей тогда на мозги, что все мужчины ходят налево, и она дура, что разрушает свой брак. Не с первого раза, но спустя неделю она поняла, что мать права, и тогда впервые пошла к Льву, узнав от его родителей, что он временно снимал квартиру на набережной.

Вот только не нашла его там, ее встретила Элеонора. И не одна. Тогда-то уверенность Гали, что ей удастся вернуть Льва, и пошатнулась. Красавица и дочь известного бандита в их городе, который держал рынки и как раз только-только перешел на более крупный бизнес, имела то, чего не было у Гали. Любящего отца и связи.

— Элечка — моя единственная дочь, и я желаю ей счастья, и если оно заключается в твоём муже, девочка, то я сделаю всё, чтобы он принадлежал ей.

Жесткие слова Павла Архипова заставляли ее тогда чувствовать себя уязвимой и слабой, будто она попрошайка, выпрашивающая крошки с барского стола. Как же было обидно, ведь Элеонора посягнула на ее мужа. Законного мужа, на которого Галя имела все права.

Конечно, она не восприняла слова Архипова всерьез и попыталась найти Льва на его работе. Ждала его весь день у офиса, но он так и не появился. Оказалось, что Архипов отправил его в командировку, а когда она, уставшая, вернулась домой и уснула, на утро к ней

нагрязнула опека. И когда она лишилась Лешеньки, обзвонила всех, включая родителей мужа, но они и вовсе не подняли трубку. Никто не мог ей помочь, и всё, что ей оставалось, идти на поклон к Павлу. Не обманывалась, что всё это было случайностью.

— Так тебе доходчиво, Галина?

— Чего вы хотите?

Она не плакала, сжимала ладони в кулаки и держала себя в руках, понимая, что иначе ей Лешеньку обратно не получить.

— Ты полностью прекратишь общение со Львом, денег на воспитание сына я тебе дам. Не переживай, не обижу.

Перед ней лег чемодан, его открыли, и ее обзору предстали доллары. Невиданная сумма для тех времен.

— Лев — отец моего сына. Мы не сможем не общаться.

Голос ее звучал обреченно, ее трясло от страха, и всё, чего она хотела, — чтобы ей вернули сына. О муже она уже и не мечтала.

— Ты не поняла. Никакого общения.

— Н-но...

— И всё по твоей инициативе, Галечка. Мы поняли друг друга?

Мужчина кивнул своему шкафообразному охраннику, и на стол легла папка. Она открыла ее дрожащими руками и увидела там свидетельство о рождении. Гдальский Алексей Жданович.

— Ты ведь Ждановна, вот и сынок у тебя будет Ждановичем. Да и фамилия одинаковая, так всё-таки удобно, по поликлиникам проще бегать, вопросов никаких.

— Но я Простакова.

— Дальше листай.

И правда. Свидетельство о разводе. Ее новый паспорт. Снова Гдальская. Как же ей тогда хотелось расплакаться. Разрыдаться что есть сил. Но она была матерью и не могла себе этого позволить. Опустила голову, зажмурилась, чтобы не единая слезинка не скатилась из глаз, и закрыла папку, прижимая ее к бедру.

— Когда мне вернут Лешу?

— Арсений тебя отвезет в детдом, я сделаю сейчас звонок, и мальчика отдадут сразу. Но ты должна сделать правильный выбор, Галечка. Иначе...

Галя тогда кивнула, взяла деньги, ведь побоялась артачиться, и с тех пор возненавидела прозвище “Галечка”.

Деньги те она ни разу так и не тронула, закопала под деревом старой дачи и так ни разу их и не достала. Все соседи и родственники посчитали ее дурой, которая лишает сына отца, но она никому не могла рассказать правду. Слишком большая цена. Тридцать лет даже в мыслях не позволяла себе возвращаться к этому. Убеждала себя, что всё сделала сама, боялась, что иначе свихнется, и ее упекут в психушку.

Но когда увидела молодого Льва в виде его сына от этой твари, не сдержалась и загуглила всю информацию о семье Архиповых. И узнала, что ее кошмар в виде Павла Архипова навсегда похоронен, ведь мертвецы не имеют больше власти.

Лев и Михаил крутились около Элеоноры, беспокоясь за ее состояние. Она давно пришла в себя, но лежала с закрытыми глазами и постанывала. Ей и правда было плохо, но не физически, а морально. Она так надеялась, что прошлое никогда ее не настигнет, но тридцать лет — тот срок, что был дан ей для спокойной жизни. Меньше, чем она ожидала.

— Ты не говорил, что у тебя есть еще один сын, — произнес Миша с легким раздражением, но не позволял себе повысить тон, зная, как Элеонора чувствительна к такому. Истинная леди.

— Не говорил, — согласился с сыном Лев, но больше ничего не добавил, только тяжело вздохнул.

— Может, пояснишь, что происходит? Почему мы... Стой, мама ведь знала, что у тебя был сын от первого брака?

— Глупости не неси. Конечно, знала, у нас с ней нет секретов.

— Хотелось бы верить, — хмыкнул Миша, и Эля слабо улыбнулась, чувствуя любовь к сыну. — Что это только что было? Эта Галина и правда твоя первая жена?

— Да.

— Чего она хочет?

Воцарилась тишина. Лев молчал, а Михаил активно работал мозгами.

— Ты ведь знал о нем, — голос его отдавал горечью. — Алексея ведь твой зам к нам в контору пристроил. Только не ври мне сейчас, что ты не знал. Слишком много совпадений, и менеджер такого уровня не мог остаться без твоего внимания. Ты ведь его видел на совещаниях, знал его фамилию. И как я раньше не заметил сходство.

— Подловил, да. И не жалею.

Элеонора распахнула глаза, в шоке глядя на мужа, который за этот час будто осунулся, и не могла поверить, что он скрыл тот факт, что видел сына. Она ведь думала, что он и не знает ничего о первой семье.

— Как давно ты с ним общаешься? — спросила она, испытывая жгучее болезненное любопытство.

— Не общался я с ним, он ведь взрослый, не принял бы уже меня. Я просто попросил Алексеича разузнать всё и устроить его будущее. Он мой сын, Эля, не мог же я бросить его на произвол судьбы.

Элеонора присела, чувствуя себя так, будто ее ударили обухом по голове. Ее трясло. Она боялась, что Галина расскажет Льву то, что Эля надеялась скрыть. Если бы был жив папа, эта женщина бы никогда снова не появилась в их жизни. Они ведь предложили ей денег, и она согласилась, так почему появилась сейчас, спустя тридцать лет?!

— Ты в порядке, мам? — спросил Михаил и, дождавшись кивка, встал с корточек. — Тогда я пойду.

— Сын, — зачем-то окликнул его Лев. Будто оправдаться хотел за свои действия, но осекся и ничего более не сказал.

— Разберись с Галиной, отец.

Миша не мог больше оставаться в кабинете. Внутри его трясло, хотя внешне он выглядел по-прежнему хладнокровно. Годы опыта. Он не мог себе позволить паниковать при подчиненных, чтобы они не расхолаживались, а чувствовали в нем лидера и подчинялись,

так что это наложило определенный отпечаток на его поведении не только в бизнесе.

Вот только работать сегодня он больше не мог. Он ослабил галстук, взъерошил волосы и на автопилоте дошел до кабинета.

Осознание того, что он уведет жену старшего, как оказалось, брата, потрясло его. Алексея он воспринимал как соперника, препятствие, которое следует любым путем убрать со своего пути, чтобы заполучить Надю, но с новыми открывшимися подробностями... Нет, отказываться от Нади Миша не собирался, но неприятный осадок как осел в груди, так там и остался.

— Михаил Львович! У нас ЧП! — вдруг раздался в кабинете крик секретарши, отвлекая его от тягостных размышлений.

— Что случилось?

— Там Гдальский! Алексей, он...

Ирина Тимофеевна была настолько шокирована, что не смогла нормально сформулировать предложение. У Михаила похолодело в груди, ведь ничего хорошего он не ждал.

Наде о вопиющем происшествии сказала одна из девиц с ресепшена. Пока Надя бежала наверх, не дожидаясь лифта, надеялась, что девушка ошиблась, и в кабинете генерального разнос устроил не Алексей. Несмотря на злость и принятое решение о разводе, она не могла проигнорировать выпад Гдальского. Всё же пока он еще ее муж, хоть и будущий бывший.

Около кабинета она оказалась раньше Миши, которого увидела в коридоре боковым зрением, как только вошла в приемную.

— Что произошло? — спросила она и прикрыла ладонью рот, увидев опухший глаз у Льва Николаевича. Вокруг него бегала жена, крутилась секретарша, а вот Алексея у окна держали два крупных охранники, чуть ли утыкая его носом в землю и выкручивая руки.

— Вызвать полицию, шеф? — спросил один из них у генерального. Тот сидел на диване и морщился, касаясь пальцами наливающегося цветом фингала.

— Нет.

— Лёва, ты только посмотри на свое лицо, на кабинет, — чуть ли не заплакала его жена Элеонора, глянув за злостью во взгляде на Алексея.

Надя замерла у порога, не понимая, что ей делать. Она догадывалась, что муж пришел разбираться со своим отцом, но никак не могла уложить в голове, что побудило его размахивать кулаками.

— Отпустите его, — махнул в этот момент рукой генеральный своим подчиненным. Они переглянулись между собой и, не обращая внимания на причитания Элеоноры.

Несмотря на ее опасения, Леша, видимо, уже спустил пар, поэтому выпрямился и не стал приближаться к отцу. Только буравил его взглядом, полным ненависти.

— Успокоился? — спросил его Лев и поднялся со своего места. Уже пришел в себя, хотя голова у него явно болела, судя по мимике.

— Ты заслужил, — выплюнул Гдальский, не обращая ни на кого внимания. Даже на Надю глянул лишь мимолетно, словно пока не мог на нее смотреть.

В этот момент сзади Нади появился Миша, аккуратно сдвинул ее и кинулся к ее мужу и ударил кулаком в нос, после чего раздался хруст, словно его сломали.

— Хватит, Михаил, успокойся, — спокойно произнес Лев и кивнул охранникам, которые вклинились между ними и не дали продолжить потасовку.

— Он заслужил, Лёва, боже, ты только посмотри на свое лицо. Ты не молод уже, а если

бы умер от его удара? Его место в тюрьме, — произнесла агрессивно Элеонора и сжала ладони в кулачки, ее явно распирало от гнева.

Алексей не стал задерживаться в кабинете и, даже не посмотрев на Надю, вылетел, как ошпаренный. Его будто колотило, но от агрессии. Надя было дернулась, чтобы по привычке побежать за ним, вот только в последний момент остановилась. Напомнила себе, что это ее больше не касается.

Она продолжала стоять около распахнутой двери. Ей бы уйти, но Миша вдруг зацепился за нее взглядом и подошел ближе.

— Ты в порядке?

— Да, — ответила она растерянно и кинула взгляд на генерального, который сел в свое кресло. — Мне, наверное, лучше уйти. Может, мне поговорить с Алексеем? Не понимаю, что на него нашло, на него это не похоже.

— Ну, не скажу, что я удивлен, хотя и взбешен его поведением.

— Что случилось? — спросила Надя, чувствуя, что произошло нечто из ряда вон.

— Сюда приходила Галина Никадимовна с Мирой, — скривился Михаил и чуть снизил голос. — Устроили скандал. В общем, мать Алексея — бывшая жена моего отца, а Алексей...

— Твой брат, — закончила за него предложение и пояснила раньше, чем он успел задать закономерный вопрос. — Я догадалась, когда она назвала тебя Львом. Прости, что не сказала раньше, просто не знала, как ты отреагируешь.

— Ты тут ни причем, Надь, даже не думай беспокоиться. В конце концов, это ответственность моего отца.

Надя улыбнулась, чувствуя облегчение, что Миша не обиделся на нее за ее молчание. Пока Элеонора кудахтала над мужем, гоня секретаршу за льдом, Миша кратко ввел ее в курс дела, и Надя нахмурилась.

— Зачем Мира приходила?

— Уверен, она же и подбила эту Галину придти именно в офис. Странно ведь, не находишь? Столько лет женщина молчала и не приходила, а тут появилась Мира, и всё былое выплыло наружу. Разом.

Надя была согласна с Мишей, но чувство вины из-за собственной причастности никуда не делось. И хотя она понимала, что она тут ни при чем, всё равно напрягалась, что и она поспособствовала проблемам в жизни Миши.

— Всё равно странно, Леша и устроил мордобой, — покачала она головой.

Архипов-младший промолчал, но его брови сурово сдвинулись на переносице. Он был зол на Гдальского и не скрывал этого.

— Я пойду, Миш, тебе лучше поговорить с родителями, — сказала Надя и погладила его по руке.

Как только она ушла, следом на выход двинулись и секретарша, и охранники. В кабинете осталась лишь семья Архиповых.

— Что произошло? — не стал тянуть с вопросом Михаил и подошел к столу, нависая и упираясь в него кулаками.

— Алексей ворвался и накинулся на Льва ни с того, ни с сего. Его эта Галина натравила.

Пояснение матери было высказано взволнованным голосом, но Михаил не обратил на это внимания.

— Хватит, Эль, выиграла в нем обида, он ведь прав, я бросил его. Не нужно было мне идти на поводу у Галины, надо было вообще его забрать и самим воспитывать, — хмуро отозвался Лев.

Ни он, ни Миша не заметили, как недовольно поджались губы Элеоноры, и как ее глаза блеснули протестом. Ей эта мысль явно пришлась не по душе.

— Ребенок должен с матерью расти, Лёва, — всё же высказалась она.

— Чего они хотят? Денег? — первая мысль, которая возникла у Михаила. Он не тешился иллюзиями, что у Гдальских вдруг выиграла любовь к его отцу. Он в принципе давно не верил в бескорыстие людей.

— Конечно, что же еще? Если бы Алексей хотел, давно бы нашел Лёву, как только стал совершеннолетним, — поддакнула Элеонора, радуясь, что такая мысль была высказана ее сыном. — Девчонка, которая с ними пришла, беременна от этого Алексея, тоже хищница, сразу по глазам видно. Секретарша сказала, что этот Алексей вообще на другой женщине женат, не завидую ей, но может ей и повезло, что избавилась от такой свекрови и такого агрессивного мужа.

Михаил поджал губы, но не стал пока говорить, что эта жена — Надя. Та, на которой он собирался жениться. Пока не время. Потом просто поставит родителей перед фактом.

Надя смотрела на свидетельство о разводе и не верила, что Мише удалось получить его так быстро. Чувство свободы охватило ее с головой, заставляя чувствовать одновременно и облегчение, и непонятную тоску. Непривычно стать разведенной женщиной.

— Он не пришел, — прозвучал сзади мужской голос.

Миша появился следом за ней, выходя из здания после нее.

— Я не смогла до него дозвониться.

Алексей с того дня, когда устроил в офисе драку, так там и не появлялся больше, хотя прошло уже несколько рабочих дней. Несмотря на желание Миши его уволить, Лев Николаевич запретил, так что ему оформили отпуск без содержания.

Мира на работу ходила, но Надя ее усиленно игнорировала, хотя замечала, что у той тоже был озабоченный вид. Видимо, Леша дома не ночевал.

Надя вещи из квартиры забирала с Мишей, поэтому ее присутствие перенесла с достоинством, не позволив себе ни единого оскорбления, хотя язык так и чесался пройтись по племяннице. Заноза в сердце заставляла сердце кровоточить, но Надя глотала слезы обиды и молча собирала вещи. Не хотела опускаться до уровня Миры. Впрочем, в этот раз она ушла вглубь квартиры и не отсвечивала, будто опасалась присутствия Архипова.

Надя встряхнула головой, прогоняя воспоминания. Они с Мишей подошли к его машине.

— Ты не против, если я поживу у тебя еще неделю? Как раз найду варианты жилья. Просто аванс только на следующей неделе, вот и...

Надя пыталась оправдаться за то, что стесняет друга, но Миша не дал ей договорить.

— Надь, живи у меня столько, сколько хочешь. Я тебя не гоню. Более того, обижусь, если переедешь, считая, что напрягаешь меня.

— Я не хотела тебя обижать, Миш, просто ты взрослый половозрелый мужик, не можешь к себе никого приводить из-за меня.

— Я похож на прыщавого юнца, который только и думает о секс?

Он вздернул бровь и скривил губы, словно Надя его обидела, и она поспешно покачала головой.

— Ладно, Миш, я поняла. Спешить с переездом не буду.

Надя произнесла эти слова с облегчением, ведь торопиться ей и правда не хотелось. Ей нужна была хотя бы временная передышка.

— Сейчас куда? Домой? Или в ресторан ходим? У тебя какой настрой?

Вопрос Миши прозвучал для нее уже до того обыденно, что Наде казалось, будто они — семейная пара, давно женатая причем. Когда их путали, считая за супругов, она краснела, но Миша не поправлял, а Надя не хотела тратить на посторонних энергию.

— Нет, я только вечером приду, Миш, мне надо с Таей встретиться.

— Ты ей еще не сказала?

— Нет. Сейчас хочу. Знаешь же ее, она такая экспрессивная, я была не готова к ее напору. Опасалась, что она кинется к Алексею и расцарапает ему лицо.

— Ха. Посмотрел бы я на это.

— Чур меня. Мне хватило историй ее мести бывшему мужу. Мы тогда запарились ее из ментовок вытаскивать.

— Хочешь, разобьем тачку Гдальскому? Я постою на шухере.

Надя рассмеялась, но отрицательно качнула головой, хотя соблазн был велик. Вот только оказаться за решеткой ей не улыбалось.

— Если что, я всегда готов, Надюш. Так, тебя куда везти? К Таяе домой? Или где вы встречаетесь?

Надя назвала адрес кафе, и вскоре машина остановилась на стоянке около входа.

— Напишешь, как освободишься.

Надя не стала спорить, зная, что он всё равно сделает по-своему, так что просто кивнула и пошла к входу в кафе. Тая уже ждала ее там, сидела за столиком у окна и хмуро наблюдала за ее приближением. Не удивительно. Она, кажется, догадывалась, что Надя скрывала от нее важное.

— Тебя Миша подвез? — спросила Тая первым делом и вытянула голову, глядя на то, как тачка выезжает на дорожную полосу.

— Угу, — не стала отпираться.

— А почему не Алексей тебя подвез?

Тая прищурилась, и Надя в ее глазах видела ожидание ответа и подспудную радость.

— Мы развелись. Только что с Мишей ездили получать свидетельство о разводе.

— Слава богу. Он что, изменял тебе в начале отношений, да? Так и знала, что он козел.

— Всё не так, Тай. Тот мальчик, которого мы в кафе видели, он был зачат еще до наших отношений с Лешей.

Надя решила не возводить напраслину на бывшего и расставить все точки над “i”. Не любила она вранье и несправедливые обвинения.

— Но вы развелись, — произнесла и нахмурилась Тая. — Он решил уйти к бывшей?

Прежде, чем сказать правду, Надя вздохнула, собираясь с мыслями, а затем вывалила на подругу всё, что произошло за последние несколько дней. Рассказала и про измену Лешки с Мирой, и про беременность последней, и про родство Лешки с Михаилом и их общим отцом, так что к концу повествования Тая молчала, лишь смотрела на нее с открытым ртом и выпученными глазами. Надя смогла ее удивить.

— Санта-барбара отдыхает, Надь. Мира, конечно, та еще дрянь. Пригрела на груди змею, называется. Сушка.

— Ох, Тай, я не представляю, что будет, когда Алена выйдет из комы. Это будет такой удар для нее.

Надя прикрыла лицо ладонями и застонала. Ей было жаль свою сестру, которую она любила. У той самой судьба была нелегкая. Мать-одиночка, брошенная когда-то парнем, который женился на дочери богатой семьи. Нет, Алена не смогла бы понять свою дочь, ведь очень трепетно относилась к верности и справедливости.

— Она ее дочь, Надь, переживет. Тебе пора думать о себе. Я надеюсь, ты не собираешься дарить этой Мире не только бывшего мужа, но и вашу совместно нажитую квартиру? Я тебя знаю, так что не смей, поняла? Будешь полной дурой и идиоткой.

— Она в ипотеке, Тай, какая разница. Нас и развели быстро, потому что я от всего отказалась. Да и не хочу я ничего общего с ними иметь. Галина Никадимовна уже кричала, чтобы я не смела ни на что претендовать, не хочу никаких скандалов.

— Собираешься пойти на поводу у этой мымры?

— Нет, Тай, дело не в этом, просто...

— Просто что?

Нетерпение подруги было видно вооруженным взглядом. Она была раздражена

решением Нади, но последняя долго думала над тем, что собиралась делать дальше, и поняла, что хочет начать жизнь с чистого лица. Никакого прошлого.

— Я не хочу больше общаться с ними. Мне кажется, меня забрали бы в психушку, если бы я всё еще оставалась женой Алексея. Уж лучше так, чем месяцами воевать с Гдальскими.

— Думаешь, он такой мелочный?

— Не знаю, даже проверить не хочу.

Тая недовольно поджала губы, но перечить Наде не стала. Что сделано, то сделано. Главное, она избавилась от балласта в виде бывшего, который Тае никогда не нравился. А сейчас Надя даже выглядела по-другому, светилась вся изнутри, и это радовало Таю.

Весь оставшийся день они планировали новую жизнь Нади, уж в этом Тая была мастак, сама пережила болезненный развод.

Когда они уже устали и засобирались по домам, за ними заехал Миша. У Нади телефон разрядился, но она, помня о его просьбе, написала со смартфона Тае. Всю дорогу выглядел он напряженно, всё время поглядывал на Надю так, будто опасался, что с ней что-то случилось, но не заговаривал, пока они не высадили Таю у ее дома.

— Что случилось, Миш?

Ответил он не сразу, собиравшись с мыслями, остановил машину и только потом посмотрел на нее.

— Звонили из больницы. У Алены была остановка сердца.

Надя плакала всю дорогу до больницы, чувствуя вину, что ни разу так и не посетила сестру. Ей было не до этого, и от этого вина еще горше горела в груди.

— Надь, всё хорошо, сердце веди запустили, Алена жива, — произнес Миша.

— Она могла умереть, Миш, а меня не было рядом.

— Жизнь и смерть — вещи от нас независящие, ты ни в чем не виновата.

Слова Архипова немного успокоили Надя, но она всё равно продолжала накручивать себя. Когда они приехали в больницу, там уже сидела Мира. Надя сморщилась, но напомнила себе, что она дочь Алены и имеет полное право сидеть в коридоре и ждать новостей.

— Мира, — произнесла сразу же Надя, испытывая тревогу и жалость.

В эту минуту ей хотелось хотя бы ненадолго забыть обо всем плохом, что произошло. Временное перемирие. Может, сказалось отсутствие, как оказалось, любви к Леше, может, общая беда, но здесь и сейчас Надя желала быть одной семьей. Ненадолго. Ради Алены. Нс то было только ее желание. Глупое и опрометчивое.

— Что ты тут делаешь? — огрызнулась Мира, вставая со скамейки.

— У Алены остановилось сердце, я приехала так быстро, как могла.

— Не смей подходить к моей матери и проваливай.

Надя от наглости племянницы потеряла дар речи. Михаил схватил Надю за руку, собираясь встать спереди и поставить Миру на место, но она и не собиралась пасовать. Быстро взяла себя в руки и ответила наглой родственнице.

— Алена — моя сестра, так что не тебе решать, подходить мне или нет. К тому же, не ты платишь за ее пребывание здесь.

— Это делает Леша! — вздернула подбородок Мира. — Твой бывший муж, если ты забыла.

— А ты осведомлена.

— Леша от меня ичего не скрывает.

— Удивительно. Мыслями делится, да? — Надя усмехнулась, чувствуя, как сердце покрылось броней. — Не старайся, Мира, я в курсе, что информацией тебя снабжает Галина Никадимовна. Да и Леша мне не нужен, так что не старайся меня задеть. И кстати, Леша ни за что больше не платит. Новую выплату произвела я сама.

Мира от наезда Нади замерла, открыла рот, но ничего не смогла сказать.

В этот момент к ним вышел врач. Алена уже была в порядке, но пока Надя не убедилась в этом лично, не поверила.

— Показатели в норме, я бы даже сказал, что пошли некоторые улучшения в мозговой активности, так что...

— Мама вскоре придет в себя? — перебила врача Мира, выглядела она при этом напряженно.

— Да, мы надеемся, что это произойдет со дня на день.

Надя выдохнула, чувствуя облегчение. На ее глазах даже выступили слезы, и все нападки и язвительные комментарии в ее сторону отступили на второй план. Больше не имели значения. Это ведь не самое главное.

Алексей пил уже который день. Снимал номер в гостинице, не желая возвращаться домой. Туда, где они с Надей строили свое семейное гнездышко. Как только Надя получила развод, больше с ним не созванилась и даже не пыталась наладить общение, так что все надежды Леша, что ему удастся ее вернуть, стали спадать на нет. И наступила апатия и упадок сил. Об отце и его семье старался и вовсе не думать, глуша чувство бессилия и гнева алкоголем.

— Почему трубку не берешь? — раздался вдруг голос матери сверху.

Алексей поднял голову и увидел перед собой родительницу. Оглянувшись, но он и правда сидел в баре. Никаких глюков.

— Как ты меня нашла?

— Это всё, что тебя волнует? Если обо мне не беспокоишься, то хотя бы о ребенке подумай.

— О Диме? — вздернул бровь Алексей.

— О вашем ребенке с Мирой, — с раздражением уточнила Галина Никадимовна и присела напротив.

— Не начинай.

— Вижу, ты не в состоянии говорить здраво. Благо, что Надя всё поняла и отступила, даже на квартиру претендовать не стала. Она меня, конечно, удивила, но видно не совсем уж пропащая девка.

— Не смей говорить о Наде.

— А ты на меня голос не повышай, лучше бы к матери больше прислушивался, может, не пришлось бы сейчас страдать.

— Ну да, к тебе, — усмехнулся Алексей. — Может, если бы не ты... Впрочем, неважно.

— Ну говори уж, если начал. Считаешь меня виноватой, что не отдала тебя Льву? Жалеешь, что не рос в богатой семье? Конечно, сейчас бы уже возглавлял компанию. Что тебе могла дать мать-одиночка.

Галина Никадимовна всхлипнула, достала платок и промокнула глаза. Алексей закрыл глаза и раздраженно стиснул пальцами переносицу. Как же его всё достало.

— Не говори глупости, мам. Хватит мусолить эту тему. Мне и без этого тошно.

Алексей сбросил пар, устроив разборку со Львом, но легче от этого не стало. Да, было горько, но поразмыслив обо всем в спокойной обстановке и наедине, он вдруг кое-что понял. То, чего так и не понял Лев Николаевич.

— Ладно, закрыли тему. Но я с Львом еще поговорю, пусть раскошелится и...

— Не надо, я сам разберусь. Ты мне лучше ответь, зачем пошла к нему одна? Еще и Миру взяла, ей и вовсе там не место.

— Мира — мать его будущего внука. Между прочим, первого, их Михаил-то не сподобился, — язвительно произнесла Галина, не смогла удержаться от яда в голосе. — Так что пусть знает, что ты продолжаешь его род.

— Какой род, мама? Я Гдальский, а не Архипов, и мы же не в средневековье. Тем более, ты забыла про Диму, он мой первенец.

— Кстати, о нем. Когда ты нас познакомишь? Приводи эту свою Карину и ребенка, я должна взглянуть, кого она там вырастила.

Карина Галине никогда не нравилась. Слишком своевольная и дерзкая, так что она воспринимала ее, как нечто временное в жизни сына, от чего надо было избавиться. На тот момент, когда Леша с ней расстался, она была рада появлению Нади. Она была хотя бы покладистой и не спорила с ней. Впрочем, Мира лучше. Главное, что не бесплодная.

— Как Карина будет готова, вы встретитесь на нейтральной территории.

Гдальский сморщился, чувствуя за собой вину, что с того раза ребенка так и не видел, но сейчас ему было не до этого. Слишком крутой поворот произошел в его жизни.

— Готова? Пусть там не выделяется, она мать-одиночка, хочет сына отца лишить? — фыркнула Галина.

В ней вдруг заговорили двойные стандарты. Она будто забыла, что и сама поступила почти также. Вот только у нее было весомое оправдание. Она, в отличие от этой вертихвостки Карины, боялась потерять сына, ей угрожала семья новой жены Льва, а этой-то нечего бояться, так что Галина не понимала, почему та выкобенивается.

— Прошу тебя, не лезь в это, мама, — простонала Алексей и протер ладонью лицо. Выглядел он усталым и изможденным.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Галина. — Тогда и ты пойди мне навстречу. Не отталкивай Миру, она всё время плачет, это плохо скажется на ребенке.

Гдальский откинулся на спинку стула и еле сдержал агрессивный рык. Его штормило так, будто он потерял ориентацию в пространстве. Надя ушла, в его жизни вдруг возник отец, которого он считал мертвым, а мама цеплялась за Миру и неродившегося ребенка. И Алексей вдруг осознал, что потерял абсолютно всё.

— Дети — это всё, что у нас есть, Леша, — произнесла вдруг мама и положила ладонь на его сжатый кулак, лежавший на столе.

Он посмотрел на ее старческие руки и прикрыл глаза, принимая ненавистное ему решение. Нет. Он не хотел быть таким же мудаком, как его собственный отец. Как бы он ненавидел Миру, ребенка не бросит, хотя тот и не вызывал у него сейчас никаких чувств. Да и с Димой не мешало бы сблизиться.

Леше как никогда нужен был якорь, который бы удержал его на земле. Даже такой нежеланный.

Вот только прежде, чем он возьмет на себя обязательства, сцепив зубы, он должен решить кое-какое дело. Восстановить справедливость и обелить имя матери. Элеонора больше не смеет носить звание ангела, когда так вероломно поступила с ним и его матерью тридцать лет назад.

— Езжай домой, мама, — произнес он и встал со своего места, надевая куртку.

— А ты куда? — сразу же насторожилась Галина.

— У меня важное дело. Не переживай, сразу после него я поеду домой.

— Вот и правильно. А то у матери Миры была остановка сердца, как она сказала, вот и утешись девочку, она будет рада.

Гдальский замер, чувствуя, как у него заколотилось сердце. Если Мира в больнице, то и Надя там. Ей ведь плохо, и как бывший муж, он ведь может ее поддержать в тяжелый момент?

— Мира звонила, сказала, что эту вертихвостку Надю этот Михаил привез. Видно недолго твоя Надюша страдала. А этот Михаил весь в мать, сразу в чужое вцепился.

Только было Алексей хотел отменить свои планы и помчаться в больницу, как после слов матери передумал. Грудь его сдавило, а рот наполнился горечью. Нет, не верил он, что

Надя сразу же упала в объятия Архипова, но вот насчет последнего он и не сомневался. Тот давно пускал слюни на его жену, а теперь, словно стервятник, вцепился в нее, пользуясь тем, что у Нади и Леша разлад. Урод.

— Может, это даже хорошо. Я видела, этот Миша в Надьку-то влюблен. А она-то бесплодная, значит, и детей у них не будет. Отлично, твои дети будут единственными наследниками Льва.

Гдальский развернулся и ушел, не желая более слушать голос матери, которую унесло не в ту степь. Нет. Алексей брать деньги Льва не собирался, но вот высказать ему всё, что он думает о его семейке, ему никто не запретит.

Адрес Архиповых он знал, так что вскоре парковался около ворот их коттеджа. Особо не раздумывал, сразу же вышел из салона и направился к калитке, но когда она открылась прежде, чем он постучал, был сильно удивлен. Напротив него стояла Элеонора Архипова. И вид у нее был воинственный. Злой. Недовольный.

— Зачем пришел? Снова буяннить?

Элеонора закуталась в шаль, чувствуя озноб. На улице не было холодно, но ее морозило. И она даже знала, что, а точнее, кто послужил этому причиной.

— Льва позови.

Алексей не собирался разговаривать с женой отца, да и видел, что она испытывает к нему неприязнь. Он ее презирал и одновременно с тем поражался, как ей хватает наглости так презрительно на него сейчас смотреть, ведь это она виновата перед ним. Именно она и ее отец угрожали его матери и лишили его отца. С последнего вины Леша тоже не снимал. Тот не был в его глазах ангельским мучеником. Но расставить все точки над “i” спустя столько лет он был обязан.

— Его нет. Говори, что надо, я ему передам.

— Мне от вас ничего не надо, Элеонора, — Алексей усмехнулся. — И с Львом я хочу поговорить с глазу на глаз. Вон его тачка стоит, чего же вы врете, что нет его?

Она поджала губы, а затем оглянулась. В ее глазах проскользнула тревога.

— Сколько ты хочешь? Назови сумму, я достану, но больше ты в нашей жизни не появишься. И из фирмы, само собой, уволишься.

— Засуньте свои бабки... — процедил сквозь зубы Алексей и прищурился. — Как-то всю жизнь прожил без ваших грязных денег, еще столько же проживу.

— Поверь, мальчик, ты даже не представляешь, какими суммами я располагаю. Тебе столько за всю жизнь не заработать.

Его раздражало бахвальство и снисходительный тон Элеоноры, но он старался держать себя в руках. Сюда он пришел не за этим. Но поддеть ее он смог — то принесло ему большое удовольствие.

— Что, на чужих костях их подняли? Самой-то не стыдно?

— Я сделаю вид, что этого оскорбления не слышала. Спишу на то, что ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Мне плевать. Зовите своего мужа, иначе я отсюда не уйду.

Его слова прозвучали угрозой, а затем он во всё горло крикнул:

— Архипов! Выходи!

Элеонора напряглась и толкнула его ладонями в плечи, но она была всего лишь женщиной, и ей не удалось сдвинуть его даже на метр.

— Руки, дамочка. Или мне в полицию за домогательства обратиться?

Леша сам себя не узнавал. Из него сыпались колкие фразы и яд. Раньше он себе такого не позволял, держал лицо, но в последние дни вся его жизнь полетела к черту, так что репутация — не то, что его сейчас волновало.

Элеонора в панике совсем забылась, а затем опомнилась. Она ведь может вызвать охрану, пусть они и выкинут этого приبلудыша, который посмел заявиться в ее дом. Только она схватила телефон и набрала номер начальника охраны, как сзади вдруг раздался голос ее мужа.

— Эля! Это курьер с офиса приехал? Чего так долго?

Она застыла с телефоном у уха и в тревоге посмотрела на Льва, затем на Алексея, лицо которого горело торжеством.

— Н-нет, Лёва, н-нет.

Не особо раздумывая, а действуя на инстинктах, она отступила вглубь и потянула ручку калитки на себя, чтобы закрыть ее, но Гдальский оказался быстрее.

— Нет, Лев Николаич, не курьер, — зычным басом протрубил он на всю округу и нагло вошел внутрь, закрывая за собой калитку с гулким грохотом.

— Алексей? — удивленно возрился на него Лев, а затем помрачнел, вспомнив, чем закончилась прошлая их встреча. Посмотрел на тревожащуюся жену и неправильно истолковал причину ее страха. — Эль, распорядись, чтобы нам накрыли на летней террасе. Нам с сыном нужно поговорить.

Идти на прямую конфронтацию в присутствии Льва Элеонора уже не могла. Но уходя, стрельнула взглядом в сторону Алексея. Ее покорило слово “сын” из уст Льва, но говорить ничего она не стала. Ушла, хотя сердце ее было не на месте. Чувствовала, что ничем хорошим эта встреча не закончится. И ей нужно подготовить аргументы, чтобы как-то оправдаться перед Львом.

В это время сам Лев испытывал противоречивые эмоции. Той любви, которую он ощущал к Мише, было много, но она была сильнее, чем то чувство, которое он хранил в душе по отношению к Леше. Всё же мальчик всю жизнь рос без него, не на его глазах, и огромной привязанности Лев не чувствовал. Хотя перед ним сейчас стоял уже не мальчик. Мужчина.

— Пойдем, раз пришел, хоть пообедаем вместе, как отец и сын.

Лев пошел по тропинке первым.

— А ты мне не отец.

Улыбка исчезла с лица Льва, плечи напряглись, но ничего отвечать он не стал. Сначала остановился и сделал несколько глубоких вдохов.

— Что тебе обо мне говорила мать? Что я вас бросил и отказался видеться с тобой?

Лев продолжил движение, услышав позади приближающиеся шаги. Раз сын не кидается и не уходит, разговору быть.

— Поначалу да, но я думаю, что она была недалеко от истины.

— Разве мы не выяснили уже, что это она запрещала наши встречи?

— Знаешь, даже если бы это было так, после этого ты считаешь себя мужиком? Нормальным отцом?

— Понял, к чему ты клонишь. Я успел навести о тебе справки, Алексей. А ты сам-то далеко от меня ушел? Карина. Дима. Разве ты участвуешь в его воспитании? Карина ведь не запрещает тебе видеться с сыном.

— Не сравнивай наши ситуации, — Алексей сжал кулаки и присел на стул, когда они дошли до террасы. — Я только недавно узнал о сыне и буду участвовать в его воспитании, уж не сомневайся.

— И ребенка Миры будешь также воспитывать? — Лев не хотел усмехаться, но эти слова были последствиями горечи, которая вдруг образовалась во рту. — Ты ведь сам на тот момент был женат, когда обрюхатил племянницу жены.

— Уж не тебе мне нотации читать, папаша. Яблоко от яблони недалеко падает, разве не слышал такое выражение?

Льву нечего было ответить на этот выпад. Он откинулся на спинку стула и на несколько секунд прикрыл глаза.

— Давай не будем ругаться. Я правда рад, что теперь мы можем общаться. Если тебе нужна какая помощь, ты говори, я всегда помогу. Не хочу ссориться со своим сыном.

У Алексея в горле возник ком. Обида, гнев — все эти эмоции бурлили внутри него, как кипящая лава, но ему нужно было хладнокровие, чтобы продолжить долгожданный разговор.

— Какого это, Лев Николаич, быть обманутым собственной женой?

— Не нужно говорить так о Гале, как никак, она твоя мать. Была когда-то моей женой, так что не будем опошлять наше прошлое.

— А я не о ней говорю, а о твоей второй, Элеоноре. Скажи мне честно, из-за денег ее папаши на ней женился?

Всё-таки Леша не выдержал, стал сыпать колкостями.

— Если ты пришел не для того, чтобы наладить наши отношения, а оскорблять мою жену, то выход знаешь где.

— Ну да, невинную благородную Элеонору. Мне ведь даже ее словесно касаться нельзя, да?

В этот момент она вышла на террасу и застыла за спиной мужа. Ее лицо побледнело, в уголках глаз застыли слезы. Руки затряслись, и их она прижала к груди, даже затаила дыхание, когда гнусная правда прошлого всплывет наружу.

— Закрой рот! — рявкнул Лев и стукнул кулаком по столу.

— Ну да, чего это я. Лучше пусть твоя жена сама расскажет, как она со своим отцом сдали меня в детдом и угрожали матери сгноить меня там, если она не отстанет от тебя и будет поощрять встреча отца с сыном. Я ведь всё верно сказал, Элеонора? Ничего не пропустил?

Наступила гулкая тишина. Вязкая, словно болото. Неприятная.

Лев смолчал сразу лишь потому, что ему стало тяжело дышать. Пока он приводил себя в норму, чтобы не накинуться на первенца с рыками, сзади него вдруг раздался жалобный всхлип.

Он обернулся и увидел там его маленькую беззащитную Элеонору, которая не изменилась с момента их первой встречи. Была такая же звонкая, маленькая и красивая. Его девочка. Которую он никому не даст в обиду.

В этот момент в его глазах зажегся огонь ненависти. Нет, не на Лешу, а на Галю, которая, мало того, что оболгала его любимую, так еще и Лешке этой лапши навешала, чтобы вбить между ними клин. Пока он слабо себе представлял, зачем ей это надо, но он обязательно разберется.

Элеонора не знала ход мыслей мужа, но увидела в его глазах настоящую ненависть. И неправильно растолковала подоплеку этой эмоции. Приняла на свой счет и бухнулась на колени.

— Всё не так было, Лёва. Галя ведь сама тогда взяла деньги, сама! А могла бы и отказаться!

* * *

Надя ходила сама не своя. На душе у нее было тревожно. И вроде бы врачи давали хорошие прогнозы, но ощущение неминуемой беды не уходило.

Она продолжала жить у Миши и пугалась того, что с ней происходило.

— Ты всегда так по дому ходишь? — спросила у него в один из дней.

Он в этот момент вошел на кухню, где она сидела за столом и пила чай. Сглотнула,

увидев Мишу.

— А что не так? — он притворно вздернул бровь.

— Ты голый!

— Но-но-но, что за инсинуации, на мне боксеры так-то. Все стратегические места прикрыты.

Он оттянул резинку трусов и отпустил ее, отчего раздался хлопок о тело. Надя прикрыла глаза ладонью, но слегка растопырила пальцы, подглядывая.

— А одежды у тебя никакой нет? — спросила с надеждой, но даже сама уловила в своем голосе нотки недовольства. Словно она и сама не хотела, чтобы он одевался.

— Жарко сегодня, — ответил Миша и поиграл мускулами.

— Тебе каждый день жарко.

Этот разговор повторялся у них каждый день, просто с разными вариациями.

— Ну что поделать, Надюш. Хладнокровный я мужик, — снова дернул мышцами груди.

Надя опять попалась и посмотрела туда. Покраснела, опуская взгляд, но наткнулась на хороший такой бугор в его трусах. Черт.

— Миша, блин!

— Утро же, Надь, я не властен над своим организмом. Особенно, когда ты в халатике на распашку сидишь.

Надя быстро опустила глаза и запахнула полы халата. Пояс слегка развязался, и Мише предстали полукружия ее груди. Благо, она не поленилась с утра и надела лифчик, иначе совсем был бы конфуз.

— Мне, конечно, лестно, но твои шуточки на грани...

— А кто сказал, что это шутки?

У Нади готовые слова застряли в горле. Миша плавно подошел к столу и оперся о него ладонями, нависая и давя своей огромной комплекцией. Она слегка отклонилась и уперлась затылком в стену, чувствуя, как в бешеном темпе колотится сердце.

— Что ты имеешь в виду, Миш? На что намекаешь?

— Я не намекаю, Надь, — голос его стал серьезным. — Я прямым текстом говорю. Ты мне нравишься. Очень сильно нравишься. И я хочу, чтобы ты была моей женщиной.

— Я только развелась, Миш, ты же понимаешь, что, обжегшись, человек дует на воду. Леша изменил мне и...

— Мы с тобой много лет знакомы, еще до Алексея, — Миша стиснул челюсти. — Разве я давал повод усомниться в себе? Я всегда готов придти к тебе на помощь, стать твоим другом, кем угодно, лишь бы быть рядом. Но мне этого мало. Катастрофически мало. Я хочу видеть тебя своей женой. Своей женщиной.

Миша был серьезен, как никогда. Надя видела это по выражению лица, глаз, движению грудной клетки.

Она растерялась, не зная, что сказать. С одной стороны, ей было стыдно, что она только развелась, а испытывает притяжение к Мише, с удовольствием наблюдает за ним и наслаждается его голым телом, хоть и ворчит для порядка, чтобы осадить саму себя. А с другой, вторая часть ее души хотела поддаться притяжению и упасть в мужские объятия, словно спелая вишня.

В ней боролись две противоречивых грани. Одна — приличная женщина, ведомая общественным мнением. Вторая — жаждущая любви девочка.

— Я... — замолчала, смачивая горло чаем.

— Я не требую от тебя ответа здесь и сейчас. Но ты подумай над моим предложением, хорошо?

— К-каким предложением?

— Выйти за меня замуж.

С этими словами Миша достал из шкафчика футляр и поставил его на стол. Надя дрожащими руками открыла его и увидела там помолвочное кольцо с огромным бриллиантом. Такие кольца она видела только в мелодрамах.

— Миш, ты так сильно потратился.

— Глупости. Для любимой женщины мне денег не жалко. Тебе лучше начать привыкать.

— Я еще не сказала да.

— Ну, у тебя два варианта всего, Надь. Да, — сделал паузу, — и да.

На этой нотке, пока Надя сидела с отвисшей челюстью, Миша ушел, сверкая накаченной задницей. Ее фантазия разыгралась, и во рту пересохло, когда представила, как она выглядит без черных боксеров.

В последующие дни Миша не давил на нее. Они общались, как обычно, вместе ходили на работу, завтракали, обедали, ужинали. Она даже не поняла, как он так быстро снова врос в нее. Такие совместные посиделки у них были во времена студенчества. Тогда Надя была влюблена в Мишу, но вокруг него всегда крутились нимфы и модели, так что она запрещала себе даже мечтать. А после встретила Лешу.

— Ты была в меня влюблена? — удивился Миша, когда она рассказала ему, не в силах больше хранить этот секрет. — Ты меня даже никогда не ревновала. Я же тебе всегда про свиданки намечающиеся рассказывал и наблюдал за твоей реакцией. Ты всегда давала мне советы, как общаться с ними.

— Мне казалось, что я не впишусь в твою семью, — улыбнулась Надя. — Где ты и где я.

— Глупости, Надь. Боже, сколько времени мы с тобой потеряли. Ты понимаешь, что призналась мне в симпатии только что? И никуда я тебя больше не отпущу.

— Эй, я не говорила, что снова в тебя влюблена, — закатила Надя глаза, но смущенное выражение ее лица само за себя говорило. — В любом случае, твои родители будут против такой невестки, как я. Если раньше я была просто сиротой, то теперь я — бывшая жена Алексея, твоего брата. Это будет странно, не находишь?

— Нет. Если кто и будет против, то это их проблемы, не наши. Тем более, что в вашей истории козел-изменщик Алексей, а не ты. Я никому не дам тебя в обиду.

Надя давно знала Мишу. Слов на ветер он не бросает, так что его обещания дорогого стоили. И это было то, чего она так сильно хотела.

— Да и не до меня им сейчас, — он сморщился. — У родителей разлад. Они не говорят, в чем дело, но я впервые вижу, чтобы они не разговаривали друг с другом.

— Они любят друг друга, так что помирятся, — Надя попыталась приободрить Мишу и коснулась его плеча.

Но не ожидала, что это действие заставит их обоих застыть. Их глаза встретились, а затем Архипов стал медленно наклоняться.

— Я не остановлюсь, Надюш. Просто не смогу, — прошептал ей прямо в губы.

— И не надо.

Его поцелуй заставил Надю понять, что всё, что она испытывала с Лешей, меркло прямо в эту секунду. То было будто бутафорией, а это взрыв. Фейерверк.

Их близость перечеркнула всё Надино прошлое. Будто она обновилась и стала новой женщиной. Той, у кого снова запорхали бабочки в животе.

Старое не забылось. Нет. Куда там, если каждый раз, когда она навещала сестру, видела там племянницу. Живот у нее рос не по дням, а по часам. Надя знала, что Леша жил в своей квартире вместе с Миром, и хоть уже перестала злиться на них, но обида в ней всё равно клочкотала.

Но у нее был Миша, присутствие которого наполняла ее жизнь красками. Он поднимал ей настроение, не давал унывать. В таком темпе прошло несколько недель, и единственное, что ее по-настоящему беспокоило — родители Миши, с которыми она еще не была знакома, как официальная невеста их сына.

— Слушай, а там не Галина Никадимовна вбила клин между твоими родителями?

— Я сегодня говорил с отцом. Он не стал вдаваться в подробности, но я так понял, что семейка Гдальских имеет к этому какое-то отношение.

— Они сами разберутся, Миш. Всё же Алексей твой брат, не лезь, ладно.

— Защищаешь его? Боишься за него?

Таким Мишу Надя еще не видела. Его скулы заострились, глаза похолодели.

— Нет, Миш, ты что, я просто не хочу, чтобы ты... — она подошла к нему и коснулась его лица. — Просто всё это между твоими родителями и Галиной. У них свои тайны, и раз отец тебе не рассказал всего, значит, не хочет, чтобы ты знал. Позволь им сохранить лицо. Не думаю, что там всё так просто.

Надя и правда считала, что они скрывали что-то, но не представляла даже, что именно. Но право на личную жизнь уважала.

— Хорошо, раз моя невеста просит, — расслабился Миша и прижался щекой к ее теплой ладони.

Он всегда шел ей навстречу. Словно не мог поверить, что мечта всей его жизни сбылась. Но каждое утро, когда они с Надей просыпались вдвоем, его подкидывало от эйфории и удовольствия. Его женщина теперь полностью принадлежит ему. Находится под его защитой. Больше, чем он хотел, но отказываться от этого не собирался.

Элеонора в последние дни постоянно плакала. Лев отказывался с ней говорить, а она корила себя за то, что открыла тогда рот, неправильно оценив ситуацию. Если бы она знала, что Лев ни на йоту не поверил этому оборванцу Алексею, вообще не стала бы выходить тогда на террасу. Дура, какая же она дура.

Нет. Во всем виновата эта тварь Галина. Она же сама взяла деньги и обещала молчать. Неужели спустя тридцать лет решила, что их договоренностям конец?

Накрутив себя, Элеонора вызвала водителя, и он повез ее к дому Галины. Она удивилась, увидев перед собой тот самый старый многоквартирный дом хрущевской постройки. На те деньги, которые они с отцом ей щедро отсыпали, она могла бы купить себе что-то поэлитнее. Даже сейчас эта сумма являлась внушительной, а в девяностые и вовсе была запредельной.

— Явилась, — ядовито прошептала Гдальская, увидев на пороге бывшую соперницу. Конечно, сейчас Гале уже не тягаться с этой нимфеткой. Шутка ли, на десятку лет моложе, ухоженная, при деньгах.

— Нам надо поговорить.

— Ну проходи, раз пришла.

Внутри всё выглядело небогато, и Элеонора не сдержалась.

— Убого.

Галина замерла, а затем обернулась к ней, сверкнув яростью в глазах.

— Если пришла оскорблять, фифа, проваливай. Я не нанималась выслушивать твои оскорбления, мерзавка.

— За языком следи, ты кто такая, чтобы со мной так разговаривать?

— Я кто такая? Я? — Галина взъярилась, даже ее лицо покраснело до неузнаваемости. — Я первая законная жена Льва. А вот ты бы варежку свою поганую прикрыла, разлучница. Не стыдно-то своему сыну в глаза смотреть? Тьфу.

Она даже плюнула под ноги Элеоноре.

— А ты сына моего не трожь. Лучше за своим следи. Двух детей вне брака нагулял и нигде ответственность не взял. Я, в отличие от тебя, своего достойно воспитала.

— Ну да, он же у тебя второсортный, объедки за другими подбирается.

Элеонора была так возмущена, что на несколько секунд потеряла дар речи. Но не понимала, что бывшая ее мужа имела в виду.

— Ха-ха, — рассмеялась Галина, — так ты не знаешь, верно? Жену моего сына звали Надя, а новую пассию твоего сына тоже зовут Надя. Это одна и та же девица, к слову. Что, твой сын так себе мужик, раз объедки подбирает? Прямо как ты, весь в мать.

— Мой сын — настоящий мужчина, и не тебе, и не такому, как твой Алексей, высказывать о нем свои гнилые суждения. И будь уверена, Надя с моим сыном будет счастлива, как за каменной стеной, и детей ему нарожает, наследников Льва, которые унаследуют компанию.

Элеонора не знала, что у ее сына появилась девушка, но обязана была защитить выбор Миши перед этой гадюкой, которая смело нападать на нее. Мерзкая старуха.

— Ха-ха-ха!

Галина начала смеяться, услышав про наследников, да так увлеклась, что не заметила,

как стала оседать на пол. Смех оборвался, лицо побледнело, затем побелело. Элеонора не сразу среагировала, но успела увидеть, как правую часть щеки у Галины перекосило. Инсульт.

Она не колебалась, когда вызывала скорую, а затем своего водителя. Элеонора женщиной была не злой, не готова была взять грех на душу и обречь человека на смерть, пусть и Галину, которая сейчас вместе с сыном портит ей жизнь.

По приезду в больницу это, действительно, оказался инсульт. Элеонора так перепугалась, что это она во всем виновата, что сразу же позвонила Льву. И несмотря на его обиду и боль, он примчался в больницу сразу же. Обняла жену и выслушал всё, что произошло.

— Ты не виновата. Откуда ты могла знать, что так произойдет?

Лев любил жену и даже при непонимании всей ситуации всегда готов был стать на ее сторону.

— Но все будут считать, что я довела женщину до инсульта, — на глазах Эли выступили слезы.

Лев обнял ее, прижимая крепко к себе, и подозвал водителя жены, попросил прислать адвоката, чтобы тот разрулил ситуацию на случай, если возникнут проблемы.

Галине выделили лучших врачей, так что их уверили, что сделают всё возможное. Самое сложное началось, когда в больницу приехал Алексей. В подпитии.

— Что ты сделал с ней?! — сразу же накинулся на Льва, но охрана его не пропустила.

— Мы только недавно приехали, у Галины произошел инсульт, — ответил Лев.

С Галиной он договорится, чтобы о случившемся она не говорила сыну. Боялся, что тот в таком состоянии может навредить Эле. Он много думал о прошлом в эти дни. Оно уже быльем поросло. Раз Галина ничего ему не сказала и сама же взяла деньги, значит, сдалась. Ее всё устраивало. А Эля подарила ему сына, и за него он всю жизнь будет ей благодарен.

Необратимых последствий Галине удалось избежать благодаря деньгам и лучшим врачам, но было одно но. Она совершенно забыла о встрече с Элеонорой. И Лев выдохнул, что не придется заводить с ней неприятный разговор. Так будет лучше для всех.

Вот только на следующий день на его столе лежало заявление на увольнение. Алексей решил уйти из компании. Сначала Лев хотел отказаться подписывать бумагу, но после решил, что пока так будет лучше. А когда всё наладится, он отдаст Леше одну из дочерних фирм, и тем самым хотя бы финансово восполнит годы своего отсутствия.

Галина на удивление больше в их семью не лезла. И если Лев принял это как должное, то вот Элеонора была всё это время напряжена. Она помнила о той девице, которая приходила в офис с Галиной, уже навела о ней справки и знала всю подноготную. Та просто так не отцепится, если всё же плод в ее утробе и правда от Алексея. Но еще больше Элю смущало то, что Мира была племянницей Нади, невесты Миши, которую он им недавно представил.

Нет, Надя на вид ей понравилась: не злая, спокойная, а уж как Миша на нее смотрел, это было очень важно для нее. Но родня в виде Миры тяготила, хотя ни она, ни Лев ничего против не сказали. Слишком хорошо знали Мишу. Тот, как бульдог, если вцепится, не отпустит.

В общем, Эля тревожилась. И не напрасно.

Дата бракосочетания Миши и Нади приближалась, и настроение у обоих было отличное. Надя сходила один раз в больницу к бывшей свекрови, проведала ее, хотя та была не особо ей рада, но Надя считала, что проигнорировать факт ее инсульта никак не могла. Всё же она была ее невесткой без малого пять лет.

Благо, они не пересеклись там с Лешей. Хотя судя по тому, как к концу Галина Никадимовна выгоняла ее, они и впрям могли пересечься.

Миша в это время был рад примирению родителей и полностью сосредоточился на свадьбе. Это был его первый и, как он надеялся, последний брак. И все предостережения Нади, что она бесплодна, отметал поцелуями. Считал, что с ним у нее всё получится. А если нет, то всегда есть суррогатное материнство. В любом случае, в ближайшие года два о детях он и не думал, хотел как можно дольше насладиться затяжным медовым месяцем с Надей. И плевать на всех и вся.

Вот только счастье его было недолгим. В один из дней, пока Надя принимала душ после их утренней близости, на его телефон поступило сообщение.

Он прочитал его, и довольная улыбка слетела с его лица. Сразу, как только он прочел сообщение от Жанны, бывшей, с которой расстался сразу же, как узнал про разлад в семье Нади.

“У меня задержка. Нужно встретиться.”

Пульс разогнался, казалось, до двухсот в минуту. Тело бросило в холод, после в жар и обратно. Черт. У него ведь только стало налаживаться всё с Надей.

“Тест делала?”

В этот момент дверь ванной открылась, и на пороге с посеревшим лицом появилась Надя. В ее руке был зажат смартфон.

— Алена умерла, Миш.

В этот момент он моментально забыл о Жанне и ее задержке. Поставил эту ситуацию на паузу, ведь в жизни Нади произошло горе.

Миша все силы бросил на то, чтобы оказать ей поддержку. Помог с похоронами, утешал и любил ее так сильно, чтобы она не плакала по ночам. Эти всхлипы заставляли его чувствовать себя плохо.

Если сначала он хотел честно признаться, что у него возникла проблема на стороне, то после побоялся. Тогда она точно уйдет, уступит его ребенку, и все его надежды быть вместе будут навсегда похоронены. А этого допустить он ни за что не мог.

Надя — всё, чего он хотел в этой жизни.

К тому моменту, когда он решил встретиться с Жанной и узнать ее планы касательно ребенка, прошло уже недели две. Конечно, он хотел, чтобы она сделала аборт, но заставлять ее считал ниже своего достоинства.

— Ты и правда не отменишь свадьбу, Миш? Я думала, мы поженимся

Когда в кафе он услышал эти слова от Жанны, понял, что надежды ее были совсем иными.

— Это исключено, Жанна. Моя свадьба — дело решенное. Всё, что я могу тебе предложить — обеспечение. Не больше, не меньше.

— Тогда я сделаю аборт.

На этом они распрощались, и Миша забыл об этой ситуации на все последующие месяцы. Но в день, когда состоялась их с Надей свадьба, его жизнь разделилась на до и после. Пришло сообщение от Жанны.

“Я передумала с абортom. Сегодня я сделала УЗИ. У нас будет мальчик”.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net